

Дмитрий Ахметшин

СЕРДЦА

ПОД ОКТЯБРЬСКИМ ДОЖДЁМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Ахметшин

Сердца под октябрьским дождём

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ахметшин Д.

Сердца под октябрьским дождём / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В центре повествования - таёжный городок, который становится центром притяжения для самых разных людей. Юра Хорь, школьный учитель, привозит сюда свою жену, которую мучает навязчивая идея. Валентин вдруг обнаруживает, что не может выбраться из собственной квартиры. Частный детектив прибывает в город, чтобы найти женщину, по слухам, владеющую секретом бессмертия. Безногий карлик, живущий в давно заброшенном санатории на берегу озера, одержим мыслью о поджоге. Им суждено встретиться, и встреча их будет судьбоносной. Жизни многих людей начинают меняться, когда приходит время октябрьских дождей. Содержит нецензурную брань.

© Ахметшин Д., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Роман

Блог на livejournal.com. Запись от 12 апреля, 19:05. Без оглавления.

Я заперт и не могу выйти.
Я заперт в квартире.
Что же это такое?
Просто невыносимо.

Глава 1. Вечер предчувствий, вечер озарений.

1.

Просто невыносимо, – в сердцах сказал себе Юра. – Зачем мне куда-то ехать?

Юра Хорь не назвал бы себя впечатлительной натурой, но дальнюю дорогу умел чувствовать заранее. Чувство, когда что-то зудит внутри, будто в животе поселился рой пчёл. Талдычит: «Скоро... скоро. Сегодня? Нет, день заканчивается на удивление спокойно, жена пьёт какао, с ногами устроившись в кресле, на деревьях под окнами, как воробьи, расселись кошки; их серые тела сливаются с быстро наступающими сумерками, и только глаза не тускнеют. Не сегодня... Значит, завтра. Или через месяц. Но тебе от этой поездки не отвертеться!»

Поводы к таким поездкам для вполне осёдлых людей бывают разными. Смерть близкого родственника – возможно, особенно если ты однажды сбежал из родного города, тихого места в средней полосе Российской глубинки. Но все родственники здоровы и прекрасно себя чувствуют – и у Юры, и у Алёнки. Брат обещался надрать уши за то, что Юра два года их не навещал, и лететь сломя голову в семейное гнёздышко ради сомнительной перспективы сверкать багровыми ушами – сомнительная перспектива. Выигрыш в лотерею? Тут как в старом анекдоте: «Пощи, купи билет». Пиратская карта в бутылке, выловленная во время субботней тренировки в бассейне? Было бы забавно, но...

На самом деле, сорвать человека с места может всё что угодно – сущая мелочь, чья-то внезапная блажь. Как бы крепко ты не цеплялся корнями за землю, с рукой, что сомкнётся на твоей чахлой шее и потянет вверх, как говорится, не поспоришь.

Так бывает... но бывает, что ты сам принимаешь решение. Решение, которое зачастую идёт против здравого смысла, не объясняясь никакими объективными причинами. Но если ты можешь сказать себе: «Моя жена – необычный человек», причина может появиться в любой момент.

Чёрт, иногда Юра думал, что неплохо было бы поинтересоваться, как принимает психиатр в их районной поликлинике.

Алёна целиком посвятила себя новому увлечению – это был первый тревожный сигнал. Забросила все онлайн-игры, коих насчитывалось не меньше десятка, забыла о коллекции бонсай, которая, будто жеманный породистый кот, требовала массу внимания. Бросила на плите турку в луже собственной чёрной крови.

Отдавать себя сотне разных дел было для неё обычным делом, и поэтому Юра прекрасно запомнил день, когда всё поменялось.

Блог на livejournal.com. 13 апреля, 07:10. Пробую осваивать.

Пробую осваивать блог. Зачем? В моём положении это БЕЗУМИЕ. Сейчас начало восьмого утра, воскресенье. Снаружи уже рассвело, но никто не спешит на работу. Должно быть, все нежатся в постелях, один только я на ногах. Не спал всю ночь. Думал, как выбраться из запертой квартиры. Пил кофе. Такого просто не может быть.

Так, давайте-ка по порядку. Изложу несколько пунктов, в которых я уверен:

– Меня зовут Валентин.

– Тридцать пять мне исполнилось четвёртого февраля.

– Я живу в Кунгелъве. Это город на севере России, республика Карелия. Наверняка вы что-то о нём слышали. А может, и нет. Из этого места получился довольно посредственный туристический центр, а люди здесь живут замкнутые и странные.

– Мне больше нет нужды идти на работу. После того, как я не явился ни в пятницу, ни в субботу, меня наверняка вычеркнули из всех списков. Мало ли народу мечтает работать за шестнадцать тысяч в месяц? Тем более, если всё, что от тебя требуется – уметь держать в руках щётку. Город у нас маленький, а голубей много. Сизогрудые, они оттеняют благородную статью фасадов из красного кирпича (это фраза из рекламной брошюры, если что). Твари оккупируют фестоны, карнизы и водостоки и за день успевают засрать оттуда половину города. Так что я выхожу на работу после двадцати одного часа, когда уедет последний автобус с туристами. Помёт прекрасно заметен в свете фонарей... да что там, он заметен и без них. Похож на вату, что лезет из плюшевых игрушек. Только такие ассоциации и позволяют мне не блевать за углом после каждого рабочего дня. Должность называется "мойщик окон"... нет, вы поняли? МОЙЩИК ОКОН, в то время как я отдраиваю до первозданной белизны каждый, мать его, завиток на лепнине!

Ненавижу свою работу.

Точнее, ненавидел. Сейчас-то уже всё равно.

И, наконец, последнее и самое важное:

– Я заперт в собственной квартире!

Чёрт! Её! Дери!!!

2.

Придя с работы, Юра сразу заподозрил неладное и долго, старательно разувался, наступая на пятки ботинок. Выжал за порогом полы пальто (был жуткий ливень), стряхнул зонт: всё это, пытаясь поверить в тишину, которая улыбалась ему с порога. Алёна всегда выбегала его встречать. Возникла как блик от стекла проезжающей машины, чмокала его в губы и возвращалась в красочный мир своих многочисленных бесполезных занятий.

Она сидела на кухне спиной к нему и, подперев подбородок руками, глядела на экран ноутбука.

– Привет, – сказала не оборачиваясь. Юра видел, как её глаза скользнули по его отражению в блестящем боку чайника, мимолётно, как тот поцелуй. – Слышала, как ты пришёл.

– Что там у тебя такого интересного? – спросил он, подходя и обнимая её за плечи. – Заблудилась в сети? Смотри, вот эта чёрная кнопка поможет найти дорогу домой...

– Убери руки, – сказала Алёна. – Я читаю.

Юра взглянул на экран и увидел только кирпичи текста, складывающиеся в удивительно неуклюжее здание. Казалось, оно вот-вот рухнет под собственной тяжестью. Не раз и не два Юре приходилось наблюдать такое в тетрадках своих учеников (чуть пореже, чем сочинение в три абзаца, уместящееся на половине тетрадной страницы, но всё же). Он поморщился.

– Я бы подписал петицию о том, чтобы каждый интернет-пользователь, возмнивший себя великим сочинителем, обязан был давать клятву Чехова перед тем, как его пропустят дальше приветственной страницы гугла.

– Клятву Чехова?

– То есть клятву не топить читателя в морях высокохудожественных метафор и ненужной рефлексии.

– Успокойся. Это просто блог на ЖЖ.

– Интересный? – с сомнением спросил Юра.

– Да ничего себе.

Это было сказано самым нейтральным из всех тонов. Казалось, сквозь него можно было пройти как сквозь облако пара. Таким тоном говорят: «Я сегодня приехала на троллейбусе, потому что трамваи не ходят». Изи толк. Сотрясение воздуха. Юра вдруг ощутил перед собой кирпичную стену. Озадаченный, он вернулся в прихожую за портфелем.

– Хочешь рогалик? Из «Ташкента».

– Не-а. Оставь один. Съем утром.

Юра шелестел бумажным пакетом.

– Ох и вкусные же... Они, наверное, держат в своём подвале какого-нибудь знаменитого французского кондитера. Даром, что сами узбеки.

Алёна вскинула на мужа глаза, терпеливо ожидая конца его реплики, и он заметил что-то... что-то, что не смог бы так сразу облечь в слова.

Ноготь, покрытый прозрачным лаком, чиркнул по экрану наискосок. Мужчина поморщился.

– Ты не могла бы аккуратнее обращаться с техни...

– Зуб даю, этот мужик – психопат, – перебила она.

– Конечно, психопат, – Юра понял, что кипятиться сейчас бесполезно. Одно из главных преимуществ, которое дают годы совместной жизни: умение вовремя сообразить что-то, что тебе позарез сейчас нужно сказать, изменит ситуацию только в худшую сторону, но никак не наоборот. – Работать, не подстроив под себя даже графическую схему. Как он вообще умудрился оседлать этот ужасный интерфейс?

– Нет, самый настоящий, – сказала Алёна. И прибавила, будто пробуя выражение на вкус: – Самый что ни на есть.

Юрий опирался на спинку стула, жуя рогалик с абрикосовым джемом. Крошки падали жене на колени и на живот в белой майке с цыплёнком. Он чувствовал себя мальчишкой, который бросает в стекло камешки и гадает, после какого в окне покажется злобная хозяйская рожа. Только мальчишка может дать дёру (любой мальчишка может дать дёру, даже если этот злодей приходится ему родственником или знает его родителей), а он – нет. И всё равно ронял и ронял эти крошки.

– Утверждает что заперт в квартире и что интернет – единственный способ общаться с миром. Мол, никто не слышит, как он барабанит в дверь, а окна – будто кирпичная кладка. Умоляет кого-нибудь приехать и спасти его или хотя бы позвонить в «911». Этот парень описывает всё так правдоподобно, что у меня мурашки по коже бегут. Вот, почитай здесь: «... теряюсь в догадках, как такое может быть. Я колотил по двери как одержимый. Охрип и разбил себе руки...»

Юра вытер с подбородка повидло. С повидлом на подбородке твой голос звучит в половину не так серьёзно, как должен.

– Надеюсь, ты никуда не звонила?

Он прищурился сквозь стёкла очков, пытаясь разглядеть последний набранный номер на телефонной трубке.

На тонком, как наледь на лужах, лице Алёны вдруг появилась улыбка. "Солнце, – неожиданно для себя поэтично подумал Юра – Солнце вышло из-за туч, чтобы дать нам немного надежды".

– Конечно, нет. Первые записи он сделал весной тринадцатого года. Последнюю – а их тут немало – два месяца спустя. Либо он решил свою проблему, либо...

Она звякнула браслетами на руке и снова вперилась в монитор.

Блог на livejournal.com. 13 апреля, 18:09. У меня всегда была проблема с заголовками.

...Дорогой дневник!

Пришло время рассказать всё с самого начала. Вдруг кто-то да прочитает? Здесь есть счётчик посетителей, но там до сих пор «ноль».

Всё началось два дня назад. Утро пятницы, я как раз вернулся домой с работы – первая ночь моей смены, мы с одним парнем работаем три на три. Его зовут Мирослав, и, как будто этого ещё недостаточно, он страдает от метеоризма и почти не разговаривает. Кажется, ему нравится эта работа куда больше чем мне. Бррр... Хорошо, что я почти никогда его не вижу. Подозреваю, что у него не всё в порядке с головой.

Итак, я вернулся со смены. Было десять часов утра. Прежде чем я обнаружил, что у меня закончились сигареты, прошло ещё примерно минут двадцать. Что-то случилось за эти двадцать минут. Что-то... это слово вгоняет меня в тоску, но всё же я вынужден его здесь употребить – СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Я не смог открыть дверь. Ботинки уже были на мне, горсть мелочи в кармане, но ключ просто не стал поворачиваться в замке.

Что я делал в течение этих двадцати минут?

Да ничего особенного. Разделся, помотался по квартире, доел бутер с сыром, оставшийся с обеда. Сделал себе чай, но так и не выпил. Поиграл с Чипсой, моим попугаем. Вновь оделся. Сейчас я думаю, что одна из вещей, которые я включаю в «ничего особенного», возможно, извлекла меня из нормального мира и поместила в настоящее РЕАЛИТИ-ШОУ. Нужно разложить всё по полкам. Понять, что именно стёрло меня с карниза жизни, словно птичий помёт.

Я не силен в информатике. Простите. Есть какая-то ирония в том, что одна из вещей, в которых я почти не разбираюсь, стала моей последней надеждой. Там, куда (я надеюсь) попадают мои слова, минуя сеть проводов, многочисленные как-их-там-сервера, всякие программки и промежуточные сайты, возможно, есть кто-то, кто может мне помочь. Если это так, то умоляю, ПОМОГИТЕ!

Вы всё ещё не осознаёте серьёзности произошедшего. Скажу лишь, что за эти два дня я испробовал всё. Первым делом, конечно, подумал на замок. Разве у вас никогда не ломались дверные замки?.. У меня – нет. До этого момента. Помню, как сказал себе: хорошо, что я здесь, внутри, а не снаружи. Сейчас, конечно, я так не считаю.

Хотя курить хотелось до тошноты, МЧС я решил пока не вызывать. Позвоню утром. Если они выпустят меня в течение трёх-четырёх часов, до очередной вечерней смены я успею решить проблему с новым замком.

Я махнул на всё рукой и завалился спать, но в 00:49 (я помню об этом, потому что бросил взгляд на часы, и именно сочетание четвёрки и девятки заставило взалкать прохлады; это было очень... ПРОХЛАДНОЕ сочетание) встал, чтобы открыть окно.

И обнаружил, что его тоже заклинило.

Какая связь между окном и дверью?

Они не хотели меня выпускать.

До утра я также обнаружил, что:

– Сотовый телефон прочно потерял сеть.

– Все как будто сговорились против меня! Понимаю, я далеко не лучший сосед. Взять хотя бы страсть к курению: в этих старых домах странно работает вентиляция, и несколько месяцев назад кто-то повесил на нашем этаже объявление, которое предписывало всем заядлым курильщикам засунуть себе своё дымное увлечение куда поглубже. Думаю, они знали, что это я. Иначе объявление висело бы на первом или возле входных дверей. Логично, правда?

Так вот, никто из соседей не желал меня замечать! Моя дверь (как и двери всех остальных квартир в доме) выходит на лестничную клетку. Когда там раздаются шаги, я подхожу к дверному глазку. И за полтора часа, начиная с половины восьмого, там прошли: мужик из квартиры напротив, мальчишка с рюкзаком (он явно не успел истоскаться по школе) и собачница, что

живёт этажом ниже, но заходит к старухе из восьмой, чтобы забрать для своего питомца куриные кости... И вы представляете, даже пёс меня проигнорировал!

Немыслимо.

Я теряюсь в догадках, как такое может быть. Я колотил по двери как одержимый. Охрип и разбил себе руки в кровь. Хорошо, что в аптечке у меня нашлись бинты, но...

Но.

Я в полной изоляции.

...

Ах да, про заголовки. Ума не приложу, как эти напыщенные дурни, чьи фотографии помещают на корочках их собственных книг, сочиняют такие проникновенные заголовки. Все эти «Слова, которые он знал когда-то», «Какие могут быть поводы для паники в десять утра?», или даже «Глава последняя, в которой герой прощается с юностью»... Монументально! Шедеврально! А всё что между – сплошная безвкусица. С гораздо большим почтением я отношусь к заглавиям, обозначенным номерами. Цифры говорят, что ты движешься вперёд. Подсчитывая число внутренних углов в каждой из цифр, ты понимаешь, что у героев вот-вот наступят сложные времена, а когда к первой цифре прибавляется вторая, ты уже на грани истерики.

Сейчас, например, когда в моём счётчике посетителей светится нолик, несложно понять, что я ещё где-то на предисловии.

Что мой сюжет ещё не начал развиваться.

Я не боюсь. Но если честно, то происходит какая-то чертовщина. И ещё: рано или поздно у меня кончится еда.

Пожалуйста, если кто-нибудь это читает, придите и спасите меня. Республика Карелия, город Кунгелъв, улица Заходящего Солнца, семнадцать, квартира номер девять. В домофон не звоните, он сломан.

И не разговаривайте с соседями. Отношения с ними у меня что-то не сложились. Да и странные они люди. Как и все в этом городе...

3.

– Навряд ли обычный человек продержится полгода в запертой квартире, – сказал Юрий, позволив себе прикоснуться к острым плечам жены с тонкими лямками майки. – Если, конечно, он не высадил в цветочные горшки картошку, вроде как тот чувак в «Марсианине».

Шутка прозвучала неуместно, и Алёна ничего не ответила.

Она невысокая, с полными бёдрами, вечно надутыми губами и округлым приятным лицом, в котором чувствуется самая капелька азиатской крови. Предки Алёны, в девичестве Каримовой, из Казахстана. Её плавными звериными движениями, наверное, могла бы щеголять молодая, ещё не до конца освоившаяся с конечностями лань. Волосы цвета тёмной древесины и такие же глаза. В своё время он влюбился в неё сразу и бесповоротно, едва только заметив. В квартире у общих друзей они сошлись как два подводных течения и проговорили, сидя у камина с бокалами самого разного алкоголя, всю ночь. Точнее, говорила по большей части Алёна, а он, тихо млея от выпитого и какого-то зарождающегося чувства, с трудом находил в себе силы для восхищённых междометий.

Это чувство, как и следовало ожидать, давно прошло. Теперь Юра, по крайней мере, может строить для неё сложные предложения не опасаясь, что жена заподозрит в нём путешественника во времени, прилетевшего из эпохи питекантропов и мамонтов.

Алёна сегодня нечего не приготовила поесть. Что ж, и такое случается. Не удовлетворившись рогаиком, Юра прихватил из холодильника батон колбасы, наломал себе хлеба и, откусывая попеременно то от одного то от другого, утолил голод. Потом, устроившись в зале на диване, стал проверять тетради учеников с домашним заданием.

Смешно обвязав шнур вокруг пояса, Алёна принесла ноутбук и поставила на письменный стол. Посмотрела на мужа, в глазах впервые за вечер мелькнуло человеческое чувство:

– Жутковато одной. Как будто кто-то за спиной стоит и водит пальцами вдоль позвоночника. Не дотрагиваясь, но всё равно чувствуешь. Как будто... – она на миг задумалась, а потом лицо её потемнело, – в далёком будущем кто-то наступил ногой на твой череп и раздавил его.

– Господи. Откуда у тебя такие аналогии?

– Откуда-то берутся, – на лицо Алёны вернулось её обычное, смешливое и как всегда немного отстранённое выражение. – Может, подсказывает кто на ухо, когда ты отворачиваешься?

– Никто тебе ничего не подсказывает, – Юрин тон против его воли был безжалостным. Руки сгребли в кучу тетради, как метла дворника ворох листьев, смешав проверенные и ожидающие проверки. – Ты просто очень впечатлительна. Заводишься от любой ерунды. Помнишь, как ты готова была закупить в аптеке аспирина и ехать спасать детей в Африке...

Он чуть не сказал «...бросив меня», но сдержался.

– Милый, – Алёна взяла его за руку, как маленького, провела через всю комнату и усадила перед монитором. – Смотри. Это Валентин. Мойщик фасадов. Был им, по крайней мере, пока мог выбираться из дома. Нечто закрыло его там, как крысу в клетке, хотя он клянётся, что не сделал никому ничего плохого. Он храбрый человек, и даже пытается шутить, хотя в его положении это не так уж легко. А ещё – он живой. Настоящий. Я в этом более чем уверена. Он такой же реальный как мы с тобой. Разве не могут двое реальных людей найти общий язык?

Юра пробежал глазами открытую страницу.

– Он же позёр. Графоман. Посмотри, ну что это за обороты речи? Разве так может писать реальный человек, который попал в затруднительную ситуацию?

– Наклонности имеются, – отмахнулась Алёна. – И только. Наверное, втайне уже пять лет пишет книгу. Но это же не повод обвинить его во лжи?

– Именно что повод, – Юра постучал пальцем по столу. – Он просто в поиске нестандартного пути к успеху.

– Нет, нет... а может... такое же невозможно, да? Чтобы ты барабанил в дверь, а тебя не слышали?

Алёна Хорь посмотрела на Юру почти с надеждой, тем взглядом, которым любая женщина может выдавить из мужчины, как из волшебного тюбика, всё, что она пожелает. Но на этот раз он решил не отступать и держаться до последнего.

– Только если ты стучишь слишком тихо... например, не хочешь, чтобы тебя нашли. Ведь того, что этот мужчина не в своём уме, тоже нельзя исключить, правда?

Алёна кивнула и снова уставилась в монитор. Юра мог наблюдать в играх отражений на гладких пластиковых поверхностях её нос. Поняв, что он всё так же стоит за спиной, она сказала:

– Иногда это бывает забавно. На минуту представить, что что-то невозможное на самом деле существует.

– В таком случае я ему не завидую. Надеюсь, его вызволили без нашей с тобой помощи.

– Валентин, – напомнила Алёна. – Его зовут Валентин.

– Да хоть бы и граф Вяземский, – ответил Юра, возвращаясь к прерванной работе и остывающему кофе.

4.

Перед тем как отойти ко сну, Юра долго смотрел на хохолок волос, топорщащийся над затылком Алёнки – свечение монитора рисовало над ним нимб. Путь из ванной остался на линолеуме цепочкой мокрых следов. Она и раньше так увлекалась, и в эти минуты Юра мог

мяукать не хуже брошенного котёнка, внимание жены оставалось для него недоступной роскошью.

Он подкрался к ноутбуку (который теперь переехал в спальню за их общий письменный стол) и за спиной жены почитал немного, пока в ванной шумела вода. Бред, каждое слово бред. Нету там, как говорят мэтры, литературной достоверности. И всё же... всё же. Чёрные, строчки на белом фоне пахли тревогой. Хуже – они пахли паникой, хотели спрятаться друг от друга где-то за границами экрана, и всё-таки оставались вместе. Видно, что написанное никто не пытался перечитывать. Ошибки-сорняки, проклюнувшиеся тут и там, продолжали существовать как им вздумается. Этот парень не более и не менее чем обычный умалишённый, быть может, смотрящий на компьютер так же как он, Юрий, сейчас – когда некому за ним присмотреть. Как Алёнку, однако, зацепила эта история! Может, в ней умер гениальный психолог... но, скорее всего, живёт очень доверчивая личность.

Относительно последнего Юра много чего мог рассказать – и рассказывал – своим товарищам по вечерним посиделкам в баре за углом. Она прекрасно ориентировалась в современном мире, в том смысле, что все её пароли и личные данные были под надёжным замком в сейфе собственной памяти. Она не покупалась на дешёвые фокусы, которыми обманывают детей и стариков, не была наивной. Однако что-то, что запросто выходило за рамки привычного и понятного нам мира, могло мгновенно выбить её из колеи. Когда они только начинали встречаться, Алёна рассказывала, как однажды, когда ей было двенадцать лет, старший брат целую неделю пичкал её историями о существах, живущих за маминым зеркалом: «У него был череп кошки, и Федя говорил, что ему дали его *они*, хотя на самом деле просто нашёл его на улице. Я верила». И всё что нужно, чтобы их выманить – это каждый день класть за зеркало по кусочку еды. Алёна так и делала, ровно до тех пор, пока вся эта съестная гора не начала благоухать. Юра тогда изрядно потешился над этой историей, будучи уверенным, что она выдумана. И только много позже он понял, что когда Алёна говорит о чём-то выходящем за грань обыденного, в большинстве случаев она абсолютно серьёзна. Она не позволяла себе смеяться над теми вещами, что человеческое сознание не способно понять.

Как странно, что мы вместе, – в который уже раз подумал Юра, засыпая. Ведь сложно быть столь же непохожими, как не похожи они друг на друга. От многих друзей он слышал, что лучшей пары в мире не сыскать. Если говорить языком Лермонтова или Фета, они подходят друг другу как утёс и море: море бьётся об утёс и откатывает, отползает, шепча слова любви или ненависти, вновь накатывает и снова отползает...

И только будучи участником этой системы, изнутри он видел, насколько зияющая пропасть, насколько огромна разница. Он простой очкарик, из тех, что занимаются своими тихими домашними делами, но исподволь, в тайне стремятся уместить свою задницу повыше, чтобы болтать ножками, с улыбкой поглядывать на оставшихся внизу. Именно с этой целью он переехал сюда, в северную столицу, из родного городка. Она... о, Алёна совсем другая. Она разбирается в авторском кино, любит мультфильмы о странных глазастых существах, которые изъясняются междометиями. Верит в жизнь после смерти и поэтому считает, что нет совершенно никаких причин карабкаться на жизненный олимп. «Вместо этого, – говорит она, – почему бы не углубиться в себя? Авось свезёт, и там найдётся что-нибудь кроме перегноя и скелетиков давно позабытых мыслей... Вдруг *сокровища*?» Иногда Юре казалось, что, следуя собственному правилу о том, что со всем приобретённым во время своей земной жизни нужно расставаться без сожалений, однажды она возьмёт и покинет его. Так же просто, как щёлкнуть пальцами.

Юра почти уже спал, когда понял, что дужка очков упёрлась ему в ухо. Он приподнялся на локте, чтобы снять их, и увидел как жена, скрючившись в кресле в неудобной позе, подтянув к груди колени, забывшись, водила курсором мышки по строчкам. Губы её едва заметно шевелились.

– Может, тебе отдать их? – спросил он. – Мои очки? Знаешь, в них у меня сразу получается отличить хорошую вещь от плохой, бесполезной.

Алёна вздрогнула. Что-то метнулось из-под правой её руки в щель между шкафом и стенкой – не более чем тень. Взяв себя в руки, она сказала так, будто была по крайней мере лет на десять его старше:

– Всё сложнее, чем тебе кажется.

Юра что-то буркнул, повернувшись на спину. Алёна вернулась к экрану. Именно тогда под покровом ночи и появилось это чувство – чувство дальней дороги, шорох листьев под подошвами ботинок; появилось, чтобы сделать закоренелого домоседа своим верным приверженцем.

Ему снилось как что-то большое и тёмное катится на них, и бежать столь же бесполезно, как рассматривать норки сусликов под ногами: вдруг, де, в одной из них найдётся место, чтобы спрятаться двоим несчастным, потерявшимся людям?

Или хотя бы одному.

Там, во сне, Юре пришлось себе пообещать, что он не сдастся без боя.

Блог на livejournal.com. 14 апреля, 02:15. На самом деле,

я утаил большую часть правды о той ночи, когда всё началось. Она была ужасной. Чем больше я думаю, тем больше мелочей припоминаю. Удивительно, как близко мы иногда в повседневной жизни приближаемся к порогу неизведанного. А там, вместо того чтобы испытывать трепет и обильно потеть, зеваем и беспардонно гремим кофемолкой, не подозревая, что под её ножи может затянуть краешек ТКАНИ МИРОЗДАНИЯ. Эй, кажется, я заговорил как горе-писака... простите меня за это. Никогда ничего не писал. Всё это так же вынуждено, как и необходимость думать вместо того, чтобы смотреть телек (которого, кстати, у меня нет) и счищать со стен дерьмо. Знание, что я переступил этот порог 12 апреля 2013 года, с 10:00 до 10:20, заставило меня сесть на стул, взять ментальную палку и поднять со дна собственной памяти весь этот ил.

Если у меня когда-нибудь найдутся читатели, было бы интересно узнать: а вы, если вдруг нужно будет вспомнить позапрошлого утро вплоть до минут, нет, до секунд и мгновений, справитесь? Сомневаюсь.

Для моего насквозь продымленного разума это была почти непосильная задача. Я просидел в ступоре почти десять минут, прежде чем догадался взять карандаш и бумагу. Читал где-то, что в одной из восточных стран был интересный обычай. Если нужно было что-то вспомнить (это непременно должно быть что-то, что человек прежде считал малозначительным и неважным), жители её обращались к памяти песка. Не то шумеры, не то египтяне... верили, что песок можно отнести к изначальным структурам, кубикам, из которых формируются любые природные и рукотворные формации. Песок запоминает всё, что вокруг происходит, он как равнодушное неподвижное море. Любой процесс и объект рано или поздно станет песком, песок впитает в себя любые эмоции, и даже армии сгинут там, среди барханов...

Ближе к сути.

Человек, который хочет что-то вспомнить, обращается к песку. Он берёт палку и начинает писать – точнее, рисовать на песке каракули. Он не смотрит на то, что рисует, но при должном желании, при правильном расположении звёзд и удаче эти каракули становятся ответом. Песок, сиречь, сама вечность начинает диктовать ответы. Вы поняли, да?

У меня под рукой нет песка. Но что есть бумага? Дерево, дерево есть жизнь, жизнь происходит из земли, а земля, из которой ушла вся влага, есть не более чем песок. Вот так я посреди ночи стал древним шумером и так же начал с каракуль.

Итак, что произошло?

Песок начал мне помогать!

Я вспомнил. Закрывая за собой дверь, я слышал из парадной урчание. Желудок, переваривающий сам себя, и то звучит музыкальнее. Не скажу, что не слышал этого звука раньше – возможно, слышал. Обычные подъездные звуки, маленькие тайны, которые займут разве что ребёнка. Я не придал ему значения. Тишина в квартире была слишком уж сонной, будто сформировалась под лежащим неподвижно не одно десятилетие камнем. Вечером, перед уходом на работу, я оставил на столе чуть начатый кофе – вбухал туда полбанки сливок и забыл. Я отхлебнул его, чего никогда не делал ранее. Терпеть не могу остывший кофе, но сливки же! Сливки... Чипса сидела в своей клетке, а не на любимом месте на двери. Она возвращается в клетку настолько редко, что одно время я подумывал её продать. Электронные часы показывали 10:07, а примерно через два десятка секунд (за это время я успел подумать в очередной раз, как ненавижу свою работу) – 10:11! Любая из этих мелочей может быть ответом.

Ответом, который я всё равно не пойму ввиду языкового барьера. Всё равно, что показывать дорожные знаки маленькому чернявому папуасу. Что он сможет по ним прочесть?

Не то чтобы я видел на листке бумаги обшарпанные ступеньки парадной, коробку со сливками, часы и темень... хотя нет, темень я как раз видел, жирный клубок, путаницу, в которую превратился грифель моего карандаша, стелясь по бумаге.

Я по-прежнему не могу выбраться. Телефон молчит, стёкла... стёкла окон дрожат от ударов, но не поддаются. Конечно же, по ту сторону меня никто не видит и не слышит. Я РАСКОЛОТИЛ О СТЁКЛА ДВА ЧЁРТОВЫХ СТУЛА И НЕ ОСТАВИЛ ДАЖЕ ГРЁБАННОЙ ТРЕЩИНКИ!

Обломки теперь повсюду. Пальцы кровят и все в занозах. Клянусь, я орал как ненормальный, и если б под окнами остановилась машина с санитарами, я бы сдался им не раздумывая.

Просто хочу знать чуть больше. И я хочу свою жизнь обратно...

Глава 2. Издержки профессии.

1.

Хорь решил отступить, зная, что это увлечение – одно из многих увлечений жены, на которые у него не было билета – рано или поздно пройдёт. Это как хорошая литература... от дрянного писателя – что за ирония! – в том смысле, что, несмотря на дрянной стиль, в неё погружаешься и позволяешь вести за собой. Да и язык после нескольких первых страниц стал ровнее. «Если этот парень действительно в безвыходной ситуации, – подумал Юра, – возможно, он нашёл время сесть, успокоить сердце, хлопнуть стаканчик и всё хорошенько обдумать». Оставалось надеяться, что у него завалилась там бутылочка чего-нибудь горячительного. Если твоя реальность пустилась в неконтролируемый галоп, без волшебного снадобья не разберёшься.

Юра решил, что если так, он вполне способен найти в своём сердце капельку сочувствия. Это привычно и понятно, сочувствие и взаимопонимание от одного пьющего человека к другому.

Наступила череда родительских собраний, где каждый считал своим долгом подойти и заявить: «Мой ребёнок – гений!», либо же – «Мой ребёнок не гений, но...». И та и другая фраза подразумевала необходимость компромисса, который Юрий предлагал как можно более деликатно. Каждый год – одно и то же, каждый день – как кубик Лего, такой знакомый, такой родной, и ты точно знаешь, какой стороной его пристроить в получающуюся конструкцию. Иногда Юрию казалось, что вместо того чтобы добавить ещё один кирпичик к своей монументальной башне, он должен был добавить кирпичик в себя. Что, несмотря на возраст, он всё ещё далёк от идеализированного образа полноценного человека, что жизнь, *настоящая* жизнь, вместо того чтобы идти протоптанной дорожкой, пробирается лесом, как отряд партизан. Умом он

понимал, что такие вопросы задаёт себе львиная часть населения планеты, но такова уж человеческая природа – мечтать об авантюрах, сунув ноги в таз с горячей водой.

Когда становилось совсем невыносимо, он делал себе авантюрные инъекции. В медицинском шкафчике у него были ампулы и с густой, как кровь, чёрной жидкостью, и с прозрачным, резко пахнущим экстрактом кактуса, и приятным лёгким лекарством с шоколадным ароматом... А также почти каждый вечер Юра возвращался домой, звеня бутылками пива в рюкзаке. Он подолгу не пьянел, да и Алёну, похоже, не слишком беспокоила Юрина страсть к спиртному. Может, ей просто всё равно? Думая об этом, Юра чувствовал, что его начинает разбирать смех. Хотелось сделать что-то совсем уж неуместное: прыгнуть на тарзанке с балкона, пойти на улицу и громко, зловеще декламировать стихи, не из школьной программы, а любимого Эдгара Алана По. Такой поступок – Юра был в этом уверен – она бы оценила... И точно так же он был уверен, что никогда не будет на него способен.

Заняв детей какой-нибудь контрольной (десятиклассников сложно, встретив в тёмном переулке, принять за детей, но Юра предпочитал их так про себя называть – чтобы выстроить границу между ними и собой, потому как разница в возрасте была не такая уж и существенная), Хорь прятался за журналом или книгой в мягкой обложке. Он преподавал социологию, литературу, основы экономики, иногда даже русский и историю. Многозадачность в его среде была не то что необходима для молодых учителей, но она ценилась, как основа выживания. Старшие коллеги, которых, конечно, было подавляющее большинство, называли таких как он сколопендрами. Бог знает, откуда пошло это прозвище! Наверное, от какого-то не в меру остроумного учителя биологии.

Биологию Юрий не любил. Она казалась ему излишне натуралистичной, а натуралистичность заставляла голову кружиться. «Это всё твоя душа, – говорила жена. – Невидимая сущность. Она, знаешь ли, на дух не переносит, когда изучают тела, забывая о ней». Юра не верил в существование души. Он был всесторонне развитым и насквозь приземлённым. Он подозревал, что когда-то это разочаровывало Алёну, но потом она смирилась и смогла принять его таким, каков он есть. Или просто сказала себе, что она выше мышьиной возни с разводом и разделом имущества. Даже зная, что он при любом раскладе будет вести себя как джентльмен. Это ли не счастье? – думал Юрий. Много ли людей на свете, которые пришли с жизнью к хрупкому соглашению, ничего от неё не ожидая и расточая себя по пустякам?

2.

Вне школы старшеклассники называли его на «ты», и... ну не сказать, чтобы так уж сильно любили. Всё-таки крепкая связь между учителем и его подопечными осталась где-то во времени пионерии и портеров Ленина над классной доской, но по крайней мере Юрий, проявив немного фантазии, мог удерживать их внимание в течение полутора часов.

– Эй, дядь Юра, – однажды спросил его Фёдор Сыромятников из десятого «Г». – Как получилось, что вы стали учителем? Вы не похожи на всех этих.

Под «всеми этими», конечно, подразумевались его коллеги, динозавры школьной науки, знающие свой предмет на четыре, потому что только господь Бог знает его на пять (а знали бы они, как дети ненавидят эту фразу!)

– Сначала мы закончим с причинами чапанного восстания, – сказал Юрий, перевернув страницу учебника и прижав уголок книги пальцем. Фёдор, рыжий парень, всё лицо которого усыпано веснушками издали похожими на прыщи или укусы насекомых, сидел за второй партой у окна и жевал жвачку. Кто-то на «камчатке» вынул из ушей наушники, и в наступившей тишине стали слышны басовые ноты хип-хопа. Класс выжидая молчал. Конечно, они знали, что он не оставит без внимания вопрос.

– На вас же целая прорва предметов, – продолжал Фёдор. – Вы, типа, кайф ловите, оттого что знаете, что такое монополии или можете перечислить всех членов политбюро сталинских времён? А дома что делаете? Книжки всякие читаете?

– Вами же дыры затыкают, – раздражённо сказал кто-то из девушек, конечно, с задней парты. – Как это можно терпеть? Вы хороший учитель, но очень уж бесхарактерный.

Юрий поискал глазами автора последней реплики. Не нашёл. А если бы и нашёл, то вряд ли сообразил бы что сказать. Значит ли это что девочка права? По-своему, возможно, да, и изъяны в нынешней системе образования те, для кого она предназначена, без сомнения, видят лучше всего.

Вздохнув, он сказал:

– Я никогда не думал, что буду работать учителем.

По рядам пробежал шепоток.

– А кем?

– А кто хочет?

– Унылое занятие – возиться с такими как мы.

Тот же голос с задней парты произнёс:

– Вы отличный учитель! Вы разве не можете попросить для себя какой-нибудь класс? Чтобы быть классным руководителем и вести один предмет.

– Я никогда не хотел быть учителем, – повторил Юрий. Второй вопрос он умышленно проигнорировал. Положительный ответ на него будет самым что ни на есть лицемерием, а отрицательно отвечать не хотелось. – Просто любил читать книги. С самого детства. Не знал, зачем мне всё это было надо, да и сейчас не знаю.

Юрий встал, загородив густо исписанную датами доску, оглядел своих подопечных, остро в этот момент осознавая, что через восемнадцать минут они выйдут за дверь, выбросив из головы почти всё что он говорил, как обёртку от жевательной конфеты. Так происходит всегда. Так почему сейчас не поговорить по душам? Почему не сказать, что он думает?

Вывернув дыхание, он продолжил.

– Природа наделила меня проницательностью. Звучит, может, излишне претенциозно, но я и в самом деле начал подмечать некоторые очевидные не для всех вещи ещё с малых ногтей. Неспособный найти им объяснение, я придумывал для себя истории. Разные. Например, что все люди, которые встают с утра, чтобы с кислой миной поехать на работу, – Юра изобразил кислую мину, и по классу прокатились смешки, – на самом деле роботы. Пустые оболочки, в которых инопланетяне когда-то изучали Землю. Как ходячая одежда. А потом они улетели и оставили этих андроидов функционировать. Мне казалось – ткни их иголкой, и они сдуются как воздушные шары. Я сколотил банду и швырялся желудями в трамваи и троллейбусы, пока один раз меня не поймали и не вправили мозги. С тех пор я стал замечать за собой приступы меланхолии. Я стал думать – возможно, чрезмерно много.

– Меланхолия – это болезнь, – сказала Маша Селиверстова, белокурая шустрая девчонка, похожая на стрижа. – По телеку говорили.

Юрий ухмыльнулся. Он видел по выражению лиц, что чего-чего, а такой бескомпромиссной, злой ухмылки от него не ожидали.

– Этот вирус, девочка, не подвергается стандартной классификации. Можете спросить своего биолога – кто это, Маргарита Валентиновна? – но я уверен, что она ничего не скажет. Я выводил на полях школьных тетрадей свою теорему и раз за разом, глядя на людей, доказывал её для себя. Две трети из вас не найдёт своего места в жизни. Так же, как я. Да, я сам принадлежу к тому племени, в представителей которого раньше швырял камнями. Я как секретный агент внедрился в него и увидел, что люди равнодушием ко всему окружающему сами убили внутри себя всякую жизнь. Знаете, что меня отличало от всех остальных? Лишь одна маленькая

деталь: став винтиком этой машины, я не утратил возможности рассуждать... правда, поделаться всё равно ничего не мог.

Наступила тишина – Юрий потирал запястья. Они болели, будто он только что лично вколотил десяток гвоздей в крышку чьего-нибудь гроба. Дети переглядывались, как игроки в мафию, пытающиеся расколоть друг друга. В этот момент – думал позже Хорь – они разделились на два фронта, на две нации, исконно враждебные, не открыто, но исподволь, исподтишка.

– И что вы тогда стали делать? – тихонько, почти плача спросил женский голос. Юре померещилось, что он донёсся из-за окна, но за окном никого, только печально качающие головами тополя, уже готовые примерить коричневый наряд. Учебный год ещё только начался, на улице стояла прекрасная для сентября погода (да что уж там – ей бы позавидовал сам июнь), но атмосфера в классе была – словно кто-то открыл окно в февраль.

– Я расширял свои знания довольно бесконтрольно, надеясь, что однажды они пригодятся. Без должного энтузиазма, как вы понимаете, без огонька. Просто использовал врождённые свои склонности. Пообещал, что как только выдастся возможность заполнить себя чем-нибудь, я сразу это сделаю. А пока – вот он я, как есть.

Юрий швырнул на стол ручку и развёл руками, словно пытаясь таким образом облечь в слова всё недосказанное.

– Ну вы даёте, дядь Юр, – сказал Фёдор. Он старался держаться непринуждённо, но Юрий видел, что задел даже его: нижняя губа покраснела, что являлось признаком сильнейшего волнения. – Вам же уже за тридцатник! Это что, значит, вы что-то проморгали?

– Я не мог ничего проморгать, – ответил Юра нахмурившись. – Каждый раз, когда мне выпадал шанс изменить свою жизнь, я тщательно взвешивал все за и против.

Он умолчал, что каждый раз этот шанс был как монетка на дне грязного, тухлого водоёма. Какой-то мальчик – Мальчик-Который-Только-Начал-Всё-Осознавать – сказал: «И оставался там, где ты есть, не торопясь ничего изменить», но Юрий ничего ему не ответил.

Тут ему в голову пришёл ответ на один из первых вопросов, заданный неприятным женским голосом с задней парты, такой ясный и кристально-чистый, что Юра просто не мог его не озвучить. Улыбнувшись, он сказал:

– Именно поэтому я и не беру себе класс. Например, вас, голубчиков... хоть вы очень хорошие, правда. Один из лучших классов, который мне довелось учить. Однажды может случиться что-то, что заставит меня исчезнуть. Уволиться и переехать на край света. Я всегда в подвешенном состоянии, всё ещё смотрю по сторонам. С жадностью смотрю. И я боюсь вас подвести.

Он колебался, но всё же решил говорить до конца:

– Кроме того, мне больно смотреть, как мои теоремы снова и снова доказываются вами. Как вы чернеете, обугливаетесь изнутри. У вас у всех сейчас такие красивые глаза... осмысленные. Будто вас разбудили посреди ночи. Ну, кроме Ерофеева.

По рядам пробежал смешок, в течение десяти секунд Юрий имел счастье созерцать детские затылки. На предпоследней парте у стены сидел Ваня Ерофеев. Прикрывая рукой одну из своих пухлых тетрадей, он что-то рисовал. Все знали, что в этих тетрадях – одинаковых, как безобразные близнецы, с толстыми синими корками – идут процессы далёкие от учебных. В отличие от других учителей Юра никогда не отбирал у паренька эти сакральные тетрадки, но много раз, словно невзначай проходя мимо, замедлял шаг и даже задерживал дыхание, чтобы не дай бог не оборвать пульсирующие нити созидательного процесса.

– Что вы все на меня устались? – спросил он, готовясь защищаться. Ваня был полноват, с длинными сальными волосами и чёлкой, похожей на дымный след подбитого самолёта. Шею его покрывали красные угревые пятна.

– Слыш, странный, – сказал Фёдор, доставляя языком комочек жвачки из одного угла пасти в другой. – Дядь Юра нам тут за жизнь рассказывает. Не слушать учителя, вообще-то, невежливо.

– Ему – можно, – сказал Юра чуть более резко, чем следовало. Почувствовав, что снова стал центром внимания, он сказал: – Пускай парень занимается своим делом. Если узнаю, что кто-то его достаёт, будет иметь дело со мной.

– Он как будто не с земли, – буркнул Фёдор.

– Такой, каким должен быть, – отрезал Хорь. – То, что я сейчас вам говорил, к нему не относится. Пока не относится, и, надеюсь, не будет.

Он кивнул мальчишке, позволяя ему вернуться к прерванному делу. Наблюдая реакцию класса, перевёл дух. Кажется, поняли. Большинство из них. Наивно было полагать, что теперь они будут смотреть на того, в чью спину стреляли бумажными шариками, другими глазами, но хотелось думать, что первый шаг к этому сделан.

– Если вопросов больше нет, – Юра сверился с часами, – я отпущу вас пораньше. У вас же больше сегодня нет уроков? Пускай ту депрессивную речь, что я перед вами толкнул, разбавят лишние минуты на свободе...

Его перебил возмущённый голос и взметнувшаяся рука:

– Вы же женаты! Как вам не стыдно? Разве вы не счастливы? Разве вы не любите друг друга?

Юрий, к своему стыду, не помнил, как зовут девушку. Помнил только фамилию – Морковина. Она, очевидно, из тех, кто полагает, что после дождя и солнце сияет ярче.

– Если вдруг вам приспичит «исчезнуть»... тогда что? – в голосе появились сдавленные нотки. – Просто бросите её?

На неё зашикали. Кто-то засмеялся. Почти у всех были перед глазами примеры в лице родителей. Семьи, в которых далеко не всё так гладко, как хотелось бы. А она – просто наивная пигалица. Тем не менее, Юра ответил:

– Любовь – погоня друг за другом, за увлечением и совместным времяпрепровождением. Бесконечная игра в салки. И кто-то из двоих неминуемо устанет от неё быстрее другого.

Его голос заглушил звонок. Все вздрогнули, будто не слышали этот звук миллион раз, не ждали его, или, напротив, ждали, а вместо привычной трели раздался ужасающий грохот. Никто не пошевелился, глотки портфелей не распахнулись, а руки, против обыкновения, не потянулись, чтобы собрать со столов вещи.

Юрий подошёл к двери, открыл, позволив гулу школьного коридора пробудить своих подопечных. Они поднимали головы и вслушивались, словно могли различить там голоса товарищей из параллельных классов.

– До встречи на общественном в четверг, – сказал он. – И, несмотря на то, что предмет близок к теме, которую мы сегодня затрагивали, мы больше никогда не вернёмся к этому разговору. Всё, проваливайте!

Выпустив последнего ученика – проходя мимо, они опускали глаза – и закрыв дверь, Хорь без сил рухнул в кресло. Что вообще заставило его поднять эту тему? Детей винить нельзя, они, следуя своей сущности, просто задавали вопросы. Ребятам не помешал бы пройти курс пути к успеху. А он вместо этого преподавал им урок неудач.

На самом ли деле Юра верил в то, что сказал этим детям. Или просто, поймав редкую птицу-красноречие, не сумел удержаться от того, чтобы не похвастаться? Он никогда не умел говорить о серьёзных вещах и ни с кем о них не говорил. Тем более с самыми близкими людьми – с женой и отцом. Особенно с ними. Юра не был на все сто уверен, что выводы его правильны. Он боялся услышать, что дела в мире обстоят ровно наоборот, что он всю свою жизнь гонялся за призраками и крутил ручку настройки в надежде поймать несуществующую радиостанцию. Когда жена отвлекалась от своих многочисленных увлечений и находила время для него (на

самом деле, такого же увлечения; Юра чувствовал себя рядом с ней персонажем второго плана в комедийном спектакле), её взгляд вопрошал: «Что с тобой не так, приятель?» Он не отвечал – только глубже забирался под свой камень, уродливый обитатель глубин, осьминог с мышинными глазами. То, что он сумел раскрыть какую-то часть своей сущности перед классом, мало-знакомыми людьми, да ещё детьми, чуду подобно. Над этим стоит задуматься.

Идя в тот день с работы, погружая ноги в лужи и чувствуя как ботинки разбухают, будто хлебный мякиш, он думал, что не мешало бы нынче же вечером обсудить всё это с самим собой, в свойственной ему манере домашнего алкоголика.

Наивной пигалице из десятого «Г» было бы не очень отраднo узнать, что жена не торопится принимать участие в его медитации или как-то ей противодействовать.

Блог на livejournal.com. 14 апреля, 07:20. А что, собственно, это была за жизнь?

...Да уж, семь утра после бессонной ночи – самое время для экскурсов в прошлое.

Никогда не думал, что так рано начну писать автобиографию. Да и не уверен, что она окажется достойной хотя бы разворота в журнале «Story». Просто пытаюсь понять, что за цена у этой пыльной монеты. Стою ли я того, чтобы оказаться законсервированным между четырьмя стенами?

Вряд ли.

Переехал сюда почти шесть лет назад. Тогда меня снесло единственное желание – оказаться как можно дальше от дома. Смерть моих родителей разделяли полтора года, а расстояние между городом, где я родился и вырос, городом, где я, особо не разбираясь в рыночных ценах на двушки, сплавил семейное гнёздышко, и городом, куда я переехал, соблазнившись фотографиями в рекламном проспекте, составляло добрую тысячу километров.

Никогда не думал, что когда-нибудь стану путешественником. Я просто бежал. Хотел начать всё заново.

Те рекламные проспекты нашлись в мусорной корзине тогдашнего моего коллеги по работе... а, кого я обманываю! Я просто выносил мусор – одна из многих моих обязанностей, как ночного уборщика. Знали бы вы, что иногда выкидывают порядочные люди! Мне приходилось за них краснеть! Одно время я сердился, но потом выкурил сигаретку и понял, что люди, разжимая руку и отправляя эти вещи в короткий полёт до мусорной корзины, выкидывают их и из собственной головы. Все эти чеки, грязные салфетки, рекламные брошюры, фотографии, не предназначенные для чужих глаз, клочки, из которых складываются письма с нелицеприятным содержанием.

На блеклых фотографиях Кунгельв, в советское время Маркс, казался декорациями к старому фильму. Рекламные брошюры не питали особых надежд в собственной эффективности. Должно быть, Иван, старший менеджер по продажам («К вашим услугам» было написано на его визитках) прихватил эти брошюры в числе прочего мусора из рук промоутера или на вокзале, да так, не прочитав, и бросил в урну.

Меня же они таинственным образом привлекли. Мама тогда ещё была жива, хоть и болела, поэтому о переезде я даже не помышлял. Но всё же... всё же. От туманного озера с одинокими рыбацкими лодками я не мог отвести глаз. Рамки фотографий пропустили меня под собой, словно гостеприимно распахнутые ворота. Там хвойный лес, что струйками дыма просачивается сквозь город и собирается в плотную тучу за его окраиной, старинная часовая башня – уцелевшие цифры на её циферблате можно сосчитать по пальцам одной руки, – и дом, в котором я сейчас живу. Слова дежурные и старомодные, но когда я приехал сюда в первый раз, я понял, что всё это на самом деле имеет место быть в Марксе. Это и правда «рай для тех, кто ищет отдыха» и «самое большое скопление памятников архитектуры на площади в двадцать квадратных километров».

Эти брошюры валялись у меня на столе до двадцать восьмого января две тысячи седьмого года, когда не стало мамы. Глядя на них после всего произошедшего, я подумал, что это, наверное, идеальное место, чтобы обо всём подумать. Я оборвал все возможные связи в родном городе, распродал имущество и с парой чемоданов и старым отцовским рюкзаком сел на поезд до Питера – чтобы пересесть оттуда на Выборгский экспресс, а потом, не покидая даже здания вокзала, ещё дальше.

Может ли быть, что нынешняя ситуация является прямым развитием туманных образов и мыслей, что преследовали меня тогда? Или ещё раньше – в детстве? Невропатия... диагноз звучал холодно, как забытый в морозильнике нож, и он успешно справился с отсечением от меня некоей части. Не скажу, что она была важной, ведь последующие тридцать лет я мог без неё обходиться. В школе меня звали колченогим табуретом, или просто колченожкой. Не знаю доподлинно, откуда взялось это прозвище (точнее, уже не помню), но сейчас я думаю, что оно очень мне подходило. Колченожка всю жизнь прожил с родителями, которых ненавидел лютой ненавистью. Колченожка работает только в ночные смены, в его послужном списке должность охранника на автопарковке (хотя Колченожка вряд ли смог бы задержать и шестилетнего нарушителя), да уборщика в суперсовременном офисном центре – сомнительный карьерный рост, зато симпатичный синий комбинезон. Колченожка никогда не знал женщины – просто потому, что какие-то винтики в голове работали не так, как должны.

И, наконец, уно гранде финале – Колченожка думает, что у него получилось бы написать КНИГУ! Но конечно, за всю свою жизнь не пишет и строчки – ни одной.

Как развивалась моя жизнь потом, наверное, не слишком-то интересно. Я устроился здесь на работу, такую же унижительную, как и прежде. За деньги, вырученные от продажи квартиры в родном городе, крайне удачно приобрёл эту халупу на третьем этаже здания, бывшего прежде доходным домом купца Семёнова (если будете в наших краях, обязательно прочтите табличку на углу здания). О ремонте речи не шло: даже на то, чтобы перевесить вешалку, требуется разрешение минстроя и органов по надзору за культурными сооружениями. Здесь, в маленьких туристических городках, мы не поклоняемся Евроремонту. Здесь мы живём как придатки к чему-то старинному и уважаемому, словно еноты, занявшие покинутую медвежью берлогу.

Если взглянуть на проблему с этой стороны, находится самое простое объяснение: дому надоела моя помойка и он решил лишить меня прогулок на свежем воздухе.

Логично звучит, правда?

Первые недели моего пребывания здесь я бродил по городу, как по голове огретый. Он совсем небольшой. Всего четыре поперечных улицы и семь продольных. Восемь переулков. Останки каменной стены, что больше ничего не ограждает, но служит почти истёршейся, но ещё видимой чертой, границей, за которой начинается лес, перемежающийся болотами, мир дикий и необузданный, наполненный порождениями легенд и человеческой фантазии, как в фильме М.Найта Шьямалана. Лес сейчас обнаглел, суёт длинные свои конечности всюду. А вот люди остались теми же. Видели бы вы лица этих дремучих старух!

За останками каменной стены до сих пор нет ни одного здания, кроме автозаправки, да магазина, что закрывается в 21:00.

Официальная дата основания города – 1694, времена наивысшего расцвета Выборгской крепости, тогда ещё принадлежащей шведам. Это был перевалочный пункт на речушке Звонка, вдоль которой в Европу шли торговые караваны; здесь же действовала паромная переправа. Мне кажется, для местных купцов это что-то сродни семейному супермаркету на выезде из любого крупного города, где ворчливая жена могла прикупить для своего забывчивого мужа оставшуюся на прикроватном столике ортопедическую подушку, а себе – книжку в дорогу или орешков кешью. С тех времён сохранилась разве что пара строений, с которых я убираю птичий помёт особенно тщательно – не из-за их исторической значимости, а из-за неровной каменной

кладки, что за столетия стряхнула с себя всю штукатурку. Речушка также давно пересохла, но на западной окраине города до сих пор заметен овраг. Когда ложится снег, местные детишки катаются там на санках, а три года назад один малыш, разогнавшись до хороших скоростей, сломал себе шею. Осталось только озеро, задумчивый водоём, неожиданно огромный, выдыхающий к вечеру облака комаров. Оно удивительно красиво в закатных лучах и сейчас играет одну из значимых ролей в деле привлечения туристов.

До этого здесь, похоже, были поселения карельских племён. Костей никто не находил, но многие верят, что если взять лопату и капнуть поглубже, можно собрать себе из черепков посудный набор в стиле «ретро».

После того, как БОЛЬШОЙ БРАТ с замком на острове перешёл в ведение Российской империи, городок захирел. Российские деньги и хваткие градостроители добрались сюда только в девятнадцатом веке, да и то, кажется, от скуки. Нашли руины да могилы... ну, и потрясающей красоты природу, которая на человеческих костях цветёт и пахнет дважды, нет, трижды против прежнего. Городок реанимировали, заселили, имея целью основать здесь санаторий, куда бородатые писатели, меланхоличные учёные да общественные деятели, уставшие от общности, будут приезжать, чтобы отдохнуть душой и телом. Многие оставались здесь до конца: гуляя по улицам в первый раз, я поразился количеству памятных табличек, посвящённых давно позабытым знаменитостям.

В финский, как и советский периоды здесь ничего не менялось. Кунгельв словно вычеркнули из всех анналов, стёрли из всех возможных списков, вымарав в том числе из очереди на технический прогресс. Большое счастье – нет, на самом деле! – что сюда провели электричество.

Сейчас, припоминая нюансы моего сюда приезда, я окончательно понимаю: я ехал в Кунгельв не как турист, а как неудачник, что увидел во сне дом, в котором проживал в одной из своих прошлых жизней. Я один из тех бедолаг, что бесследно растворился среди четырнадцати улиц, нескольких переулков и восьмидесяти трёх строений.

Лежу, пытаюсь заснуть. Потом вскакиваю и бесцельно брожу по квартире. Разговариваю с Чипсой – она открывает один глаз и смотрит на меня немигаючи. Снова пробую дверь, тычусь в окна. Как ящерка в аквариуме. Ящерка в аквариуме поумнее. Она всё время смотрит вверх, зная, откуда ждать Длань Дающую.

Я жду её каждую минуту, но ничего не происходит...

3.

Юра был высок, слегка нескладен, сутулился, стригся как придётся, носил очки в толстой чёрной оправе. Несмотря на возраст, страдал множеством мелких, но неприятных болячек, которые, соответствуя его быстрой, порывистой натуре, словно стремились навстречу ему прямым из старости.

Он был насквозь пропитан простыми вещами и мог с полной ответственностью именовать себя простаком – не тем, что с грубым голосом и мужицкими руками, похожими на наждачную бумагу, любителем смотреть футбольные матчи по телевизору, – простаком другого сорта. Пьющим из гранёных стаканов, стесняющимся врачей в поликлиниках и девушек, которые *теоретически* могут спросить дорогу. Он обходил таких растерянных девушек за сотню метров и ускорял шаг, когда чувствовал на себе их взгляд.

И любил он, как и все простаки, простые вещи.

Пусть история запертого в квартире не была простой, она смогла зацепить и его. Алёна от неё не отрывалась. Я просто хочу быть ближе к жене, – сказал себе Юра. Сегодня, придя с работы, он совсем не удивился, застав Алёнку у компьютера, она будто не выходила из квартиры. Но, вместо того чтобы ругаться, ухватил на кухне кусок покупного пирога с капустой и тихо подсел рядом.

– Знаешь, я ему написала. Он запретил комментировать, но здесь можно отправить сообщение. Вот, смотри.

Юрий взял жену за локоть, так один из пассажиров в кабине падающего самолёта берётся за штурвал, желая предотвратить или хотя бы отсрочить неминуемую смерть. Алёна взглянула на него так, словно хотела сказать: «Ну как же, как же ты не понимаешь всей серьёзности ситуации? Мне в кои-то веки *на самом деле* необходима твоя поддержка!» Хорю показалось что он понял чем это Алёнкино увлечение отличается от сотни других подобных увлечений: от плетения бисером, верховой езды, улыбок, которые она посылала незнакомым детям в колясках, так, чтобы не заметили родители, и прочего. Он приобнял её за талию, заметив, что мышцы живота сведены судорогой.

Она вздохнула и открыла страничку своего сообщения:

– «Уважаемый Валентин! Вы пишете, что отчаялись достучаться до «реального мира», что, может, эти записи никто и никогда не увидит. Если вы всё ещё волнуетесь об этом – не нужно, не беспокойтесь. Я увидела их, правда, совершенно случайно, а раз увидела я, значит, возможно, и сотня-другая людей по всей России. Видите ли, я натура любопытная и жадная до всякого рода интересностей, событий, удивительных историй, словом, того, что составляет нашу повседневную жизнь и что подавляющее большинство людей попросту не замечает. Я увлечена такими вещами, а значит, верю вам и могу оказать всяческую поддержку. Всё, конечно, что в моих силах.

Пара слов о себе. Мы с мужем живём в Санкт-Петербурге. Никогда не слышала о таком городе как Кунгелльв, но судя по всему, это где-то у границы. Мне едва удалось найти о нём хоть какую-то информацию в интернете. Только точку в «Гугл Мэпс», да ещё несколько достаточно живописных фотографий. На одной из них изображена городская площадь, на другой – улица Семи Камней, застроенная старинными двухэтажными домами, относящимися, кажется, к классической эпохе. Уверена, это как раз те здания, которые вы очищали от птичьего помёта. Очень, очень занятно! Ещё несколько старых брошюр с упоминанием какого-то санатория. Но на этом всё, ни городского сайта, ни странички в социальной сети... ваш город, кажется, и вправду уединённое место.

С последней записи, оставленной в этом дневнике, минуло уже более двух лет, но если вам ещё требуется поддержка – хоть какая-нибудь – или реальная помощь, напишите мне, пожалуйста.

А пока я продолжаю чтение. Я остановилась на двадцать втором апреля две тысячи тринадцатого. Если бы я наткнулась на этот дневник своевременно, то пожелала бы вам держаться, но теперь даже не знаю как попрощаться. Поэтому просто – с приветом, Алёна».

Читая, Юрий почувствовал на себе взгляд жены. Пришла Ульрика, старая соседская кошка, которая неведомо через какие лазейки умела проникать в чужие квартиры, призраком вспрыгнула на колени. Алёна говорила, что в ней, помимо норвежской, есть азиатская кровь – кровь настоящих ниндзя.

– Что скажешь? – спросила Алёна, когда он откинулся на спинку стула и принялся массировать брови.

Она ждала от него верной фразы, ключа, что поставит всё с головы на ноги, пустит поток их жизни в верном направлении. Юра хотел отшутиться, но каждая шутка вставала поперёк горла. Наконец выдавил, подключив учительский тон, который звучал непрерываемо в стенах школы, а за их стенами – то так, то сяк, в зависимости от ситуации:

– Ну, что тут сказать... Если этот парень и вправду существует, он, наверное, изрядно потешился. Готов биться об заклад, что не сегодня-завтра ты получишь от него что-нибудь, подогревающее интерес. Запах, но не блюдо.

Алёна разочарованно облизнула нижнюю губу.

– Этот город... мне всё время кажется, что с ним связана какая-то жуткая история, но я не могу вспомнить какая. Как будто его мельком упоминали по телевизору. Но я ведь не смотрю телевизор. Знаешь, это как генетическая память, – она улыбнулась. – Чудная вещь. Мои родители из него не вылезали, а дедушка с бабушкой, с тех пор как у них появился первый «Горизонт», бывало, уходили в заплыв на целые выходные. Так вот, ящик-то мы с тобой не переносим, но ощущение осталось.

Юрий почесал босой ступнёй лодыжку.

– Мало ли в России городов со страшными историями? Маньяки, знаешь ли, так и бродят из одного в другой. На трассе исчезают люди. Великие путешественники, объездившие весь мир, пропадают в нашей глубинке без следа. А люди эти не робкого десятка.

Алёнка с тоской взглянула на ворох чертежей, которые притащила с работы.

– Если бы мне дали власть проектировать целые города, я бы сделала их прозрачными, чтобы понятие «кровавые тайны» исчезло с лица земли. Мои города были бы самые светлые, самые красивые. Только ведь люди не такие. Им бы сначала прибраться в чулане да на чердаке, – она рассмеялась, постучав себя указательным пальцем по лбу. – Но что они делают? Вместо этого воссоздают внутренний мир в своём окружении. Пачкают всё вокруг, и случается, даже кровью.

Жена выучилась на архитектора и работала в серьёзной строительной фирме, готовя чертежи и всякого рода документацию. Юра никогда толком не понимал, чем она занимается, но добросовестно подкидывал ей заказы от студентов, которые получал через приятеля, пожилого деловитого еврея, работающего в крупном ВУЗе. Наверное, образ девушки в одном носке (потому что в процессе снятия первого её безнадёжно увлекла какая-то яркая, как светлячок, идея), что оставляет на столе на ночь россыпь крошек и носит в карманах домашних шорт множество мелочей, не вязался в его голове с кристалльным образом мышления, которым должен обладать человек этой профессии. Поэтому Юра с первого дня их знакомства пребывал в замешательстве, открывая всё новые стороны натуры своей жены. Она всегда была лучшей компанией самой себе, а он – просто прохожим, затаив дыхание, наблюдающим за танцем мотылька вокруг фонаря.

– Именно поэтому не строят таких городов, – изящно и грустно завершила свой пассаж Алёна. – В них же никто не будет жить.

– А ты бы жила? – спросил Юра, плохо понимая, как ему следует сейчас реагировать.

– Ни за что в жизни, – сказала Алёна Хорь, тряхнув чёлкой.

4.

На следующий день, в перерыве между занятиями, Хорь открыл ноутбук. Грызая ногти, провёл несколько минут в раздумье, пытаясь вспомнить, как назывался тот город. Слово вертелось на языке, но никак не желало быть пойманным. Позвонить супруге? Ну уж нет! Юра вдруг обиделся на себя и на жену одновременно: нужно меньше потакать её капризам. Включить, наконец, мужика, выгнать её из дома на мороз за не сваренный борщ.

И всё же, этот городок...

Фотографии, которые показывала Алёна, прочно засели в голове. Дремотные, тесные улицы, чем-то напоминающие Питерские – ни следа советской застройки. Искры на водной глади... значит, там был водоём. Может, даже несколько. Почему-то Юра подумал об озере. Этот город казался ему окраиной жизни, настолько глухой, что даже ветра там пролетают редко. Конечно, вода там тоже стоячая.

В открытую дверь вплыло облако дыма, задержалось над порогом, будто вампир, осознавший, что его не звали внутрь.

– Здравсте, Юрь Фёдорыч! Не отвлекайтесь, я только поздороваться!

Мальчишка сопровождал свои слова широченной улыбкой. Он собрался уже выйти и продолжать дальше, записав руки в карманы и перешагивая через младшеклассников, походкой смакователя жизни и потребителя лучших её благ, но Юрий крикнул ему вдогонку:

– Семён, подойди-ка сюда.

Семён, жердина под два метра ростом, мгновенно вырос перед кафедрой и первым, не давая учителю и рта открыть, пошёл в наступление:

– Юрь Фёдорыч! Прекрасная погодка! Может, отпустите нас с пятого урока? Я мигом всем сообщу!

Пока Хорь собирался с мыслями, думая, как бы поостроумнее ответить, Семён успел развернуться, записать руки в карманы зауженных брюк и почти перешагнуть порог – в обратную сторону.

– Стой! – закричал Юра, уронив на пол несколько контрольных работ по истории, сданных седьмыми классами. – Не торопись. У меня вопрос: у тебя же, вроде, родня откуда-то с северо-запада? Помню, говорил, что едешь на Выборгской электричке.

Парень нацелил на Юрия грязный ноготь.

– Так точно, Юрь Фёдорыч! Из самой что ни на есть Монголии. Мы с пацанами...

Судя по всему, с географией у него было так же туговато, как и с литературой.

Юра замахал руками.

– Я сказал, не торопись! Вопрос жизни и смерти.

Юра не смог бы себе объяснить, что заставило его так сказать. Никакой смертью здесь и не пахло. Вопрос простого любопытства и, возможно, почти детской обиды и желания вернуть себе внимание родного человека.

Семён сразу сделался серьёзен. Он вернулся, поглядел на портрет Довлатова над школьной доской, облокотившись на одну из пустых парт. Юра был уверен, что прямо сейчас его длиннющие ноги топчутся по разлетевшимся бумагам.

– Из Светогорска я, – сообщил молодой человек. И доверительно прибавил: – Если вам нужно проверить какое-нибудь дельце, то вся моя родня за вас горой встанет.

– В твоих краях есть один крупный город. Ну, или не совсем крупный, не знаю. По крайней мере, он достаточно старый. Основан в шестнадцатом веке, но активно застраивался в конце прошлого столетия трёх и четырёхэтажными дома в стиле позднего классицизма. Знаешь, что такое классицизм? Рядом озеро – одно или несколько. Не помню, как он называется, но мне нужно его найти. Ещё раз обращаю твоё внимание, что это именно город, а не деревенька со срубовыми домишками и скотным двором.

Семён задумался. Вся напускная бравада слетела с него, вернув на покрытое угрями лицо мальчишеское выражение.

– У меня предки-то, считай, в селе живут. Как вы сказали, с домишками и двором... Курей кормят, свиней... Я поэтому сюда и переехал, к дяде с тёткой, потому что там заняться решительно нечем.

– Не помнишь такого?

– Если бы рядом были крупные города – а для тех краёв даже десять хрущёвок крупный город, – уверяю вас, я бы знал. У нас там только болота да комары.

Поблагодарив, Юрий отпустил парня. Закрыв ноутбук. Должно быть, он где-то ошибся. Например, спутав карельскую глухомань с мурманской. Вечером он невзначай подсядет к жене и выведает больше. Он прислонился к обшарпанному подоконнику и стал глядеть в окно, всё ещё не понимая, зачем понадобилось ему это место, может, такое же выдуманное, как и всё остальное. Алёна сказала, что нашла его на карте, но она пристрастна. Она хотела бы, чтобы он существовал.

Семён примчался в конце четвертого урока. Была история у восьмиклассников, когда дверь без стука приоткрылась, а в проёме замаячила немытая физиономия, сверкая желтозубой

улыбкой и пятном кетчупа над верхней губой. Мальчишка окинул долгим взглядом аудиторию, задерживая взгляд на девочках.

– Чего тебе, Семён? – спросил Юрий. – Почему не на уроке?

– Да я эт, Юрь Фёдорыч, вспомнил кое-что. По поводу нашего с вами разговора. И бегом к вам, как вы и просили.

– Так подожди перемены.

Юра посмотрел на часы. Он не помнил, чтобы о чём-нибудь просил, но внутри у него всё подозрительно встрепелось.

– Не могу, – признался Семён. – Мы с ребятами сваливаем. Говорят, на Черноморской сегодня можно хорошенько оттянуться. Там поставили сцену, и, знаете, будет играть группа «Перегной». Они мои хорошие друзья.

– И с моего урока тоже?

– И с вашего, ага, – он ухмыльнулся. – Так что? Будете меня слушать? Мы отчаливаем прямо сейчас!

Восьмиклашки зашептались, обсуждая музыкальные достоинства озвученной группы. Юрий хотел было отправить Семёна (вместе с его ухмыляющейся рожей) к завучу, но в последний момент решил, что до пункта назначения тот, конечно, не доберётся.

Юрий, бросив ученикам: «Читаем параграф сорок три», двинулся к двери. Два десятка пар глаз наблюдали за ним, улыбка Семёна становилась всё шире, будто грозя проглотить плывущую к нему рыбину с потрохами – она ширилась ровно до того момента, пока крепкие пальцы не сомкнулись на его ухе.

– Ай, Юрь Фёдорыч, больно! Так вот вы как, да? А я ни в чём не виноват, я только в туалет отпросился.

– У меня тут полный класс свидетелей, слышавших, как ты обещал смыться с моего урока.

Юрий заглянул через плечо этой волосатой жердине, но никого не увидел. До него донёсся топот ног по лестнице – товарищи Семёна с позором дезертировали.

– Полный вперёд! – скомандовал Юрий. – Курс на кабинет завуча. Василина Васильевна будет рада новому рабу. Как раз давеча искала у меня провинившихся для садово-огородных работ.

На лице мальчишки появилось неуверенное, щенячье выражение.

– Мне неудобно, задом-то.

– А придётся.

Посреди тёмного пустого коридора Юрий выпустил чужое ухо. Ткнул пальцем в щуплую грудь.

– Рассказывай, что ты там вспомнил.

– А вы меня отпустите?

– Сейчас отпущу. Если на уроке тебя и твоих дружков не увижу, поставлю «кол». Он, знаешь ли, похож на гитарный гриф.

Нагловатое выражение вернулось на лицо подростка. Он вытер натёкшие в ямочку над верхней губой сопли.

– А вы не ставьте! Мои сведения горячи, как пирожки у мамы. Если будем здесь стоять и трепаться, могут и остыть.

Заметив, что рука преподавателя вновь начала манёвр по направлению к многострадальному уху, Семён замахал руками.

– Хорошо-хорошо! Значит, слушайте: я тут написал деду своему депешу.

– Письмо, что ли, написал?

– Да нет же! Дед у меня двинутый на новых технологиях, со смартфоном в огород ходит, поняли, да? Он при Союзе матёрым электронщиком был, а как на пенсию вышел, так уехал в

гребеня, в земле ковыряться. Но к технике, скажу я вам, не охладел! Первый побежал в магазин за компьютером, а теперь и планшет у него, и айфон.

– Давай ближе к делу.

Юрий огляделся. Никого. Тусклые люминесцентные лампы гудели над головой. Он чувствовал себя как герой второсортного кино, который больше всего боялся не пистолета в руках у бандита, а пальца на телевизионном пульте. Переключит или нет?..

– Ну вот, он и написал: «Не изволь беспокоиться, внучок, есть у нас один такой город». Около сотни километров, но это считай что рядом. Называется – Кунгельв.

Точно, Кунгельв, – подумал Юрий.

Тем не менее, он дослушал Семёна до конца. У того загорелись глаза.

– Это город-призрак, прикиньте! Ну, дед так говорит. Там живёт всего несколько тысяч человек, наверное, потому, что зимой туда разве что на вездеходе и доберёшься. Да и делать там нечего. Старые дома, ни одного завода, сплошное культурное наследие, а вокруг – болота да тайга. Оно, конечно, тоже хорошо, но одними барельефами сыт не будешь!

Он передёрнул плечами, сказал, будто самому себе:

– Там всё, наверное, уже рушиться начало. Рушиться, да гнить... заживо.

Видно, были бы деньги да свободное время, парень прямо сейчас прыгнул бы на электричку, чтобы посмотреть на настоящий город-призрак.

– Свободен, – сказал Юрий.

– Правда? – просиял Семён.

– Всё, что касается моего урока, остаётся в силе. И всех прочих тоже. У тебя есть все шансы досадить самым нелюбимым учителям, явив свой прекрасный лик на их предмете.

Последнее слово ещё не успело сорваться с губ, а мальчишка уже растворился на лестнице.

– Бросьте, вы классный! – крикнул он напоследок.

Из другого крыла доносились голоса первоклашек, что хором повторяли что-то за учительницей – судя по голосу, Юлечкой Морозовой, блондинкой, к которой клеились все без исключения ветераны преподавательского состава. Юрий подумал о дожде, барабанившим по гниющим крышам, о заброшенных квартирах, и ему показалось, что перила шевелятся в траурном свете облачного полудня, изгибаются, как ниточки чернил в стакане с водой.

Он вернулся в класс.

5.

Чем же всё-таки захватывает образ города на берегу озера, города, который покинула большая часть жителей и куда даже градоправитель, наверное, навещается раз в полгода только чтобы оценить удручающую статистику и отбыть восвояси? И чем Алёнку захватила история того парня, сочинённая буквально на коленке? Неужели она и в самом деле готова поверить? На перемене Юра снова откроет ноутбук и задаст пару вопросов подмигивающей строчке поисковика. Шансы, что она окажется более осведомленной, чем дедуля Семёна невелики, но всё же...

Найти блог оказалось так же непросто, как научиться печатать с закрытыми глазами. После двадцати минут поисков Юра, с досадой поглядев на потолок, попробовал набрать фразу «выдумка оседает в умах людей куда лучше реальности». «Гугл» показал ему фотографии тропинки, бегущей через лес, нескольких голубей, купающихся в грязной луже, причём у одного отсутствовала половина клюва. Он вспомнил, как жена когда-то гадала по картинкам в интернете. Принцип этой игры оставался для Хоря загадкой, но память сохранила, как внимательно она изучала результат, как отбирала три изображения и сохраняла их в особенную папку. Во всём этом процессе была какая-то мистика. Картинки большей частью казались безобидными, но Алёну они приводили в такое волнение, будто из звёзд на небе вдруг сложилось её имя.

«Возможно, ей просто не хватает больших доисторических рыбин в потоках мутной воды, по которой плывёт наше каноэ, – рассеяно думал он. – А может, жена и вправду водит близкое знакомство с обитателями какого-нибудь тайного мира».

Так или иначе, в Кунгелве не было ничего удивительного. Только усталость. Власти пытались привлечь новых жителей обещанием тихой и беззаботной старости почти на лоне природы (Юрий разыскал сканы брошюр, и там было написано: «Наше озеро самое чистое среди всех, находящихся в городской черте»; брошюры были датированы концом прошлого века), но строения на фотографии выглядели головоломками, над которыми чахли заключённые в камере для привилегированных господ в Кастельхольме. В этих склепах можно было сгнить заживо в ожидании участкового врача или испустить дух, сидя верхом на чемодане и наблюдая старинные часы на перроне. Отличительная черта русских городов-осколков – всеобщая, всепоглощающая мрачность. И Хорь, читая буклет, не верил не единому слову.

Что могло бы удержать тебя в таком месте, безымянный горожанин? – думал он, рассматривая фотографии и читая скучные заметки. Не отдавая себе отчёта, Юра беседовал с Валентином.

Мужчина вдруг ощутил неприятный холод внизу живота и в промежности. Город посылал ему сигналы. Он был... необычно живым в сознании Юры, стремился к нему, поставив на колёса все свои здания и запрудив ими шоссе и даже просёлочные дороги. На какой-то миг время перестало иметь всякое значение, и этот миг вдруг обернулся добрым часом. Пока Хорь пялился в пространство, встречаясь глазами с давно умершими людьми, столпившимися по ту сторону висящих на стене рамок, сумерки потекли по стёклам густым вечером. Ветер усиливался; того и гляди хлынет дождь. Юрий расстегнул на рубашке верхнюю пуговицу: жарко, как же жарко! Словно под этой проклятой школой сами черти развели огонь, немного запутавшись в часовых поясах, и поджаривают вместо противной крикливой малышни и двоечников-матершинников одинокого учителя. Пахло куревом, голоса старшеклассников едва слышны, будто кто-то сгрёб их из-под окон и посадил в банку.

Что мне там делать? – сказал себе Юрий, обливав пересохшие губы. – Бред...

Странное чувство не покидало его до самого порога квартиры. Юра никогда не верил в знаки судьбы, а счастливые совпадения считал случайностью. Но сейчас просто не мог отделаться от ощущения, что один из меловых рисунков у подъезда, на которые наступил утром, теперь следует за ним по пятам, наточив нож.

Сесть бы в старенький хёндай, любимца дворовых котов (бывало, вернувшись с работы пораньше или забежав на обед, мужчина обнаруживал до пяти особей, греющихся на капоте и крыше), и уехать прочь.

Только сначала проверить масло и подкачать шины, – напомнил себе Юра, благодаря этой простой мысли вернувшись к реальности.

Придя домой (на часах было почти девять), Юра нашёл жену уткнувшейся в подушку. Она даже не переоделась, придя с работы, только распустила пояс блузки да скинула туфли. Из причёски выбилось несколько прядей; они выглядели как струйки крови. Кровать, никем не убранная с утра, похожа на распускающийся бутон белой розы.

– Что случилось? – шепнул он, дотронувшись до плеча.

Молчание. Алёнка дрыхла без задних ног.

Ей просто нужно отдохнуть, – подумал он. Пошёл на кухню, чтобы заварить большой чайник чая – такой, чтобы хватило на всю ночь. Несмотря на пренебрежительное отношение к всякого рода мистическим штукам, Юра будто предвидел, что, проснувшись через час с небольшим, жена усядется за компьютер и будет водить воспалёнными глазами по строчкам до самого утра.

Блог на livejournal.com. 14 апреля, 18:12. О том, где я всё-таки нахожусь.

...Я выспался днём и немного заставил голову работать. Постараюсь сделать этот вечер максимально продуктивным.

Итак, первый и самый насущный вопрос: как долго я смогу протянуть?

У меня есть кое-какие запасы еды... да, звучит странно для человека, который предпочитает вечером спустить в мусоропровод кусок сыра, забытый утром на кухонном столе. Ну, кроме картошки. Её я просто очень люблю. Это, если можно так сказать, запасы на чёрный день. Итак, прямо сейчас у меня в наличии:

- Банка тушёнки говяжьей, 400 грамм, 10 штук.
- Картошка сырая, в кожуре, 12 килограмм.
- Морковь корнеплод, 4 килограмма.
- Крупа гречневая, трёхлетней давности, 5 килограмм.
- Сахар, также 5 килограмм.

– Два мешка удобрений для моих растений. Не уверен, что его можно есть, хотя колумнея, декоративный перец и аглаонема после подкормки прут как на дрожжах.

С водой проблем нет – она течёт из крана. Когда совсем немоготу, я иду в санузел и включаю везде воду. Просто сажусь на край ванны, положив подбородок на край раковины, смотрю и слушаю. Гул в трубах, звук слива, совершенство форм и кристальная чистота струи позволяет мне на время прийти в себя. Я чувствую, что всё ещё являюсь частью цивилизации.

Покажите мне того, кто сможет принести мне за воду счёт – я его расцелую.

У меня кончились сигареты. Все эти дни я пытался вести себя как мужик и ничего не писал об этом, но я едва сдерживаюсь, чтобы не разбить голову о то же стекло. Выгреб из пепельницы и докурил бычки – зная, что рано или поздно праздник завершится грандиозным похмельем. С некоторых пор стал замечать тут и там, на полу и на мебели, кучки пепла. Я курю исключительно на кухне, но, наверное, он остаётся на рукавах рубашки и на штанах.

Не хочу подводить итоги и что-то подсчитывать. Почему-то кажется, что умру я не от голода... скорее уж это будет тотальное и окончательное безумие.

Наведя шороху на продуктовых полках в чулане, я отправился исследовать квартиру. Представьте себя в моём положении и попробуйте как-нибудь на досуге. Сделаете массу неизбежных открытий. Всё вокруг иллюзорно – не в том смысле, что вы сможете гулять сквозь стены или что-то подобное, а в том, что господин своих вещей, властелин личного пространства может превратиться в скулящий где-нибудь в тених за диванной спинкой комок ужаса. Нужно лишь проявить немного внимания.

Мне было некуда деваться, нечего делать. Так что это внимание я проявил.

Начал я с большой комнаты. Это помещение в пятнадцать квадратных метров, вытянутое, словно его раскатали скалкой. Просторное окно выходит в захламленный внутренний двор, где куцые деревца борются за жизнь с остовами советских автомобилей. Ещё вчера у меня появилась надежда, что кто-то из соседнего дома или просто какой-нибудь прохожий сможет меня увидеть. Поэтому я весь день проторчал у окна, принимаясь отчаянно махать руками, когда в поле зрения попадал кто-то из соседей по двору.

Купив эту квартиру (вместе с мебелью, гаражом-ракушкой и кучей рухляди в кладовой), я оставил всё как есть. Для бедного уборщика обставить с нуля новое жильё – невыполнимая задача, даже если учесть, что у меня осталась сдача после продажи квартиры в крупном городе. Обещаю тебе, читатель, если я не выберусь отсюда, последним постом в этом журнале я поведаю, где именно в квартире припрятаны деньги, чтобы ты, не дай Бог, не испортил мне подушки.

Так что выбор был невелик. Либо всё выбросить и спать на матрасе посреди огромной пустоты, либо довольствоваться тем, что есть.

Хотя...

Почему я оправдываюсь?

Мне просто не хотелось ничего менять. На момент совершения сделки я даже не удосужился выяснить, кто жил здесь до меня.

Риелтор, от которой я получил ключи и все сопутствующие документы, сказала, что здесь обитало какое-то семейство. Известная история: родители умерли, а дочери, должно быть, разъехались кто куда. Кажется, в тот момент она больше всего алкала лекарства от жизненных неурядиц: глаза были отчаянно-мутны, изо рта несло так, словно там скончалась дворняжка. «Вообще-то я работаю в Выборге, – сказала она. – Но профессиональные интересы нашей... э... компании распространяются даже на аренду котлов в аду. Приехала поездом, чтобы встретиться с вами. Через два часа обратный, а мне нужно ещё заскочить в «Горилку». Терпеть не могу поезда».

Я волен был избавиться от всего, начиная с раритетной ванны на львиных лапах и кончая личными фотографиями, письмами и рецептами от терапевта.

Я не был приверженцем «новой жизни с чистого листа». Если в квартире до меня кто-то жил – что ж, пускай, его вещи мне не мешают. Нарушив заповедь о сапожнике без сапог, я вытер везде пыль, выровнял покосившиеся фотографии (обнаружив на стенах под ними тёмные пятна: снимки висели на своих местах целую вечность), подклеил кое-где отставшие обои. Сейчас это ощущение притупилось, но тогда я думал, что люди, которые здесь жили, по меньшей мере... необычны.

Наверное, ничего странного в них не было. Просто я не имел счастья находиться в настоящей семье. Мои родители хоть и жили вместе, но были элементами совершенно разных углов в таблице Менделеева, отказываясь вступать в реакцию даже для того, чтобы выработать ДОМАШНИЙ УЮТ. Здесь же, судя по многочисленным фотографиям, бывшая хозяйка и её муж были отчаянно близки. Почти как сиамские близнецы. Они как будто вышли на минуту, скажем, прогуляться в ближайшем сквере, и уже никогда не вернулись. В шкафах висела одежда: женская и мужская в одной комнате, детская в другой. Через спинку стула небрежно переброшена жилетка с геометрическими узорами, которую, кстати, я теперь надеваю, когда решаю проветриться и сходить по приглашению городского главы вместе с остальными воинами кирпича, цемента и канализационных труб, на какое-нибудь мероприятие.

Собранный на треть пазл на журнальном столике. Пять зубных щёток в ванной – это не считая дюжины более старых в коробочке для всяких мелочей, вроде обмылков и оторвавшихся крючков. Несколько стульев, задвинутых под стол на высоких ножках. Герань, павшая смертью храбрых в борьбе с засухой, в большом горшке на окне. Позже я поменял её на живой экземпляр (с этого и началось моё увлечение домашними растениями). Коробка с недоеденными конфетами, твёрдыми, как речные камешки. Кружка с засохшим кофе. Так не умирают и не переезжают. Так уходят погулять.

Первые несколько дней меня мучили кошмары. Казалось, в замке вот-вот заворочается ключ, прежние хозяева как ни в чём не бывало начнут вытирать ноги о коврик перед дверью. Я привык жить в переносном смысле не снимая с головы шапку, готовый в любой момент покинуть помещение, и только по прошествии первого года струны, натянутые где-то глубоко внутри, начали наконец расслабляться. Со временем я почти сроднился с людьми на фотографиях, не раз ловя себя на том, что называю их про себя мамой и папой, а девочек – просто сёстрами.

Кто-то из вас сейчас наверняка покрутит пальцем у виска, но до недр комода я добрался только теперь. Сегодня, в 13:12, я вооружился щёткой от пыли и начал по одной выдвигать полки, начиная с верхней.

Все вещи, которые приехали со мной в двух чемоданах, разместились в стенном шкафу, а под носки и трусы я приспособил картонную коробку из-под микроволновки. Чтобы поместился компьютер, я на восемь сантиметров сдвинул к краю письменного стола пенал с руч-

ками и карандашами, и на пять сантиметров к стене – кипу журналов по практическому садоводству и стоящую на ней медную фигурку барашка, взбирающегося по крутому склону. Да, я и правда жил как в гостях. Я уже писал. Теперь-то поверили?

И уж конечно, как примерный гость, я не рылся в чужих вещах, до поры до времени.

В выдвижном ящике письменного стола лежали фотографии. На нескольких вместе с мужчиной и женщиной были изображены три девчушки, совершенно одинаковые на первый взгляд и различающиеся лишь возрастом, да и то, всего на год-два. Я понял, почему эти фотографии остались лежать в ящике стола, а не висеть на стене. Наверное, освещение фотограф подобрал неудачно, и объектив фотокамеры выжег всю индивидуальность, оставив только белые лица и начисто лишив их носов. Даже рты угадывались едва-едва. Было также несколько фотографий тех же девочек по отдельности в более раннем возрасте, в смешных распашонках, с игрушками-погремушками в руках.

В глубине комода обнаружилась ещё кипа писем и каких-то бумаг, в которых я пообещал себе разобраться потом, не особенно надеясь на то, что в одном из конвертов найдётся ключик, что отомкнёт мой замок.

В углу – продавленная кровать на пружинах, пропитанная за эти годы моим потом. Летом в квартире очень жарко, а зимой холодно, как в склепе. Приходится завешивать окна одеялами, чтобы помочь натужно гудящим батареям.

Что-то жуткое было в копании с чужими вещами. Как будто взрезаешь лезвием податливую оболочку, чтобы изучить внутренности и установить причину смерти их хозяина. Ей-богу, лучше бы риэлтерская компания оставила меня наедине с глухими, голыми стенами!

Очень осторожно я перемещался по комнате, словно опасаясь расколоть её надвое, как стакан. Всё, что раньше казалось эталоном домашнего уюта, теперь пугало. Эти пятна на ковре. Какова их история? Потемневшая от времени репродукция Айвазовского – сколько же лет она здесь висит? При пристальном рассмотрении торшер у изголовья кровати, оказывается, похож на безголовую цаплю, которая прячет одну из своих ног в бахроме. Почему я оставил столь уродливый предмет?

Третий день моего пребывания взаперти клонится к закату. Во рту сухо, как в пустыне. Тени наползают друг на друга, каким-то чудом не смешиваясь. Я подумал, что неплохо было бы сделать перерыв, но взял себя в руки и решил закончить обход.

Я заметил ещё несколько предметов, которые раньше не вызывали у меня никаких вопросов. Сейчас только сухие факты. Оставим аллегории за бортом, хорошо?

Перво-наперво это карниз, на котором висят тяжёлые шторы из плотной ткани. Почему он наполовину выдеран из стены – будто кто-то смастерил из штор качели? Похоже, девочки были теми ещё забияками!

Затем, граммофон фирмы «Мелодия» в углу. В том, что он рабочий, я убедился лично, поставив туда единственную оказавшуюся в поле зрения пластинку – «Божественную поэму» Скрябина в исполнении оркестра под руководством Валерия Гергиева. Звук оказался слегка дребезжащим, не из-за техники, а ввиду заезженности пластинки. Почти сразу пришлось выключить, потому как в стену начали колотить с такой силой, словно я перепутал классическое произведение с концертом «Металлики» на стадионе Уэмбли.

Это было странно, но тогда я не придавал этому значения. Меня грызла мысль: если я поставлю иглу на пластинку сейчас, обрушится ли на мою стену ГНЕВ СОСЕДСКИЙ? Я тут же попробовал, но ничего не вышло. За стеной было тихо. Я и в самом деле отрезан от мира. Сажу и слушаю, как дурак. Смычковые уже почти неразличимы.

Ещё – кресло, обивка на котором покрыта коркой какой-то застывшей грязи. Не знаю, что это было, да и не хочу знать... может, кто-то пролил кувшин киселя, какое мне дело? Странно другое. Когда я первый раз его увидел, кресло стояло на стопках книг, так, что чтобы в него сесть, мне понадобилось бы подтянуться или пододвинуть табурет. Входишь и оказываешься

перед парящим под потолком троном, пред которым так и тянет простереться ниц. Только вот король в отпуске. Воспользовавшись этим, я спустил его на пол. На корешках книг остались глубокие следы от ножек. Кресло было безвозвратно испорчено, и я хотел вынести его на помойку, но почему-то не стал этого делать. Я застелил странные следы клеёнкой с кухонного стола, набросал сверху разных ненужных вещей и никогда в него не садился.

Соседняя комната раньше, по-видимому, была детской. Три одинаковых кровати, стоящих одна возле другой, как в больнице. Проход между ними шириной всего в полметра. На стенах какие-то незамысловатые картинки в простых рамках, у двери шкаф для одежды и, наверное, игрушек. Что и говорить, если у тебя есть две сестрички, готовься потесниться! Почему-то едва сюда переехав, я был уверен, что буду спать именно здесь, сдвинув для верности две койки возле окна. А на последней, с робостью незваного гостя, который напросился ночевать, кучками разложу одежду. И даже попробовал, но среди ночи меня что-то разбудило и заставило перебраться в комнату родителей. Если честно, та ночь почти выветрилась у меня из головы.

С тех пор два или три раза мне снилось, как я просыпаюсь в комнате девочек. Поднимаюсь на локтях, пытаюсь понять, что меня разбудило, и слышу детские голоса. Что они говорят, понять невозможно. Кручу головой и никого не вижу. В картинных рамках что-то шевелится. Я вскакиваю с кровати, заворачиваясь в простыню, как призрак, беру подушку и бреду в соседнюю комнату. И в тот момент, когда кладу подушку на диван родителей, просыпаюсь. Те дети... почему-то кажется, что прятались под кроватями, опасаясь не ванны на львиных лапах, которая при должной фантазии могла сойти за дракона, и не чего-то по ту сторону картинных рам, а МЕНЯ.

Две комнаты, коридор с мигающей лампочкой (никак не соберусь её заменить), кладовая, кухня. Скрипучие лаги, забившийся по углам мусор. Вот и вся квартира, а ныне – моя тюремная камера.

Ах, да, забыл описать ещё одно явление, которое беспокоит меня с самого заселения. Запах. Сладковатый и не больно-то приятный, будто язык смазали слегка прокисшим джемом. Он был едва слышен все эти годы, но против ожидания не исчезал, а становился всё сильнее. Сегодня перед пробуждением мне снилось что я дрейфую на плоту по волнам этого запаха, что лицо у меня оттенка несвежих огурцов, и каждые пятнадцать минут я добавляю к нему запах собственной блевотины.

По-моему, это уже слишком...

Глава 3. Взгляд в телескоп на самого себя.

1.

«Предчувствие дальней дороги», как Юра его называл, достигло апогея, когда его вызвала на разговор заместитель директора по воспитательной части.

Это женщина в годах со строгим, прямым, как по линейке, ртом. Она присоединилась к нему во время обеда, потрясая огромным блюдом с весенним салатом и квашеной капустой, сказав как ни в чём не бывало:

– Хорь! Как хорошо, что вы ко мне подсели. – Хотя подседа как раз она. Василина Васильевна была из тех людей, которые мгновенно забывают имена и отчества, превращая фамилии в универсальные обращения. Юра привык.

– Рад стараться, – ответил он, окидывая критическим взглядом оставшуюся на тарелке котлету. Очень не хотелось с ней расставаться, но это была действительно большая котлета. И не предвиделось способа переместить её в желудок кроме как методом долгого и вдумчивого пережевывания, во время которого придётся смотреть в глаза Василине Васильевне и соображать, как отвертеться от очередной миссии, что решила возложить на молодого и активного учителя эта неприятная особа.

Что бы там ни было – вряд ли она его обрадует.

И ещё это предчувствие дальней дороги, что преследует его всю неделю; оно должно было потеряться в неясных, беспокойных снах, словно малыш среди сосен, но сумело спастись и обрело небывалую власть над своим носителем, который сегодня не мог сосредоточиться буквально ни на чём.

Василина Васильевна вряд ли была в душе балериной и тростиночкой, внешний её облик, пышные формы с поразительно белой кожей, идеально вязались с неторопливой, обстоятельной натурой. Её груди напоминали хлебный мякиш, а живот над широким поясом под тёмно-синей блузкой колыхался как бурдюк с вином. Василине Васильевне было уже глубоко за сорок, и те к кому она проявляла благосклонность, обыкновенно страдали больше, чем счастливчики, которые не удостоились высшей милости. Словно подозревая о том, как воздействует на людей чёрная табличка с золочёными буквами на двери, она стремилась вести все важные разговоры в столовой. Неизвестно, как Василина Васильевна увязывала поглощение пищи с деловой беседой, но от одного её появления у многих вставал поперёк горла ком; бедняги переглядывались, гадая, чья сегодня очередь выслушивать: «Как мило, что мы с вами оказались за одним столом»...

Юрий чувствовал себя омаром, разделяваемом на большом блюде. Он поймал несколько сочувственных взглядов, но вдруг понял – дело не в Василине Васильевне, и даже не в том, что она хочет сказать. Потрепать по холке, как верного пса, или наградить ударом по носу, это не важно. Важно то, куда может завести его этот разговор. Перед его глазами проносилась дорожная разметка, будто нарисованная мелом на доске.

– Что скажете о математической олимпиаде? – миролюбиво спросила заместитель директора. Она тряхнула кокетливо окрашенной в светло-русый чёлкой. Юрий считал, что эта стрижка делает её похожей на полноватого, глупого пони. – Это же надо было нашим остолопам занять последнее место! Я буду не я, если Сергей Сергеевич получит в этом месяце свою зарплату, а не жалкий огрызок от неё.

– Без вас, адмирал, наш флот, конечно, пойдёт ко дну.

– Не паясничайте, пожалуйста. Я понимаю, что если принимать во внимание разницу в возрасте, вы ближе к своим ученикам, чем ко мне, но стоит всё-таки знать меру.

– Простите великодушно.

Юра без аппетита водил по тарелке вилкой. Он не завидовал своему коллеге Сергею Сергеевичу, мягкому старичку с солидным преподавательским стажем: он был очень неплох в своём деле, но не мог найти подход к современным детям. Мог разглядеть в подопечных потенциал, но разглядеть – это только полдела. Вытащить его наружу, отбить, почистить и ткнуть маленького злодея носом – смотри, мол, какая красота! – куда сложнее. Здесь не нужна и даже вредна тактичность.

Юра задумался о качествах, которыми должен обладать учитель (по большей части эти качества оставались не признаны преподавательским составом), а потом обратил внимание на глаза Василины Васильевны, змеиные глаза, внимательно наблюдающие за ним. Нет, мигера, ты не проведёшь меня этим обманным манёвром. Ты...

Она скорчила гримасу, словно прочитав мысли Юрия, насадила на вилку огурец и, обмакнув его в соль, обратилась к нему по имени-отчеству:

– Послушайте, Юрий Фёдорович. Я знаю, что у вас есть машина. И вы, конечно, слышали о несчастье, что постигло одного из наших ребят.

Она изучила лицо Хоря, куда тот водрузил соответствующую случаю скорбь, и продолжила:

– Паша Савельев потерял мать с отцом в автокатастрофе. У него остались родственники в другом городе, но из-за трудного финансового положения и физического состояния они не в состоянии приехать. Похороны возьмёт на себя администрация города, а наша с вами задача

несравненно легче: будет правильно, – она выразительно постучала ногтем по столу, – если мы доставим паренька к бабушке.

«Вот оно!», – сказал себе Юрий, подавив желание зажмуриться. Городок с трудноперевариваемым для русского человека названием Кунгелъв, осколок бутылочного стекла, неминуемо приближается к твоей голой ступне.

– А тела... – промямлил он, – их с собой захватить не нужно?

Василина Васильевна восприняла вопрос серьёзно.

– Радует ваш альтруизм, но о телах позаботится компания, в которой работал Савельев-старший. Не знаю, обещают ли они доставить их на историческую родину или привести бабушку и внука сюда, на похороны – скорее, второе – но вам об этом беспокоиться не нужно. Павел – наш подопечный («Не мой! – сказал про себя Юрий. – Господи, я никогда у него ничего не вёл! И я не хочу ехать в Кунгелъв! Это будет СЛИШКОМ странно! Алёна буквально слетит с катушек!»), и будет правильно, если школа будет нести за него ответственность до конца.

– Вы знаете, – сказал Юрий, потрогав языком уголок рта, и потянулся за водой. – Я рассмотрю варианты и приложу все силы, чтобы...

– Сосновый водохлёб, – рявкнула Василина Васильевна, безжалостно вперся в Юрия своим лягушачьим взглядом.

Хорь подумал и аккуратно поставил кувшин с водой на место.

– Нет, что вы, я...

– «Сосновый водохлёб» – деревенька под Рязанью, – на губах Василины Васильевны обозначилась улыбка, и Юрий уставился на неё как на восьмое чудо света. – Ну как, справитесь? Зайдите в бухгалтерию за деньгами на бензин. Выезжать надо будет уже завтра. Ваши уроки возьмут на себя другие преподаватели. Полещук согласился провести дополнительные занятия по физкультуре. Ну, что скажете? Где бы мы были, если бы не жесты доброй воли и сострадание... Я остановила свой выбор на вас потому, что вы – молодой способный преподаватель – как никто способны проникнуть в душу подростка, понять его горе.

– Вы знаете, женщины – более чуткие натуры... – сказал Юрий, тем не менее чувствуя колоссальное облегчение. Дорожная разметка всё ещё мелькала перед его глазами, как и громады придорожных кафе, похожие на врытые в землю надгробные камни, но теперь они освещались тёплым, почти южным солнцем – хотя до настоящего юга было ещё далеко. Под насмешливым взглядом завуча он всё-таки налил себе воды.

Василина Васильевна махнула рукой.

– Наших женщин вы прекрасно знаете. Эти курицы черствы, как прошлогодний хлеб. Если бы кто-то из них мог вести машину, они, наверное, скорее направили бы её в ближайший фонарный столб, чем сказали бы хоть слово, чтобы успокоить малыша. Но никто не запрещает вам взять с собой жену.

А вот это действительно хорошая идея, – решил Юра. Может, вытащить Алёнку на небольшую прогулку по «Сосновому водохлёбу» будет полезно. Может, сосны и вода, которая наверняка славится в тех краях отменным качеством, простые, добрые деревенские жители и невзрачные, душевные формы их жилищ (по роду занятий Алёна интересовалась всякого рода народным зодчеством, будь то простая, без изысков, затерянная в югославских холмах «куча», в которой держат скот, или русский срубовой дом с печью) смогут немного навести порядок в её голове.

– Спасибо, – не отдавая себе отчёта в том, что говорит, сказал Юрий.

– Отправляйтесь, Хорь, – коротко сказала Василина Васильевна.

Блог на livejournal.com. 14 апреля, 21:42. Кухня, её страхи, опасности и ложные надежды (кажется, с заголовками начинает получаться).

...Добрых полчаса провёл на кухне, пялясь в вентиляционное отверстие. Туда с лёгкостью пролезала бы моя рука. Как минимум по локоть, а если постараться, то по самое плечо. Я залез на плиту, снял решётку и заглянул в обвешанное паутиной нутро. Теоретически я мог бы постучать в стену своих соседей сверху. Какие бы спокойные люди там ни жили, я стучал бы и стучал, пусть даже ночи напролёт, пока они не вызвали бы полицию...

Меня так захватил этот план, что мысль: «Ты же живёшь на последнем этаже, придурок!» сначала осталась в стороне. Осознав свой промах, я громко расхохотался. В крышке плиты я видел собственное отражение, разглядывал его, как преподаватель – нерадивого ученика, который вдруг спас ему жизнь. У человека в зазеркалье были налитые кровью щёки, трясущийся подбородок и крошечные, похожие на иголки, глазки. Господи, ну и урод!

Я прекратил смеяться. Я мог бы взять что-нибудь тяжёлое и попробовать расколотить кладку, чтобы добраться до воздуховода снизу... обрадовать милых людей из квартиры номер шесть. Как бы то ни было, нужно выяснить, какой толщины эта переборка.

То, что случилось потом, я вряд ли могу сейчас объяснить. Даже себе. Я смотрел в темноту вентиляции и даже, кажется, ощущал лицом лёгкое движение воздуха. Но не мог заставить себя засунуть туда руку. Просто не мог.

В конце концов я набрал горошин и принялся с бессильной злобой кидаться ими в вентиляцию. Она рыгала и урчала, принимая пищу как большое чудовище, но не раскрывала своих тайн.

Чертовщина какая-то. Я словно младенец, начавший осознавать, что не только мир огромен и полон неуклюжих вещей, но и пухлые отростки, называемые руками, ни на что не способны. Чертовщина завладела этой квартирой, да... но она ещё и во мне самом...

2.

Мальчишку узнать было нетрудно. Он был *wrong guy in the wrong place* – не тем парнем не в том месте. Эта часть школьного двора усыпана заброшенными гаражами – кто знает, почему их до сих пор не снесли и что они вообще делают на территории учебного заведения. Старшие ребята паслись здесь, возле забора, в ожидании прохожих, у которых можно стрельнуть сигаретку (при виде благовоспитанных мамаш они чинно прятали руки в карманы). В любое время дня здесь торчал какой-нибудь шалопай из девятого класса, а тех, что помладше выгоняли взащей, иногда лишая при этом карманных сбережений.

Тем не менее, Павел был здесь. Его сторонились, словно неприкасаемого. Несколько подростков под козырьком школы мрачно пользовали своё курево. Накрапывал дождь.

– Эй, малыш! – позвал Юрий.

Ноль внимания. Юра не видел, зажата ли в его пальцах сигарета – если и так, она уже давно потухла. Мальчишка просто сидел на перевёрнутом жестяном ведре и смотрел в небо. Казалось, он следит за чем-то определённым, но молодой учитель в небе ничего не видел. Может, просто чайка пролетела? Или пакет занесло на невообразимую высоту... Юрий не мог похвастаться зрением, орудия для глаз, что неподвижно сидели на носу, казались ему сейчас родичами московской царь-пушки.

Он посмотрел на одного из хулиганов у стены. Взглядом показал на малыша и получил в ответ пожатие плечами. «Все знают», – понял он. Никто не решился к нему подойти, а если кто и подходил, то не стал применять силу. Возможно, из жалости, но скорее всего из страха заразиться этой болезнью. Болезнью горя, болезнью неприятия этого мира таким, каким он есть, болезнью бессилия что-либо изменить.

Хорь вздохнул и пошёл, стараясь переступить через лужи, через сплюснутые банки от колы и бог знает какую ещё гадость.

– Послушай, Паша. Меня зовут Юрий Фёдорович, через год я буду вести у тебя историю, и... и ещё целую прорву предметов.

Хорь понял свой промах и хмыкнул. Ничего из того, что он сказал, не было к месту. Он вздохнул и поправился:

– В смысле, я *мог бы* их вести, если бы не случилось то, что случилось. Прости. Знаю, что не подберу нужных слов, чтобы тебя утешить. Вряд ли кто-то смог бы это сделать, но почему-то испокон веков считается, что в нашей власти научить не только делить в столбик, но и выбираться из любой жизненной передрыги. Здесь твоя учительница, Юлия Сергеевна. Вон там, на крыльце стоит. Говорят, что биология давалась тебе лучше всего. Что вы с ней находили общий язык. Не хочешь с ней поболтать?

О том, что Юля сама рыдает в три ручья, Юрий решил умолчать. Отчего-то он знал, что мальчика не заинтересует его предложение. Он остался один в целом мире и должен выкарабкаться самостоятельно. Сам себе протянуть руку помощи.

Юра вытащил из подмышки кепку, пожертвованную Олегом, здоровенным молчаливым физруком с бородой, с узким лицом и блестящими чёрными глазами. Он отчаянно хромал, и среди учеников считалось очень плохим знаком, если он обгонял тебя на пробежке на школьном стадионе. Это значило, что тебя запомнили, что тебе, нерасторопному лосю или пыхтящему потному толстячку-лежебоке, объявлена война, и оружие не будет сложено, пока ты не пробежишь стометровку за двадцать секунд. Кепка была мятой, пропахла потом и псиной (Юра подозревал, что оценившаяся год назад сука по имени Аглая, живущая в сторожке у ворот, вырастила в ней своих щенков). Герб Санкт-Петербурга на околыше приобрёл грязно-бурые оттенки.

Нахлобучил кепку на голову мальчишке. Волосы совершенно мокрые. Паша никак не отреагировал, продолжая следить за чем-то высоко вверху. Возможно, он видел, как там зарождается капля дождя, готовится прожить стремительную, насыщенную событиями жизнь, упав в подушку городского смога. Юрию видны бороздки, что чертила стекающая по лицу вода, будто лоб и изящный нос вырезаны из мыла. Глаз он не видел.

Подростки исчезли. Из урны струился дымок недокуренных сигарет. Никто не захотел слушать, что учитель скажет мальчику, потерявшему родителей.

– Знаешь, завтра мы с тобой отправимся в путешествие.

Несколько долгих секунд Юра думал, что мальчик ничего не скажет. Но потом он повернулся и смерил взрослого долгим взглядом.

– Ехать? Я никуда не поеду.

Кепка на голове кренилась вправо, будто подбитый корабль.

Юрий тряхнул головой, пытаясь избавиться от странного морока. Каждое сказанное мальчишкой слово могло сломать Хоря, как шоколадного деда мороза в фольге. Он *обязан* ехать. Видение разделительной полосы, убегаящей в бесконечность, должно воплотиться в жизнь. Торопясь дать упредительный залп, пока его не стёрли в порошок, Юра сказал снисходительным тоном:

– Ты же не сможешь жить здесь один.

И тут же обругал себя последними словами. Нельзя говорить «ты не сможешь» ребёнку, который оказался в такой ситуации... Да дело даже не в том, что он ребёнок. Человеку. Человеку, который отныне может надеяться только на себя. Он удивился, увидев, что в глазах малыша зажглись искорки любопытства.

– А вы знаете, как погибли мои родители?

– Разбились на машине.

Юра внутренне паниковал. Шершавый язык прилип к нёбу. Мальчишка выразительно надул щёки, глаза его плавали в глазницах, как кусочки жира в борще. Мочки ушей были отчаянно-синими. Он казался бодрым, но было ясно, что это иллюзия.

– Папа пьян был. У него неприятности на работе. Я неделю слушал, как они с мамой разговаривают по ночам, кричат друг на друга... Иногда он куда-то звонил, чтобы сказать:

«Я сделаю это завтра. Я завалил все сроки, но обещаю... я прямо сейчас работаю над этим». Ночами он бродил по дому – каждый раз, когда он проходил мимо моей комнаты, я просыпался, а просыпался я раз *двести*, – а потом садился в машину и уезжал. Но не на работу, а пить. Наутро звонил маме, чтобы она забрала его, потому что он не мог ездить на такси или автобусе, он мог ездить только *в своей машине*. Положено по статусу. Так было и в этот раз. Мы с мамой ждали звонка, и она была как бомба с часами. Потом она проводила меня в школу, а сама уехала за папой. А они всё тикали, часы эти, и зазвонили знаете когда? Когда родители поворачивали с Петропавловской на Софийскую.

Юрий почувствовал, как у него дрожат колени. Хотелось уйти, но всё что он мог – опуститься на корточки рядом с ребёнком.

Мальчишка пожал плечами. Свитер его промок насквозь, но не свитер больше беспокоил Юрия, а глаза; они немного косили и словно созерцали в *слегка поехавшем* мире новый пласт реальности.

– Мама говорила всю дорогу. Она сказала, что как только приедем, я задам тебе трёпку, дворовый ты пёс. Паша в школе, и это хорошо: не нужно, чтобы он видел тебя в таком состоянии. Он умный мальчик и, конечно, о чём-то догадывается. Я догадывался. Тогда только догадывался – а теперь знаю. Всё знаю, понимаете? Именно тогда она увидела, что он уже не тот человек. Он испортился, как мясо, которое забыли на столе на несколько дней. Что дальше будут только проблемы, много проблем. Она решила, что позаботится обо мне сама. Если бы не я, всё могло бы быть совсем по-другому. А папа, он работал в крупной фирме и ему обязаны были выплатить страховку, если с ним что-то случится. Огромную сумму.

– Ты очень умный малый, правда? – сказал Юрий, надеясь воздвигнуть плотину перед бурлящей рекой речи. Он ясно представил, как, протянув руку, почувствует пустоту вместо холодных щёк. Пашка будто нарисован на промокнутой бумаге. – Знаешь, что такое страховка и всё такое... современные дети знают столько...

Взгляд мальчика на мгновение обрёл осмысленность. Он посмотрел через плечо Хоря, туда, где в окнах школы отражались свинцовые тучи. Мог ли он видеть людей, что там столпились? Учеников, учителей... Юра знал, что они отшатнулись, едва увидели поднятый подбородок мальчишки. Почему он не с ними, почему сразу Хорь, а не кто-то другой? Он взъерошил себе волосы. Жалеть себя, когда перед тобой осиротевший ребёнок...

– Прости, – сказал Юра. – Продолжай.

Секунду или две казалось, что мальчик не скажет больше ни слова, но что-то стучалось изнутри, так, что невозможно было не распахнуть эту закрытую дверь, и он продолжил говорить, словно против своей воли:

– Мама была за рулём, и она пристегнулась. Папа никогда не пристёгивался. Мама... может, она отвлеклась, когда распекала отца. Но мне кажется, она думала обо мне.

– Мама всегда думает о своих детях, – машинально подтвердил Юрий.

– Она знала о дорожных работах, там, где проспект Свободы и Софийская, но не перестроилась в нужный ряд. Там ещё был экскаватор; машину занесло, она врезалась правой стороной, той, где сидел папа. Водитель экскаватора перепугался, задел локтями рычаги и опустил ковш прямо на кабину их машины, так, что мама получила травму головы не совместимую с жизнью. А папа погиб на месте от потери крови.

К Юре вернулся дар речи, и он сжал кулаки.

– Кто тебе всё это рассказал?

Мальчишка, кажется, не слышал. Воробьиные пальцы выудили из-под ног окурков, обтёрли его и сунули в рот – совершенно машинально. У Павла, похоже, не было зажигалки, поэтому «Пэлл Мэлл» осталась незажжённой.

– Я теперь никуда не поеду, дядя Юра, – сказал он. – Только не на машине (ну конечно, как мы могли быть такими болванами, – подумал Юрий). Я сбегу, скроюсь где-нибудь, пока

не кончится дождь. То, что я знаю теперь... я не должен, вообще-то, этого знать. Езжайте без меня.

– Что же мне там делать, одному?

– У вас есть свой ребёнок? Возьмите его в поездку. Рядом с нашей деревней замечательный лес. И конюшня, где детей катают бесплатно.

– Нет, нету. Моя жена не хочет детей... слушай, а может, на поезде?

На тонких, искусанных губах появилась улыбка. Это было настолько неожиданно, что Юрий икнул.

– Вы не поймёте. Вы говорите, я много знаю... я и правда очень много знаю – сейчас. Будто смотрю в очень сильный телескоп на себя самого. Хотите знать, что я там вижу? Что я нахожусь где-то в другом месте, далеко отсюда. Не у бабки с дедом. Даже если я сяду на Рязанский экспресс, то всё равно скоро обнаружу, что еду совсем в другую сторону. Это против моей воли, понимаете? И даже вы не можете помочь.

Он вытер руки о свитер, так тщательно, словно хотел стереть, смазать линии на ладонях.

Юра откашлялся.

– Если кто-то тебя принуждает, ты только скажи...

Где-то каркнула ворона, и мужчина с мальчиком синхронно вздрогнули. Поднялся ветер, сетчатый забор, опоясывающий школу, загудел, разрезая воздух на ромбы. Юра наблюдал, как изменялось лицо Паши: это как в ускоренной перемотке смотреть, как струятся по небу облака, и меняет своё местоположение луна.

Капли на его подбородке больше не были каплями дождя. Влага, что собиралась там, была вязкой, как смола. Казалось, она сочится из самого сердца.

– Она обещала, что всегда будет со мной, – прошептал он. – Она говорила: «Папа, может быть, уйдёт, но я всегда буду с тобой, мой маленький солдат». Я спрашивал, куда уйдёт папа, но она говорила, чтобы я не беспокоился. И я не беспокоился. Я ей верил. И что теперь? Они ушли вместе. Остался только я. Она думала обо мне – всё время, и когда выкручивала руль тоже. Теперь её нет, и обо мне думает кто-то другой. Кто-то огромный, такой, что не придумать нарочно. Но я теперь буду сам за себя решать. Я никуда не поеду! Даже если *он* говорит, что будет легче. Не верю, нет.

Юрий вытянул руки и уложил их на плечах мальчика. С тем же успехом он мог погрузить их в песок пустыни, что дождалась дождя впервые за тысячу лет. И поняла, что дождь этот не принёс ей ничего. Она мертва по своей сути, и вся влага, все питательные вещества канут в пустоту.

– Однажды всё наладится, – сказал он первое, что пришло в голову. Звучало по-дурацки. Не это нужно было мальчику, чья жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов. Но фокус в том, что панацеи не существует. Невозможно щёлкнуть пальцами и сделать всё хорошо. Кажется, Паша понял это. Он обхватил руками запястья Юрия, всё ещё лежащие на его плечах, сжал их сильно, до боли – удивительно, сколько сил в этом щуплом теле – а потом отступил, уверенный, что повисшая в воздухе дымка скроет его от чужих глаз. Когда этого не произошло, он понизил голос и зашептал:

– Сейчас я убегу. Скажите им, что не смогли меня поймать. Или что я вас как-то обманул. Ну пожалуйста!

Юра глубоко вздохнул и дал себе зарок вести себя с Пашей как с взрослым.

– Тебе точно не нужна помощь?

В глазах блеснула полоумная надежда.

– Я ведь теперь всё вижу и всё понимаю! Даже то, о чём обычные, нормальные люди, вроде вас, и представления не имеют! Думаю, я выкарабкаюсь. Останусь до похорон мамы и папы. У меня есть друзья, и... и... наверное, кто-нибудь захочет пустить меня на ночь. А если и нет – в этом городе множество тайных убежищ. И от плохой погоды, и от плохих людей.

Он не смог продолжить. Из груди рвались рыдания, звук, который напоминал треск ломающейся под сапогом китайской игрушки. Они стихли так же внезапно, как и начались, и прежде чем повернуться и исчезнуть, Павел сказал:

– Вам всё равно было бы не до меня. Я не знаю, поверите вы или нет, но скоро всё прояснится. Скоро вы снимите эту маску. Приходит время стать кем-то другим. Вы добрый, хоть и пьёте, как папа... добрый и открытый. Я вдруг на секунду проник в комнату у вас в голове, а оттуда – в комнату в голове у кого-то другого... Кого-то родного вам, у кого дверь никогда не запирается. Видел такие вещи, услышав о которых вы не поверите мне, даже допустив, что всё, что я рассказал о родителях – правда.

Блог на livejournal.com. 15 апреля, 12:20. Как я стал королём в пустом королевстве.

...Ночью почти не спал. Болтался по квартире не в силах найти, чем себя занять. Позавтракал, приготовив на сковороде последние четыре яйца. Часто и нервно оглядывался. Поймал себя на мысли, что кое-как прихожу в себя только садясь за компьютер и делая новую запись. Будто между мной и вами протягивается тоненькая пульсирующая ниточка... хотя в счётчике посетителей по-прежнему ноль, я верю, что когда-нибудь эти разосланные по ветру самолётики из... электронной бумаги (как-то неловко звучит, верно?) найдут своего читателя и, надеюсь, моего спасителя. Квартира чужая. Вернулись те времена, когда я только сюда заселился, и даже ещё раньше. Иногда мерещится, как кто-то идёт по коридору и вот-вот завернёт в комнату. Один раз из кухни слышал, как в комнате девочек двигают мебель. Хотел сходить туда, но потом передумал. Стены на глазах покрываются глубокими трещинами, которые потом, стоило мне шевельнуться или моргнуть, зарастают.

Разгрёб хлам на кресле-троне, сию, обозревая квартиру с нового ракурса. «Ты никогда меня не достанешь в этом кресле», – кричу в пустоту. Не каждый посмеет отпустить вожжи и как следует поорать в собственной квартире, верно? Несмотря на толщину стен и железную дверь, наше шестое чувство по-прежнему настроено на приём сигналов от других людей. Ты можешь их не знать, даже не здороваться в лифте, но...

Но.

Я мог орать сколько угодно. Мой радар молчал. Тем не менее, я чувствовал в квартире чьё-то присутствие. Чужое присутствие. Некто проделал в моей скорлупе аккуратную дыру и проник внутрь.

«Ты никогда меня не достанешь в этом кресле», – так говорил один парень в книге, которую я хотел написать. Он обложился самодельным динамитом и грозился себя взорвать.

Мне кажется, это была бы хорошая книга. Она называлась бы «Шаги по пустыне» и повествовала об испытаниях, что выпали на долю выживших в атомной катастрофе. Они ютятся в здании школы и смотрят, как их тела постепенно мутируют, а рядом ползают одичавшие дети, потерявшие всякий человеческий облик. А может, это собаки, которые переняли ввиду воздействия радиации внешние человеческие признаки? Я ещё не придумал.

Так вот, парень со взрывчаткой утверждал, что каждый, кому он когда-то наступил на ногу, намеренно или случайно, ходит за ним попятам. Целая вереница школьных товарищей с блеклыми белыми глазами, какие-то незнакомцы из тех времён, когда он частенько возвращался домой в подпитии. Даже бедняга, которому он проехался по ноге на машине и, не остановившись, даже не замедлив хода, умчался вдаль. Толпа и в самом деле получилась немаленькая, все эти люди выстраивались в линию, занимая очередь, чтобы отомстить.

Я отчего-то подумал, что хорошо бы следующей за его прямой речью строчкой написать другую прямую речь, вполне конкретную фразу.

«Я тебя уже достал. Это кресло – мой язык».

С минуту я размышлял над ней, поворачивая её то так, то этак, гадая, как бы её половчее вставить в несуществующий текст.

И только потом до меня дошло: при чём здесь вообще какой-то язык? Это НЕ МОИ слова. Кто-то вложил их мне в голову. Кресло – язык... Я провёл влажным пальцем по подлокотнику. А что же тогда глотка? Я оглянулся. Прямо над головой висела репродукция с мрачным морским пейзажем, написанным в типичной манере Айвазовского. Корабль, вставший на дыбы и бьющий пенными копытами по воздуху, похож на почерневший от ушиба, отмирающий ноготь; стихия творила с его пассажирами невиданные вещи. Мне почудились скрюченные человеческие фигурки в пучине волн, там, где не было уже никакой надежды спастись. Фигурки покоровшихся судьбе. И впрямь похоже на глотку. На ладонях, которыми я касался обивки кресла, кожа сморщилась, будто покрытая соляной коркой.

Я встал, двигаясь как сломанный механизм, и пошёл дальше бродить по квартире.

Тот парень, кстати, должен разлететься на двадцать четыре кусочка – это не считая глаз, которые хоть и могут номинально считаться частями тела, всё-таки слишком малы, чтобы мои герои их учли...

3.

Юра позволил Паше уйти. Он глотал мокрый воздух как вату. На миг померещилось, что глаза мальчугана стали серыми глазами жены: в тот момент, когда, казалось, она сейчас раскроется перед ним, как фисташка, и подарит самую восхитительную на свете тайну. Но мальчуган сказал: «Проник в голову кого-то родного вам, у кого дверь никогда не запирается». Нет, нет. Он вряд ли имел ввиду Алёну. Она прячется от него за семью замками – так, что Юрию иногда хотелось схватить топор и прорубить себе окно, как ополоумевший Джек из «Сияния» Стэнли Кубрика. Он ведь тоже обожал свою семью и хотел ей только добра... А Пашка, наверное, просто решил над ним потешиться. Ведь известно же, что люди, убитые горем, не способны отвечать за себя. Зачем же я его тогда отпустил? – холодея, спросил себя Юра, но не нашёл ответа. Тогда он вернулся мыслями к Паше, живо представляя, как тот, раздавленный вопросами, на которые нет ответа, идёт через дождь. Какие ещё открытые двери? Всё, что у него, Юрия, есть – это дно глубокой ямы, куда он свалился, беспечно идя тропкой собственной жизни. Только эти коряги, торчащие из стен, да кусочек неба над головой. Небо всё время одинаковое, что со дна колодца, что над поверхностью земли, и даже если долго-долго лезть вверх, не приблизится ни на шаг.

Такие вот дела.

Смог бы он объяснить это детям? Недавно он преподавал им неплохой урок, открыл глаза на некоторые стороны жизни, до осознания которых многие добрались бы совсем не скоро (а иные не добрались бы вовсе). Но, пожалуй, стоит оставить отдельные карты не раскрытыми. Пиковый туз, зловещее предзнаменование... жизнь ребёнка и без того не легка. Не так, конечно, нелегка, как жизнь взрослого, но это лишний повод оставить детям чуть больше этого беззаботного времени.

Более или менее беззаботного.

Только тут Хорь понял, что его зовут. Пошевелившись, он осознал также, что промок насквозь.

Все, кто смотрел из окон, глазел из-под козырька крыльца, теперь тоже были под дождём. Запыхавшись, они окружили его и тянули руки, хотя Хорь не чувствовал ни единого прикосновения. Перед внутренним взором всё ещё стояли серые глаза, вокруг которых, кажется, вот-вот проступит родное лицо.

– Юрий Федорович! Хорь! – даже Василина Васильевна утирала слёзы. – Где же Паша?

– Ушёл.

– Как ушёл? Как же вы его отпустили?

Юрий ощупал языком дальние уголки пересохшего рта.

– Сбежал от меня, – выдавил он.

Вертевшуюся на языке фразу: «Туда ему и дорога, этот парень как хренова гадалка», – он благоразумно проглотил. Мальчик будто залез на ящики и коробки и смотрит через забор на будущее и настоящее разом. С таким лучше не иметь дела вовсе. Доведёт до греха и исчезнет – поминай, как звали.

Василина Васильевна побледнела.

– Какой кошмар! Где же нам его теперь искать?

– Он вернётся, – поражаясь своей уверенности, сказал Юра. – Обязательно вернётся, как только почувствует себя лучше.

Но он не вернулся. Спустя полторы недели тело паренька выплыло в Бумажном канале, в котором к тому времени стало на три с половиной литра жидкости больше. У него было перерезано горло, и утки, что уже несколько дней сидели на берегу, опасаясь заходить в воду (такому их поведению работники Екатерининского парка не видели объяснения), провожали его похоронным криканьем. Если бы Юра знал об этом, он бы сделал для себя вывод: у людей, которые видят сквозь стены, самые большие шансы сломать себе нос, в эту самую стену врезавшись. Они могут свалиться с лестницы, упасть с балкона, и даже в полёте с восьмого этажа будут отвергать чужую помощь. Потому что знают, насколько хрупки человеческие жизни.

Но к тому времени Юрий Хорь был за сотни километров отсюда.

– Мне нужно домой, – сказал Юра, стряхнув со своего запястья руку Юлии Сергеевны. Проводил ничего не выражающим взглядом широкую спину Олега, который перелез через забор и, никого там не обнаружив, махнул остальным, чтобы помогли прочесать окрестности.

– Вы меня расстраиваете, – сказала Василина Васильевна. – Производили впечатление хорошего парламентаря, и вот тебе на... Я редко ошибаюсь в людях, но когда такое случается, знаете, это втройне неприятно.

Полное лицо завуча медленно каменело. Вкупе с покрасневшей шеей, сделавшейся необычно дряблой, с резко обозначившейся над верхней губой полоской усов, оно выглядело как карандашный чертёж, на который поплескали водой.

Юру кольнула злость. Он сказал громче, чем хотел:

– По крайней мере я не стал шарахаться от него как от прокажённого.

Учителя переглянулись. Рядом отиралось несколько старшеклассников, достаточно убедительно совмещающих на лицах скорбь с оживлённым любопытством и даже радостью по случаю задержки занятий. Они переглянулись тоже.

– И тем не менее, – сказала Василина Васильевна, ладонью защищая глаза от крупных капель. Она раздулась, как сердитая жаба. – Вы обязаны были его задержать. Сопроводить до дома. Куда, по-вашему, бедный мальчик отправится теперь?

– У него есть ключи? – спросил кто-то.

– Конечно, – ответила Юлия Сергеевна, дрожащей рукой держа над Юрой и Василиной Васильевой зонт и, кажется, очень переживая насчёт того, что не может простереть чёрный брезент над всеми нуждающимися. – Мальчишка ведь совсем взрослый.

– Хорь, пойдёте с Юлечкой к нему домой, – решила Василина Васильевна. – Василеостровская, десять.

Юрий знал, что шансы обнаружить Пашку в собственной квартире примерно равны шансам найти в учительском портфеле бутылку тридцатилетнего Ай-Петри. Он отвернулся.

– Вот-вот случится беда. Мне позвонили из дома, и... в общем, я всё равно не смог бы сопровождать мальчика.

И никто не сможет: Юру не покидала странная уверенность, что Паша, просочившись сквозь ограду, просто-напросто перестал существовать. Стал крупницей тумана, каплей в водной взвеси, одной из миллиардов себе подобных. Подумал он и о том, что если каждая из оседающих на листьях хилого вяза у школьной ограды капля – чья-то слеза, этот мир должен сгореть в адском пламени. А потом, не оглядываясь и ни с кем не прощаясь, оставив за собой потерявшую дар речи Василину Васильевну, и Юлечку, дрожащую как травинка, и Олега, шарящего по кустам и орущего дурным голосом: «Эй! Эй!», поспешил домой.

Блог на livejournal.com. 15 апреля, 16:10. Пятно под ковром и прочие прелести.

...Ощущение, что вскрыл нарыв.

Сегодня двигал мебель – сам не знаю для чего. Наверное, чтобы удостовериться, что стены за шкафом – действительно стены. Что здесь нет скрытых камер. Ну и, может, чтобы найти какое-нибудь чтиво, завалившееся за мебель. Так получилось, что на полке остались лишь рассказы Шукшина, которые я перечитывал не один раз – всё остальное я отнёс на книжный развал, заручившись благословением старика Матвея брать всё, что захочу, да так ничего себе в тот день не присмотрел.

Наверное, когда я выйду отсюда, старик уже забудет, как я выгляжу. Придётся скупать у него литературу по пятьдесят рублей за экземпляр, как простые смертные.

Но вернёмся к текущим проблемам. Я нашёл за шкафом... нечто вроде кладбища. Настоящего кладбища для запертых в квартире бедняг вроде меня, которые прощупали каждую пядь стены, проверили на прочность каждый миллиметр стекла, обдумали, наверное, миллион мыслей. Мушинные трупики. Но в отличие от меня, эти мухи не страдали от одиночества, могли использовать свой хитрый жужжащий язык для обмена мнениями о сущности бытия, ссор, склок и жалоб друг другу на несправедливую жизнь. Они выглядели в полутьме пасмурного полдня как пузырьки крови. Крылышки ближайших шевелились от моего дыхания. Их здесь добрая сотня. А скольких вымели до моего прихода? Это место следовало сжечь, а не продавать доверчивым одиноким мужчинам.

Это насекомые из той породы, что появляются, когда к тебе под кухонный гарнитур забрела и издохла большущая крыса. Они откладывают яйца в мертвечину. Сейчас личинки, что могли бы из них вылупиться, доедали у меня в голове образ счастливой семьи, за который я отчаянно цеплялся все эти годы.

Если есть стервятники – значит должен быть и труп. Не тело, окружённое почётом и оплакиваемое родственниками, а именно труп, из тех, что находят на болотах и в канализационных колодцах. Просто, как день и ночь. Конечно, его давно здесь нет, но страшная правда рано или поздно всплывёт и предстанет передо мной во всей своей чудовищной красе. Нет ничего тайного, что рано или поздно не стало бы известным – хоть кому-нибудь.

Да, обнаружил ещё кое-что интересное, здесь же, в зале, под ковром. После первой за сегодня страшной находки я одержим манией срыва покровов. Настроение ни к чёрту, но я больше не могу сидеть сложа руки.

Это овальное тёмное пятно на досках пола, перед тем местом, где стояло кресло. Краска облезла, но в дерево впиталось что-то куда более едкое. На этом месте изошёл слезами какой-то бедняга, выплакав следом за солёной водой воду красную, воду горькую, а потом и все остальные жидкости своего тела. Остался на этом самом месте пустой оболочкой, кожей от яблока. Прикасаясь к пятну, я ощущаю тепло. На пальцах остаётся что-то бурое. Не рискую попробовать на вкус, хотя любой сыщик непременно так бы и поступил.

...

Чёрт, только бы это была не кровь!..

4.

Запрыгнув в трамвай и избавив себя от необходимости переставлять ноги, Юра наконец решил, что ему необходимо всё обмозговать. Он горбился на сидении, изучая облезлые поручни. В чём различие между преподавателем истории и стайкой воробьёв? Только стайка воробьёв может позволить себе испугаться вороньего силуэта в небе и рассыпаться по укрытиям. Интересно, боялся ли По, который Эдгар Алан, своих произведений так же как Говард Филипс Лавкрафт? Признавались ли они ему по ночам в любви или, наоборот, посылали проклятия?

– Вы верите в предсказания? В знаки судьбы? – спросил он подошедшего кондуктора, сухую, высокую женщину с глубоко запавшими глазами.

– Только в гадания по грязи на полу вагона хмурым октябрьским вечером, – сказала она и отошла, не взяв деньги.

– Как тебе вариант, что у мальчика поехала крыша? – спросил Хорь себя вслух. – Нравится?

Нравится-то нравится, но как быть с искрой, сизым всполохом, что проскочил между их головами в тот момент, когда Павел Савельев сказал: «Вам всё равно было бы не до меня». Юра готов был поклясться, что чувствовал запах горелого волоса. Возможно, только погода помешала непомерно разросшейся учительской шевелюре вспыхнуть.

В фальшивости этих ощущений Юра и надеялся себя убедить, спеша домой. Он не стал звонить жене на сотовый – отчего-то это казалось неправильным, – но с трудом удержался от того, чтобы, не вызвать к дому скорую помощь, спасателей, даже ангелов с крыльями, вознеся к небесам неумелую молитву. Сказанное мальчишкой обрастало в голове новыми, мрачными деталями и подробностями, и вот уже Юра совсем уверился, что должно случиться нечто ужасное. Нужная остановка причалила к дверям трамвая за считанные секунды до того, как он, потеряв голову, почти не набрал на телефоне «112».

На часах не было ещё и пяти. Алёна должна быть на работе, но Хорь совсем не удивился, увидев у порога её туфли. Жена оказалась в прихожей быстрее, чем он успел снять и повесить на вешалку хлюпающее под мышками пальто, быстрее, чем успел чихнуть. Схватила его руку в свои, легонько, но с чувством сжала. Юра почувствовал, как по его внутренностям разливается лава, как она заполняет все полости и трубки сердечной мышцы.

– У тебя всё нормально? – спросил он. – Как дела на работе?

– К чертям работу! – Алёна едва ощутимо дрожала. – У него теперь там ещё и малыш!

Оставляя мокрые следы, Юра прошёл на кухню, заглянул в комнату, включил соляную лампу, которая по идее через энное количество лет должна избавить его от хронического насморка, и только после этого позволил себе вздохнуть с облегчением: дома всё в порядке.

Алёна следовала за ним по пятам. «Малыш» в её устах означало тотальную пристрастность. Вздёрнутые брови, следы обкусанной кожи на губах, красный подбородок, всё это говорило, нет, буквально кричало ему: «Я в панике!» Хорь избегал рассказывать ей о младших своих учениках. Тому были причины. Алёна не могла быть равнодушной к детям. Было дело, что он брал её в охапку и буквально оттаскивал от людей с колясками или с детьми на руках: такое случалось, когда она была свидетелем несправедливого или неподобающего по её мнению отношения к маленьким живым комочкам. Или напротив, могла вдруг стать донельзя агрессивной, не пропуская мамаш с детьми и сумками в очередях. Детский плач способен превратить её в оборотня, в волчицу со стоящим дыбом загривком и капающей из пасти слюной.

При всём при этом разговоры о собственных детях всегда были для супругов табу. «Я люблю этих маленьких какуш, но дай мне побыть с ними наедине хотя бы полчаса, и мы друг друга возненавидим. Каждый ребёнок – звезда, но я тоже ещё не избавилась от своей космической болезни. Я всё ещё стремлюсь куда-то сквозь бесконечное пространство. Знаешь, что

происходит, когда два космических тела оказываются рядом непозволительно близко?» – сказала она однажды и больше не желала возвращаться к этой теме.

– Какой ещё малыш?

– Он появился из... нет, ты же всё равно не поверишь. Послушай, я думаю, Валентин больной на всю голову.

Критическим взглядом окинув повядшие цветы на окне, Юрий сказал:

– Слава богу, он не наш родственник, правда?

Девушка всплеснула руками, села на табурет, не озаботившись убрать с него решебник по русскому языку за восьмой класс. Юра обнял её за плечи, легонько привлёк к себе. Почувствовал, что твёрдые косточки ключицы, форму которых он выучил наизусть, не похожи сами на себя. Они напоминали дугу лука, на который наложена стрела, и мужчина непроизвольно напряг живот, будто боясь, что эта стрела выпустит из его желудка весь обед.

– Всё это уже не новости, да? – мягко сказал Хорь. – Два года прошло. Могло случиться всё что угодно.

Лицо её дёрнулось. Она отстранилась так резко, что едва не упала. Юра подумал, не включает ли избирательное Пашкино предвидение в себя глупые несчастные случаи.

– Вся сегодняшняя ночь... пусть я ни разу не сомкну глаз, но узнаю, что с ними стало, – сказала Алёна. – Милый мой мальчик, у нас есть кофе? Ты потерпишь, если я буду курить? Там младенец без рук и ног, представляешь? В жизни не читала такого кошмара. А если представить, что это всё на самом деле...

Юрий поймал её за локти, снова привлёк к себе. Она трепыхалась, как птица, кричала что-то о куреве и том, что *обязана* узнать, что случилось в конце, но он держал крепко. А когда Алёна немного успокоилась, сказал как можно более проникновенным голосом:

– Это *не может* быть правдой. Понимаешь? Веришь мне или нет? Такие вещи случаются с обычными людьми, такими как мы или как этот твой приятель-уборщик, только в приключенческих книжках. Разве он сам не признался, что хотел стать писателем? Если всё это принять во внимание, то творческий манифест получился впечатляющим, правда?

Алёна превратилось в лезвие ножа. Юрий едва удержался от того, чтобы не отдёргнуть руки: по ладоням, кажется, побежала кровь. Всего лишь пот. «Каждый муж должен мечтать о жёнушке, которая способна заставить его вспотеть», – однажды сказал его инструктор по вождению, старикан недалёкого ума. Вряд ли он имел в виду именно это.

– Откуда такие догадки? – сказала Алёна. – Ты не прочёл даже десятой части этого дневника.

– Я могу оставаться атеистом, не прочитав ни абзаца из библии.

Он хотел добавить: «Мне хватает того, каким лихорадочным светом светятся твои глаза», но промолчал. Судя по тому, как потемнело лицо жены, Алёна, как упорный старатель, сумела добыть из его головы и эти мысли.

Юрий и сам понимал, что это неправильный подход. Слепое неприятие не есть правильная позиция. Нужно разобраться в истоках и целях, скажем, фашизма или коммунизма, чтобы сказать: «Это не для меня». Что машущие руками бритоголовые ребята и полоумные бабульки с портретом великого вождя, которого они даже не застали, вызывают у тебя одинаковое отвращение. Нужно хоть раз, возвращаясь из бара, свалиться в открытый канализационный колодец, чтобы приобрести отвращение к алкоголю, и к сантехникам заодно.

Юра поскрёб в затылке. Или нет?

Он сказал:

– Слушай, я ведь бежал сюда как на пожар. Я просто, знаешь, отчего-то решил, что ты захочешь со мной поговорить. Бросил работу, бросил детей прямо на уроке, бросил одного парня, который только что потерял родителей и которому нужна – просто необходима – поддержка кого-то, кто не похож на Василину Васильевну.

– Прости.

Она вдруг обмякла. Словно бронзовая статуя на закате мира, тысячелетиями сопротивляющаяся повышению температуры окружающей среды, наконец пустила струйкой горячие слёзы.

Юрий перевёл дыхание. Что-то огромное, готовое вот-вот рухнуть и сломать ему грудную клетку, большой сердитой тучей уплывало к горизонту. Он обнимал жену, чувствуя мягкость её волос, тягучесть кожи под одеждой. Сколько же она не спала? Жилки под глазами посинели и трепетали, словно птенцы, без толку машущие в гнезде крыльями.

– На мгновение мне показалось, что с тобой вот-вот что-то случится, – сказал Юрий, умолчав о том, в чьих глазах он это увидел и что за странный разговор предшествовал этому видению. – И, хочешь верь, хочешь нет, это был один из самых страшных моментов в моей жизни. Я примчался так быстро, как только мог. Даже не задумывался, искать ли тебя на работе или, может, ты попала в аварию по дороге. Я знал, где тебя искать, как знаю, что именно причинило тебе боль.

Он избегал глядеть на экран ноутбука, зная, что там увидит. Она отстранилась и смотрела на мужа широко раскрытыми глазами. Этот маленький, неизвестный науке, но очень милый зверёк. Ты никогда не поймёшь, что творится у него в голове, но Юрий достаточно времени провёл, наблюдая за его повадками. Сейчас она начнёт всё отрицать. Может быть, попробует свести к шутке.

Но вопреки ожиданиям, Алёна улыбнулась и сказала:

– Я не помню, чтобы такое с тобой случилось – хоть раз.

– Да.

Юра потёр шею. Он начал понимать, что позволил себе сказать больше, чем необходимо. Квартира расчерчена на квадраты, и он, упрямая чёрная ладья, уже глубоко в стане белых.

Жена оттолкнула его, без злобы смахнула на пол решебник, как кошка смахивает с хозяйского стола многочисленные неустойчивые предметы. Встала на табурет и, балансируя на одной ноге, запустила пальцы в его волосы. Слова вибрировали в них и проникали сквозь черепную кость прямо в голову.

– Если уж ты начал доверять мимолётным, ни на чём не основанным ощущениям – а ты начал, ведь ты примчался сюда даже не позвонив! – то доверься мне, доверься моей интуиции. Когда я читаю этот дневник, я чувствую, что тот парень страдает, – она прыгнула с табурета и отошла к окну. Уставилась невидящими глазами во двор. – Я *чувствую это* сквозь время и расстояние, сквозь все эти интернетовские сервера, бездушные машины. Словно касаешься травинкой оголённого провода под напряжением. Ты хочешь спросить – что *это*? Не знаю. Но я чувствую, что *это – правда*.

– Травинка – довольно сомнительный способ обезопасить себя от удара электрического тока, – пробормотал Юрий.

– Прошу тебя! – голос Алёны прозвучал как щелчок кнута. – Ты не на работе. Побудь человеком хотя бы сейчас.

– Ты же не думаешь, что всё это правда?

С улицы долетали автомобильные гудки; прогрохотал, съезжая с моста, трамвай. Кажется, весь этот набор звуков может смениться на другой по мановению пальца.

– Я думаю, что он сумасшедший, – безапелляционно сказала она.

Юра почувствовал себя бесконечно усталым. По его голове бродили, хлопая дверьми, сомнения и страхи. Было желание оказаться сейчас в другом месте, хотя бы в баре, наблюдать из тёмного угла за входящими и выходящими. Опрокинуть залпом несколько рюмок спиртного, а потом, когда опьянение сделает члены лёгкими и продует как следует голову, цедить маленькими глотками и заказывать новые порции жестом, понятным только двоим людям – ему и человеку за стойкой.

Но это было бы слишком хорошо. Слишком. Юрий сделал над собой усилие, потёр виски. На столе нашлась открытая пачка молока, и он, предварительно понюхав, отпил несколько больших глотков. Молоко было тёплым и невкусным.

– Значит, этот парень чокнутый, но ты предполагаешь что всё, что он написал – правда. Верно?

– В каком-то смысле. В его голове. – Алёна открыла окно; дождь почти закончился, стало неожиданно тепло, будто Питер, одинокий старик в морской фуражке, обнаружил в своём почтовом ящике письмо от дочери. Локтём она сломала верхушку толстянки, но не заметила этого. По лицу Юрий видел, насколько не даёт покоя ей эта идея и насколько сильно жаждет она вложить её в голову мужу. – Он считает, что всё это взаправду. Как маленький ребёнок, который первым делом принимает всё на веру, и только потом приходят взрослые, чтобы своим анализом разбить прекрасные миры на мелкие кусочки. И тем не менее фантазию нельзя создать на пустом месте. Я боюсь, что пострадают другие люди, только и всего. Этого младенца он описывает настолько живо... понимаешь, яставляю ладони и... *чувствую* его вес.

Юрия разобрал смех. Алёна с досадой шлёпнула ладонями по бёдрам.

– Ну и чего ты ржёшь?

– Подумал, что это как контакт между двумя цивилизациями, только без участия людей. Это тараканы в твоей голове вступили в диалог с его тараканами.

Любая женщина сейчас бы детонировала, не оставив вокруг камня на камне. Но Алёна Хорь только улыбнулась, напомнив Юрию, как он её любит.

– Иногда способность смотреть в грязную кружку и видеть на её стенках картины из Третьяковки может дать тебе нечто большее, чем головную боль, правда?

– Например?

– Например, шанс спасти чью-то жизнь, – она возвела глаза к потолку. – Сейчас, наверное, поздно... но завтра мы попробуем наладить связь с местной полицией. А если нет, то найдём местного жителя. Вряд ли интернет Валентина был привилегией за многолетний добросовестный труд. Сумеет ли кто-нибудь из них пролить для нас немного света на эту историю, как ты думаешь?

– Послушай, милая... – Секундой ранее Юра решил во что бы то ни стало отвести её спать и до утра придумать, как избавить жену от этой новой, буквально съедающей её зависимости, но вдруг какое-то новое, незнакомое чувство вторглось в его сознание. Он почувствовал себя заброшенным колодезцем, в который впервые за много лет кто-то заглянул. Перед глазами появилось лицо этого мальчугана, Пашки, и губы его разомкнулись, чтобы сказать: «Приходит время стать кем-то другим». Юра почувствовал себя бесплотным и, колыхнувшись, втянулся через Алёнкины ноздри в её лёгкие, а оттуда – в кровь. Обманул иммунную систему, наплатил собой всё её существо и понял: она с трудом сдерживается, чтобы не броситься ему на грудь и умолять не бросать её ещё и этой ночью. Этот дневник... как ни парадоксально это звучит, но он хранит отпечатки пальцев и запах. Тени чужого страха бродят между строчек, подлокотники стула оставляет на запястьях след, как от кандалов, история в браузере полна маниакальных запросов, большую часть из которых Алёна просто не помнит как вбивала. «Карлики в бутылках»? «Люди, что не могли покинуть помещение»? Вдвоём нам будет не так страшно. Но если ты утонешь в кучевых облаках одеяла, мне снова придётся остаться здесь одной, выковыривать зёрна истины из потока сознания, искать нужные струны в пучке размышлений, кажущихся логичными, но на самом деле натянутыми на гриф безумия. Мне так не хватает твоего скепсиса, твоих неуместных шуток, твоих прочно стоящих на земле ног... Останешься ли ты со мной? Услышишь ли ты меня?

Юрий одним махом допил пачку молока, но это не помогло избавиться от сухости в горле. Потеряв сознание на вершине горы, он как будто очнулся уже у подножия, и всё что сохранила память – попытки ухватить ртом как можно больше воздуха.

– Всё нормально? – спросила Алёна. – Ты похож на матрону, забредшую в мужской туалет.

– Всё пучком, сестрёнка, – она, конечно же, знала, что если в ход идут подхваченные у школьников сленговые выражения, это говорило о крайней степени растерянности. Что только что произошло? В одном Юрий был уверен: за это кратковременное прозрение он должен благодарить Пашу. – Я... тут подумал вдруг, что если уж ты твёрдо решила измываться над собой ещё одну ночь, то, пожалуй, я составлю тебе компанию.

– Не шутишь?

– Куда уж там. Не обещаю, что буду читать эту муру, но ты уж, пожалуйста, пересказывай мне самые интересные моменты.

Уронив салфетку, которую нервно теребила в руках, Алёна бросилась ему на грудь.

– Спасибо! Спасибо! Ты не представляешь, как много это для меня значит. Знаешь, кем я себя чувствую?

Она сделала театральную паузу, схватила из книжного шкафа пухлый томик, на обложке которого огромный медведь мило болтал с волшебником в остроконечной шляпе. В шерсти зверя преспокойно спали три маленьких сморщенных человечка. Не совсем близко тексту, ну да ладно. Подбросила книгу в воздух и поймала двумя руками.

– Фродо Бэггинсом, которому Сэм сказал, что не отпустит его одного в такое большое путешествие. Нет, нет, это я – Сэмуайз, а ты – грустный хоббит, и я сейчас очень рада, потому что ты взял меня с собой.

Юрий не мог выразить словами, как много для него значат эти слова из уст Алёны. Смешно, столько лет прожили вместе, а огонь над пересушенным хворостом заплясал только сейчас... Оглядываясь назад, он видел, что всю совместную жизнь, даже в период ухаживаний, их отношения были прохладными и больше напоминали игру в салки, чем какой-то интимный процесс. А сейчас... словно пыльный безымянный куст под твоим окном зацвёл прекрасными цветами.

– Лучше оставайся тем, кем ты есть, – как можно мягче сказал Юра. – Моей женой. Только, пожалуйста, давай сначала что-нибудь поедим. Я взял отгул, но это не значит, что я готов завтра весь день проваляться там, где ты меня оставишь в крайней степени истощения.

Только теперь виноватое выражение появилось на лице Алёнки, раскрасив щёки румянцем.

Блог на livejournal.com. 16 апреля, 02:51. Синдром записной книжки.

...Мой жако целыми днями сидит в клетке – будто таким образом хочет меня поддержать.

Чипса была собственностью отца. То, каким способом она мне досталась, наилучшим образом показывает обстановку в нашей семье: папа получил попугая от одного из своих должников. Когда тот не смог наскрести необходимую сумму, папа забрал клетку и ушёл. Бедняга полз за ним до дверей, умоляя не трогать птицу. Когда он в отчаянии схватился за ногу папаша, тот саданул его по голове своим огромным ботинком и сказал: «Ты, никак, против того, чтобы я избавил тебя от лишнего рта, подонок? Ещё раз до меня дотронешься, я заберу попугая, но оставлю твой долг». Отец рассказал мне эту историю давясь от смеха и самодовольно почёсываясь.

Тогда, поставив на стол клетку (мне было двенадцать лет), он сказал:

«Решил, что у нас этой зверюге будет лучше. Кузмич больше не в состоянии о ней заботиться. Он торчал мне почти двадцать тысяч. Чем он собирался кормить эту тварь?»

Первыми словами Чипсы у нас дома были: «Меня украли».

«Заткнись, тупая птица», – сказал папа, шлёпнув раскрытой ладонью по клетке. С этих пор попугай замолчал почти на одиннадцать лет, будто выжидая, пока отец наконец не отойдёт в мир иной, и молчал ещё шесть месяцев после этого, соблюдая траур.

Папаны был не тем человеком, чью рожу вы не хотели бы перед собой увидеть. Тем не менее, по меньшей мере один раз в жизни многие были рады его появлению. Своей деловой хваткой он мог поразить вас в самое сердце. Так же, как многие обманывались поначалу его внешним видом: одышкой, трясущимися ляхами, толстыми пальцами с грязью под ногтями, засаленным пиджаком, который представлял собой единственный вариант его выходной одежды, уродливым морщинистым лицом и обширными залысинами, что он регулярно протирал пожелтевшими носовыми платками. Многие сначала не понимали, чем же грозит появление такого человека вместе с очками для чтения в изящной оправе и толстенной записной книжкой, в коей вместо закладок использовались действующие и не действующие банковские карты.

А он, как фокусник и чародей мирового класса, всегда оказывался там, где в нём нуждались. Папашиной мишенью были люди, на пути у которых маячили **СЕРЬЁЗНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**, люди, которые вдруг обнаруживали, что для того чтобы отмазать торговую точку от ментов или даже просто купить памперсы ребёнку, нужен срочный заём. Папа неплохо освоил типажи «лучшего друга», «доброго соседа» и «отзывчивого человека». Его похлопывания по плечу не знали равных в своей успокаивающей силе. Его улыбка, какой бы ни была шакальской, действовала на жертв как змеиный гипноз на кроликов.

Стоит ли говорить, что многие не находили потом достаточно средств, чтобы расплатиться по сильно выросшим долгам? Отцу нравилось окружать себя должниками. Чтобы поднять себе настроение, он мог позвонить любому из них в любое время суток. Даже в полусне, находясь в своей комнате, я слышал, как ёкает сердце у человека на том конце провода. В любой момент отец мог прийти к одному из должников и забрать у того из квартиры любую понравившуюся вещь – и всё равно она не покрыла бы долга. Вся наша квартира была обставлена подобными вещами. Именно поэтому, когда родителей не стало, я продал её вместе со всем оставшимся там барахлом.

Да, благодаря папиному занятию (язык не поворачивается назвать это работой) наша фамилия никогда не бедствовала. Но я с трудом могу назвать трёх человек, что ютились в тех стенах, громким словом семья.

Не знаю, как моего попугая звали прежние хозяева, и сколько ему было лет. Чипса всегда держалась молодцом, хотя иногда, как мне кажется, пребывала в депрессии. Новое имя – первое, что сорвалось с её языка после того, как жако снова начал говорить. В его лексиконе не было ни единого словечка из прошлой жизни, также как и из словаря моих родителей. Я с ужасом ждал выражений вроде: «Тащи рыбу, малец», бесхитростных отцовских поговорок: «Своя рубашка ближе к телу», «Если ты не используешь их головы как свой пешеходный мостик, они используют твою», и самодовольное: «Мне скоро понадобится новая записная книжка – фамилии на «А» и «Г» больше туда не умещаются». Мы с матерью так и не смогли добиться от него отчёта о текущем финансовом положении (точнее, не смогла мать, а она была той ещё изворотливой гадюкой), отец сам вёл семейный бюджет, то позволяя какую-нибудь роскошь, вроде нового автомобиля, а то на целые недели переводя нас на хлеб и воду.

Списки должников перешли ко мне, как и счета, на которых, как оказалось, было совсем не очень то и много денег. Мать была ещё жива, но совершенно не в том состоянии, чтобы встать у руля нашей жизни (о чём она всегда в тайне мечтала). Сгорая от тяжёлой болезни, она почти не поднималась с постели и добрую половину дня проводила в бреду. Как-то раз я спросил её, как нам жить, когда кончатся деньги, на что она улыбнулась и сказала: «У твоего бати была хорошая деловая хватка. Ты должен стать таким же, только чуть больше доверять матери».

Ни слова о тех беднягах, которых отец обобрал до нитки. Впрочем, тогда я тоже улыбался. Мне было хорошо оттого, что скоро её не станет. Запах смерти не только пропитал нас с Чипсой насквозь, он въелся в обои и в мебель так, что балкон приходилось держать круглосуточно открытым, а когда всё закончилось, отправил матрас, на котором мама отчалила в вечность, на помойку.

Папины списки я сжёг в ванной. Не было никакого желания в них копаться. Я был полон отвращения к родителям, ко всем этим людям, аккуратным, алчным отцовским почерком вписанным в разлинованные строки, к цифрам и датам, что стояли напротив каждого имени, наконец, отвращения к себе.

С тех пор даже сама мысль о том, чтобы завести себе ежедневник, вызывает у меня рвотный позыв. Наверное, поэтому я никогда не был успешен в жизни: ведь каждому известно, что без чёткого планирования это невозможно...

5.

Никто не ожидал, что ночь будет похожа на путешествие комка масла по разогретой сковороде или на поход юного гения сквозь математику для третьего класса под редакцией А. Астахова. Здесь должен стоять союз «но»... но его не будет. Ночь действительно была не простой...

Юрий всерьёз не собирался ничего читать, однако слова «готов поставить всю имеющуюся у меня картошку, что эти строчки до конца моей жизни не прочтает ни одна живая душа» завертели его в странном водовороте и выбросили в пучины текста.

– Как могло получиться, что из всего интернета его компьютер воспринимает одну-единственную страничку? – пробормотал Юрий, позволяя аромату кофе обосноваться в ноздрях. – Интернет либо есть, либо нет.

Алёна бросила на него укоряющий взгляд: «Ты не мог бы помолчать? Разве не чувствуешь – ты разрушаешь *это*», и снова повернулась к монитору. Губы её беззвучно шевелились.

Юрий рад бы отрицать, но он тоже *это* чувствовал. Это – как неприятное ощущение, что шрам на пупке вот-вот разойдётся. Это – предвкушение, нетерпеливое ожидание того, что ты больше никогда не испытаешь.

Дождь совсем затих, заранее стесняясь барабанной дробы по карнизам, которая ещё долго будет донимать спящих. Верхний свет казался слишком резким, поэтому Юра его выключил, а следом убавил и яркость монитора. С шоссе доносился влажный шум шин по асфальту. Юрий вспомнил свой утренний кошмар о дорожной разметке, прерывисто вздохнул, после чего несколько долгих секунд ожидал, что профиль Алёны сменит анфас, на котором, как на грубом холсте, теньями и разведённой в воде краской будет намалёвано встревоженное выражение.

Потом он вернулся к чтению.

Было трудно разобраться, что именно происходит с автором дневника. Он напоминал парня, который внезапно ослеп по дороге в булочную и самонадеянно ищет дорогу к дому, ощупывая трамвайные рельсы. Который пытается держаться молодцом, несмотря на весь ужас, всю абсурдность происходящего. Невольно Юрий задумался: «А как бы я повёл себя?», но тут же погнал от себя эту мысль. Он никогда не окажется в такой ситуации.

На столе выстроилась батарея из кофейных кружек.

Когда речь заходила об уродливом младенце (иногда Валентин брезгливо называл его зародышем, иногда проникался неожиданной и не всегда понятной постороннему человеку нежностью), руки Алёнки сжимались на подлокотниках стула. Один раз вместо подлокотника у неё в руках оказалось запястье мужа, и Юрий едва не взвыл от боли. Она вскакивала из-за стола и ходила кругами, не вытирая бесконтрольно льющиеся слёзы. Кричала: «Зачем этот гад мучает ребёнка?», и Юра ни разу не нашёлся что ответить. Он вообще ни разу не слышал, чтобы Алёна на кого-то кричала. Так-так, это что тут у нас, тридцать две буквы, складываю-

щиеся в слова, а те – в довольно неказистые предложения, которые способны заставить его жену плакать и кричать?

Удивительно.

После двух часов гнетущей тишины Юра включил радио. Сладкоголосый ведущий двенадцатичасового «джазового часа» разбил стекло, которое невидимой стеной встало между супругами. Алёна посмотрела с благодарностью, попросила:

– Принесёшь мне какой-нибудь выпечки из кухни? И сливки тоже захвати.

Юра нацелил на неё палец, сказал голосом Семёна из десятого «Б»:

– Не вздумай эксплуатировать меня, куколка.

И прибавил жалобным тоном:

– Там темно и страшно. В следующий раз пойдём вместе.

Она засмеялась, покачала головой, и он решил считать это хорошим знаком.

Окна по-прежнему нараспашку, ночной холодок начал завладевать помещением, но ни у кого не возникало желания закрыть их и остаться наедине с текстом. Это словно спиритический сеанс... а Юрий знал, что его жена на самом деле жуткая трусиха, да и он храбростью также не отличается.

Как и обещала, этой ночью она продалась дымному дьяволу; однако, в виде уступки мужу, сигареты пахли вишнёвыми косточками. Хорь знал, что у неё ещё есть непочатая пачка ванильных «Colts» – хватит на всю ночь. Дым носился над головой и уплывал наружу облачками, которые заменяли им сегодня подушки. Возможно, и он приложится к своему наркотику... Юра буквально слышал, как прямоугольная бутылка с шагающим Джонни покрывается инеем в одном из отделений холодильника. Но нет, он не имеет права подвести её. Если уж Алёнка хочет чтобы он был с ней – он будет, весь до последней клеточки мозга, взбудораженной кофеином.

Тенью взлетела на подоконник соседская кошка, до нервного хохота напугав обоих людей. Ульрика жила у вдовы по фамилии Нордическая (Алёнка считала это сочетание имён едва ли не проявлением высшей гармонии), через две квартиры на их этаже, и была прославленной путешественницей. Через вечно открытую форточку выбиралась на карниз и запрыгивала в открытые окна, чтобы посмотреть, что там хозяева забыли убраться в холодильник.

К двум часам ночи они поняли, что могут обсуждать происходящее с Валентином не повышая друг на друга голоса.

– Что ни говори, а ведёт он себя очень разумно... и знаешь, что я ещё заметил? Он страшно увлечён.

Алёна подняла брови.

– Ты считаешь, что он в восторге оттого, что сидит взаперти?

Юра откинулся назад и, пытаясь облегчить боль в спине, принялся качаться на стуле. От резких движений обёртки от шоколадок, которыми был усыпан стол, зашевелились.

– Нет, не в том смысле. Он увлекается, когда описывает происходящее. Сначала всё лаконично и кратко, записывает, как и положено человеку, что стремится сохранить для потомков свои злоключения, рассказать хоть кому-то что с ним происходит. Потом эпитеты начинают нарастать, как грибы на гнилых пеньках. Предложения становятся законченными, оформленными – хоть сейчас на страницы бульварного романа. Только вчитайся: «Я заметался как лис, чей хвост был так шикарен, что воспламенился одним прекрасным утром». Парень едва не спалил себя вместе, может быть, со всем домом, и на тебе, сидит, меткие сравнения подбирает!

– Он несостоявшийся писатель, – напомнила Алёна.

– Невозможно быть писателем, когда с тобой происходит такая чертовщина, – жёстко сказал Юра. – Ты в первую очередь человек, маленький, дрожащий комочек плоти, который ни черта не понимает и пугается каждого нового звука. Для того чтобы быть писателем, нужно привести в порядок голову.

– Ну вот, опять двадцать пять, – Алёнка засмеялась. – То есть ты считаешь, что голова у него не в полном порядке?

– Думаю, голова у него в порядке. Я всё ещё считаю, что он дурит *нам* головы.

Впрочем, фраза прозвучала далеко не так убедительно, как он надеялся. В первую очередь для себя. Если всё так просто, то почему кровать до сих пор не разобрана? Алёнке простительно – она натура увлекающаяся, – но он? Он школьный учитель с практическим складом ума, с шестерёнками вместо мозгов, если угодно. Какая-то разновидность дистанционного гипноза? Быть может, вирус, который заставляет монитор мерцать с определённой частотой? Хорь потёр глаза.

Алёна отобрала у него мышку.

– Посмотри... вот здесь, посмотри, как он пишет о ребёнке! Об Акации. Такие чувства невозможно выдумать. Как будто мечется от одной крайности к другой, от глубокого отвращения и неприязни, к безусловной любви. Я... даже не знаю, каким человеком нужно быть, чтобы переживать такое снова и снова.

Юра улыбнулся.

– Очень талантливым. Либо полным психом.

Алёнка уставилась невидящим взглядом, перебирая шёрстку задремавшей у неё на коленях Ульки.

– Бедная девочка. Повезло ей с количеством конечностей или нет, её нужно забрать. Кто знает, что он сможет с ней сделать? В момент одного из своих перепадов настроения швырнуть в огонь? Запросто. Уморить голодом? Ещё проще. Не уберечь от одного из этих монстров, не важно, в квартире они обитают или в его голове? Всё возможно.

Юра протянул руку, обхватил её пальцы своими. Он молчал, не пытаясь даже найти нужных слов.

Часы на Думской башне пробили половину третьего. Кофе, сигареты, накопившаяся за день усталость и джаз сделали своё дело. Обнимая за талию жену, Юра рассеянно думал, что никогда ещё не пробовал такого гремучего коктейля. В молодости у них бывали забеги по ночным концертам, по гремящим танцполам, были марафоны с просмотром фильмов на всю ночь и с изучением тел друг друга насколько хватало сил, но никогда ещё они не оставались наедине в полном смысле этого слова. Юра даже почувствовал нечто вроде благодарности к парню, скрывающемуся по ту сторону монитора. Жив он или мёртв, сидит, улыбаясь собственной шутке, в кресле, попивая вино, или заперт в камере в психушке – разгадать бы тот волшебный рецепт, которым он сумел соединить два сердца в одно!

Они кружились в медленном танце, и расставленная кое-как мебель вальсировала вокруг них. Часто ли бывает, что ты чувствуешь себя центром вселенной? Колодцы-дворы наполняли тихую музыку смыслом, голоса пьянчужек были похожи на бормотание спящих под карнизом воробьёв. Стены исчезали, опускались, как стенки картонной коробки, которую какой-то бедняк решил превратить в коврик у порога. Юрий в первый, наверное, раз с двадцатилетнего возраста чувствовал, что прекрасно может обойтись без алкоголя.

Им, ощущающим себя частью огромного мира, мистически легко удавалось сочувствие по отношению к отрезанному от жизни Валентину.

Склонив голову к плечу мужа, Алёна сонно шептала:

– Мария, младшая сестра... как думаешь, в состоянии она помочь? Она выглядит здоровомыслящей женщиной.

Юрий подумал, что до конца дневника их отделяет рывок в полтора-два часа. Самых тёмных ночных часа, которые придётся идти на ощупь. Именно в часы перед рассветом умирают старики. Именно в это время любая встреча может окончиться несчастьем. Если долго сидеть без движения, можно почувствовать, как волосы зарастают паутиной. Если бодрствуешь в это время, оно превращается в череду внезапных приступов дрожи, неосознанных движений,

почёсываний, пощипываний, призванных доказать самому себе, что ещё жив. Приближение солнца ощущается стекающим по коже густым маслом.

Юрий понятия не имел, откуда взялись эти мысли, но наверняка знал, что предпочёл бы между тремя и четырьмя часами крепкий сон любому, даже самому приятному бодрствованию.

По крайней мере они нашли общий язык, – подумал он, а потом, спохватившись, произнёс то же самое вслух.

– Она, кажется, сама не слишком-то представляет что делать, – озабоченно произнесла Алёна. – В мире фантазий могут позволить себе прятаться только маленькие девочки. Потом петля начинает затягиваться. Я сама поняла это довольно поздно – в девять. Но я успела выбраться, – она потёрла шею, воспоминания о том времени доставляли ей почти физическое неудобство. Юрий, погрузившийся было в дремоту, поднял голову: она никогда не рассказывала ему о своём детстве. – До этого времени я жила в книжках и собственных рисунках, кочуя между этими берегами на хрупком, разваливающемся плоте повседневной жизни. А иногда они подходили настолько близко друг к другу, что я не могла вспомнить, придумала ли я ту или иную сцену, или вычитала её в каком-нибудь романе. Я решила построить лестницу в небо, твёрдо веря, что если гордые древние существа с телом человека, головой и крыльями грифа, что обитают между облаками, заметят, как я по ней взбираюсь, они заберут меня к себе. Я знала, что построить лестницу до облаков мне не под силу, но сгодились бы почти любая – лишь бы заметили и оценили.

Она вздохнула, глядя в пространство над левым плечом мужа. Приёмник пощёлкивал, будто Дюк Эллингтон задевал ногами скомканные и разбросанные под роялем газеты.

– Я строила её из чего придётся – летом, на даче, где хватает потайных уголков, чтобы спрятаться от родителей. Любой пруттик шёл в ход. Клей, папина изолента, резинки для волос... И вот наконец этот день настал. Когда мама и папа пошли подремать после обеда, я прислонила лестницу к скату крыши сарая... она оказалась выше. Достает до солнца – так мне казалось. Помню, у меня захватило дыхание – вот оно! Я очень ясно представляла, как вибрирует воздух под контурными перьями человека-птицы, который меня заметит и кинется вниз, чтобы подхватить прежде, чем я доберусь до верхней перекладины. Но ничего не вышло. Лестница рассыпалась, когда я была на высоте двух метров. Я кувырком полетела вниз, сильно ударилась головой и четыре недели пролежала на больничной койке. Меня каждые два дня водили к специальному врачу и что-то там снимали, подключая провода к лобной доле. Жуткое унижение! Это было моим жёстким приземлением. И это изменило мою жизнь. Я научилась мириться с реальностью, признала её власть над собой..., – морщины на её лбу и веках казались росчерками простого карандаша. – У этой женщины, у Марии, похоже, не было сломанной лестницы. Она смогла построить свою под постоянным надзором, из куда более прочного материала.

– Хорошо это или плохо? – спросил Юра, удивившись своему голосу: он звучал как воронье карканье.

– Не знаю, – Алёна потихоньку приходила в себя. – Но, представь себе, я немного завидую. Самую малость. Слушай, как бы не обстояли дела на самом деле, мы должны помочь. Возможно, мы единственные, кто прочёл этот дневник.

Они всё ещё кружились в танце, хотя музыки больше не было. Она замолчала на самой тихой ноте: будто пластинка закончилась, а ведущий ночной программы и звукорежиссёр спали без задних ног, похрапывая каждый в своём кресле.

– Мы не знаем, как всё закончится, – сказал Юрий; его слова частью заглушил налетевший на растущие под окном вязы ветер, но Алёна поняла.

– Как бы ни закончилось..., – прошептала она, стискивая в своих тонких пальцах его майку, – как бы ни закончилось... если он всё ещё там, мы обязаны сделать хоть что-то. Если

нет – разве тебе не хочется *чуть больше* разузнать об этой истории? Узнать, кто такой этот Валентин, и на самом ли деле имели место быть все те ужасные вещи?

Юра почувствовал, как внутри сковала всё вечная мерзлота. Как говорят: «Кто-то прошёл по твоей могиле», и Хорь мог бы добавить: «Я стучался изнутри, разбил в кровь все кулаки, но никто не услышал». Дальнюю дорогу и белые линии разделительной полосы можно было пощупать.

Он запнулся о ножку стола, и это привело его в чувство. Большой палец на правой ноге распухал, наливаясь кровью, мужчина наклонился, чтобы оценить масштаб повреждений. Руки Алёны бродили в его волосах. Не поднимая головы, он сказал:

– Я сказал Василине Васильевне, что у нас появились срочные семейные дела. Это подразумевает, что я не появлюсь завтра – точнее, уже сегодня, – но, наверное, можно представить товарища Валентина как дальнего родственника и взять небольшой отпуск. Только, чур, родичем он будет твоим. Я не хочу иметь ничего общего с психопатом. Мои классы, как и зарплату за этот месяц, наверное, уже поделили между собой самые ушлые коллеги. Денис Михайлович, например. Это наш химик.

Он не стал уточнять, как жена будет утрясать вопрос со своей работой... Ясно, что не это её сейчас волнует. Планировала ли она поездку заранее или приняла решение спонтанно? Если первое, то Хорю придётся решить для себя: насколько всё это похоже на один большой капкан? Если второе... что ж, деньги и карьерный рост никогда не были для Алёны смыслом жизни. Он знал, что многочисленные таланты и умение неплохо ладить с людьми позволит ей подобрать себе работу по душе. В конце концов, Хорь влюбился когда-то в эту женщину, влюбился окончательно и бесповоротно, без задних ног, искренне не понимая, как встречные мужчины не падают перед ней ниц.

– Значит, едем, – задумчиво сказала Алёна, и Юрий почувствовал, как по позвоночнику пробежал электрический разряд. Капкан захлопнулся. Он знал, что из этой поездки не выйдет ничего хорошего, как знал и то, что ничего не может изменить. Даже если он запретит, она уедет, исчезнет из его рук, как маленькая скользкая рыбка. Звук отодвигаемого стула зазвучал в ночной тишине как рёв циркулярной пилы, приближающейся к грудной клетке. Время возвращаться к спрятавшимся между строчек демонам.

Фигуры расставлены, до рассвета час – в самый раз, чтобы изучить правила.

Больше не ощущая боли в ушибленной ноге, Юрий поднялся, чтобы присоединиться к жене.

Глава 4. Дорожные знаки.

Блог на livejournal.com. 16 апреля, 03:12. Без названия.

...Что-то происходит.

О Божечки, помогите! Кто-нибудь!

Эти... звуки. Будто кто-то всасывает ртом воду и одновременно пытается подавить рвотные позывы...

1.

Пробуждение в кресле – не всегда приятно. Значит, ты или изрядно перебрал накануне и не был достаточно удачлив, чтобы не разбудить жену, которая выселила тебя из собственной постели, или случилось нечто из ряда вон выходящее. Юрий протёр воспалённые глаза, бросил неприязненный взгляд на монитор, где по-прежнему бежали чёрные буквы на синем фоне. Хорь вспомнил, как рано утром к нему пришло чувство, будто он путешественник, что стоит на берегу, на мысе под названием «И я уж постараюсь не сорваться, обещаю вам», на самом

его краю, и смотрит на уходящие к горизонту воды. Он чувствовал себя так, будто пересёк пустыню.

Алёнкин голос, переплетающийся с запахом варёного кофе, доносился из кухни: она довольно аутентично напевала Джеймса Бланта. Проверил телефон: два пропущенных звонка от Василины Васильевны. Она из тех, кто звонит дважды... однако если на второй раз ты не ответил, то знай, что добиться новой аудиенции будет ой как не просто.

– «Просто считай, что ты в отпуске», – пробубнил Юрий слова из песни какого-то барда. Он крикнул: – Мне кажется, у меня кофе уже вместо крови, по венам течёт.

Нет ответа. Ну и ладно.

Солнце отогрело глыбу замёрзшего воздуха, по её гладкой поверхности водой из-под крана побежали звонкие ручейки. Юрий обнаружил, что спал в очках, водрузил их глубже на переносицу. Потрогал языком потрескавшиеся губы. Мебель сгрудилась у стен. Ковёр в центре комнаты, в котором как в траве тонули ночью их босые ноги, пошёл морщинами. Ничего не изменилось, и глаза ты закрыл пять минут назад, на удивительный отрезок времени, в течение которого ночь дала течь и пошла на дно, окружённая сиянием умытого, как лицо смеющейся малышки, утра.

Почёсываясь, Юрий вышел на кухню.

Остановился в дверях, распахнув рот. Голос жены, напевающей Бланта, растаял в воздухе, как мягкое мороженое. Остался только голос певца. «Привет, Джеймс», – пробормотал Юрий, потрясённый, что мог перепутать Алёнку с каким-то парнем, пусть даже вполне сладкоголосым. Приёмник никто так и не выключил с ночи. Запах кофе, казавшийся таким свежим, исходил от кофейника на плите. Струйка воды стекала в мойку, разбиваясь о край тарелки.

– Алёна? – спросил Юра.

Страшные подозрения роились в груди, как в улье. Алёна... она будто перестала существовать в тот момент, когда он отключился в половине пятого утра. Никто не закрыл окна – а ведь жена отличалась мерзлявостью. Никто не укрыл его ноги пледом, не убрал с подлокотника кресла пустую чашку (кажется, именно её падение и разбудило мужчину).

Он заглянул в ванную. На негнущихся ногах проверил спальню. Кровать оставалась не разобранной. Стул, на котором Юрий шутливо предлагал вырезать: «Собственность Алёны Хорь. Только для личного использования! Да прибудет на этой спинке только её одежда, отныне и вовеки веков!» по-прежнему ломился от мягкого груза лифчиков, платьев, рубашек, штанов и юбок. Пару раз Юра буквально видел, как у многострадального предмета мебели подкашиваются ножки.

Встав на колени, Хорь заглянул под кровать. Он не мог себе объяснить, для чего так сделал – уж конечно, жена не стала бы играть с ним в прятки. Пыль, да пара потерянных носков. Юрий почувствовал себя обворованным...

А потом ужасная, почти невыносимая мысль пришла ему в голову. Ветер ворвался в раскрытые окна, зашелестел в бумагах, Алёнкиных и Юры вперемешку, разбросанных на письменном столе. Он всегда держал свои записи в порядке, но Алёна, стоило ей усесться за рабочее место, одним своим присутствием открывала двери в мир хаоса. «У тебя не две руки, а восемь, – по-доброму ругался муж. – Неважно, насколько занята пара тех, что растёт из плеч, мои тетради всегда оказываются не в том порядке, в котором я их сложил».

Учитель вскочил с колен, метнулся к двери, едва не уронив с носа многострадальные очки. Алёнкиных любимых кроссовок на было на полке для обуви. Пропала её жёлтая куртка с капюшоном; ключи были на месте, и это взорвало в голове Юрия маленькую атомную бомбу. Она не могла так со мной поступить, – сказал он себе, едва не усевшись прямо на пол, на резиновый коврик с мордой тигрёнка, хобби которого было коллекционировать пыль, тополиный пух и облетевшие листья.

Он добрых пять минут в ступоре смотрел на дверь. А потом, как пущенная стрела, сорвался с места. Сунул ноги в ботинки, даже не потрудившись завязать шнурки. Сообразил что без рубашки, и метнулся в комнату. Вернувшись, набросил на плечи пальто, карман которого оттопыривался от трамвайных билетов. Пошарил на верхней полке, где лежали ключи от машины... Пусто. Чёрт!

Хорь выскочил из квартиры, захлопнул дверь, запинаясь о болтающиеся шнурки и на каждом пролёте рискуя полететь кверху тормашками, сбежал вниз. Напугал женщину с коляской, что ждала лифта. Лёгкие кучевые облачка с копьями солнечного света наперевес ринулись в атаку на его глаза. Увидев прямо у парадной знакомый задний бампер с характерной вмятиной, не смог сдержать крика ужаса и облегчения. Казалось, колёса машины вращаются и она стремительно удаляется, но на самом деле – Юрий понял это, когда оцарапал руку о решётку радиатора – у него просто кружилась голова.

Алёнка, копавшаяся в бардачке, оглянулась на звук и помахала рукой.

Силы оставили Юрия и он опустился на стоящую рядом скамейку. Помассировал себе виски, кое-как поднялся и открыл дверцу машины.

– У тебя нет кофейных таблеток? – деловито спросила жена. – Или хотя бы аспирина от головы? Нужно заехать в аптеку.

– Ты сбежала... без меня сбежала.

– В ванной, в шкафчике над стиральной машиной, я уже смотрела... погоди, что ты ска- зал?

– Ты хотела уехать без меня, – Юрий почувствовал, как голос перекачивается в носоглотке обещанием грома, глубокой, дикой обиды, и попытался приглушить в себе эти чувства. Он был уже большим мальчиком и знал, что ни к чему хорошему это не приведёт.

Почувствовал натяжение этих струн кончиками пальцев... и вдруг явственно увидел – сквозь пол автомобиля, сквозь рессоры и амортизаторы – как дрожит земля.

Алёнка бросила копаться в бардачке и засмеялась, будто бы через силу. Её глаза были похожи на отверстия в картонном лице из музея восковых фигур:

– Я же здесь, верно? Мы собирались ехать вместе. Правда же, собирались?

– Да... – сказал Юрий, пытаясь осознать, чувствует ли он облегчение. На крышу автомобиля приземлился воробышек, запрыгал, громко стуча коготками. – Да. Прости меня. Просто когда я проснулся и понял, что один в квартире, я подумал: с тебя станется просто взять и пропасть из моей жизни, так же просто, как появилась. Конечно, это всё глупости...

Алёнка уже не слушала. Она достала из сумки перекидной блокнот и что-то старательно писала огрызком карандаша.

– Я взяла наши с тобой карточки и всю наличность из комода. Зальём сейчас полный бак. Я поведу первой, а ты пока поспи. По твоему лицу как стадо слонов прошлось.

Юрий забрался в машину, откинулся на продавленное сиденье и закрыл глаза. Он подумал, что сказали бы его ученики, те, которым он преподавал короткий урок по устройству мира, увидев, как установленный порядок вещей в жизни их уважаемого Хоря рушится на глазах. Кто-нибудь из них непременно бы поднял руку чтобы спросить: «Ну, и где теперь ваша осторожность, дядь Юр? Вы всю жизнь смотрели в оба и тихо ждали... чтобы однажды вас так вот просто одурачили и увезли, перекинув через седло, словно девицу на выданье».

– Нужно бы собрать кое-какие вещи, – сказал он вслух, но когда открыл глаза и посмотрел в окно, оказалось, они уже сворачивают с Севастопольской на КАД. Он дремал около получаса.

– Заедем в торговый центр за городом, – сказала Алёнка, вращая руль двумя пальцами, легко, как штурвал корабля, бороздящего её красочные сны.

Она одета в удобные брюки и майку без рукавов. На заднем сидении валялась синяя кофта с капюшоном и жёлтая куртка. Волосы наспех закручены в «шишку» на затылке. Юрий оглядел себя: домашние штаны, под лёгким пальто футболка с удобно расположившимся в

кресле мультяшным псом, закинувшим ногу на ногу так, как это никогда не дано сделать псам, и надписью «Только попробуйте меня отсюда вытащить». Хорошо, что выскочил наружу не в одних трусах. Кто знает, изменилось бы Алёнкино лицо хоть на йоту, но дама с коляской возле лифта совершенно точно бы шлёпнулась в обморок.

– Как ты себя чувствуешь? Что-то мне подсказывает, что ты спала не больше меня.

Неразобранная кровать. Открытые вкладки в браузере, коллекция грязных кружек на столе... если бы она пошла спать, то, конечно, растолкала бы и его.

– Конечно я выпалась. Мне нужно немного времени для сна. Как дельфинихе. Ты знаешь, у них полушария мозга спят по очереди.

– На ночь ты отправила спать левое, – утвердительно сказал Юрий. – Ответственное за логику.

Не отрывая взгляда от дороги, она сделала в воздухе пасс рукой, мол, «ты видишь меня насквозь».

Город по обеим сторонам шоссе сходил на нет. Побежали придорожные кафешки, рынки, на которых можно купить сушёную балтийскую корюшку, пыльные банные веники да уголь для мангала, затем – большие замусоренные площадки, служившие стоянками для большегрузов. Погода что надо, и, расслабившись на сидении, можно легко представить, что тебе снова десять лет и что ты мчишься с родителями в деревню. Старая отцовская «четвёрка» пыхтит и воняет бензином, и ты, надышавшись за два с половиной часа дороги, почти умираешь. А потом воскресаешь в объездах деревенских друзей, лепишь на тело пластыри – языки бродячих псов, – собираешь раннюю землянику и до мурашек купаешь руки в молодой, ещё не щипучей, крапиве.

– Я всё ещё не могу поверить, что ты подбила меня на эту затею, – услышал он свой голос. – Ты бы уехала одна, если бы я отказался?

Вопрос прозвучал прежде, чем Юрий успел себя остановить. Он выругался про себя. Это всё проклятый недосып – хуже перепоя. Ты отрубается, а за тебя живёт, говорит и действует кто-то другой.

– Этот парень, – Юрий намеревался высказать жене всё про неприятного незнакомца, который, наверное, сидит на его левом плече и в минуты слабости пользуется ухом, как люком в голову. Но неожиданно для себя закончил совсем не так, как собирался: – видно, сам господь Бог, раз ты оставила свои занятия, оставила наш дом и вот так просто пошла за ним.

Слова прозвучали, и нелепо было приносить за них прощения. Солнце больше не грело; оно, как болезненный волдырь, просто висело над головой. Затаив дыхание, Юра ждал, что будет дальше.

Но Алёна, обычно являющаяся в такие моменты взрывной темперамент, жгучую, как уксус, обиду и острый язычок, не сказала ни слова. Они ехали довольно долго – достаточно, чтобы Хорь, вернув себе власть над дрожащими пальцами, включил радио, и под бессвязное его бормотание (словно вещали с Марса) сказал: «Извини». Только тогда она ответила:

– Это приключение, Юр, приключение, которого мне не доставало. Времена сейчас не те, понимаешь? Приключения не торопятся находить себе героев. Подчас нужно приложить значительные усилия, чтобы привлечь их внимание к своей персоне. Да, наверное, я бы уехала без тебя. Но зачем думать о том, чего не случилось – ведь ты был рядом, всё видел своими глазами и согласился разделить его со мной.

Учитель задумчиво исследовал складки кожи между пальцами правой руки. Непрошенный гость, вломившийся несколько минут назад в голову, спрятался в чулане, чувство тревоги утихло. Не исчезло, нет – но стало почти незаметным, словно запах крови, вьёвшийся в стены скотобойни. Внутренним зрением, таинственным органом, которым Юрий почти не мог управлять, он отыскал приоткрытую дверь в чулан, разглядел там бесстрастный взгляд и ухмылку,

словно говорящую: «Я здесь... и всегда буду здесь. Рано или поздно ты снова отвлечёшься, и я буду ждать этого столько, сколько потребуется».

Загипнотизированный этим оскалом, Юра сказал:

– Нам с тобой не помешал бы мальчишка. Такой же непоседливый как ты. Или девочка. Одним словом, кто-то, для кого ты могла бы создавать приключения. Тот, кому не нужно отпрашиваться с работы и даже выезжать из города, чтобы поучаствовать в одном из них. Чтобы проникнуться хорошей историей и почувствовать себя её участником. Мне кажется, у нас с тобой получилось бы создать идеальное детство для одного или двух ребятшек. А? Что думаешь?

Заканчивая фразу, Юрий чувствовал себя настоящей сволочью. Мужчина видел на своих коленях тень Алёнкиного профиля. Пытался определить, как на ней отразились его слова. Алеет ли там румянец, похожий на багровый след от оплеухи? Но тени – довольно сдержанный народ, а поднять глаза не было сил.

– Не думаю, что ты готов в нагрузку ко мне получить ещё и одного-двух младенцев, – отрезала она. Рессоры скрипели, распределяя возросшую скорость – они наконец вырвались из города. По салону летали оглушённые потоком ветра насекомые. – Так же как и я не готова ни с кем делиться своим временем. Зачем нарушать такую чудную гармонию?

Юра подумал, что гармония – слово недостижимой высоты. Словно придумано специально для поэтов и живописцев. В реальной жизни её и не встретишь. Кто-то из двоих всегда любит меньше, и всегда находятся незначительные на первый взгляд проблемы, которые грозят перерасти в настоящую катастрофу.

Но что стоит жизнь, если за недостижимой этой гармонией не тянуться? Не более чем дырявый рубль, висящий на шнурке на шее.

Блог на livejournal.com. 16 апреля, 03:45. Без названия.

...Не сплю всю ночь. Сажу с подтянутыми к груди коленями. По крайней мере, что-то пришло в движение, и я этому рад. Но скажу честно: сейчас я на грани нервного срыва. Ощущение, что твоя голова свалилась с плеч и катается по стенам и потолку – это ведь оно, да?

Это началось с того, что я услышал странные звуки из ванной комнаты.

«Чипса?» – спросил я.

Но попугай сидел жёрдочке, глядя на меня маслянистыми глазами и разевая клюв.

Кажется, это своенравное, отделанное белым кафелем помещение обиделось, что я его не упомянул в своём «описании странностей», и решило показать, где зимует Кузькина мать.

Я что-то напутал. Ну да не важно.

Пожалуй, больше всего на моё решение приобрести эту квартиру повлияла именно ванная комната. Риэлтор бормотала о плюсах проживания в центре города (а где, интересно, ещё можно жить в городе, который за тридцать минут пройдёшь пешком из конца в конец?), а я пялился на блики на изгибах эмали, на высокое овальное зеркало за раковиной и зеленоватую мозаику, занимающую почти всю стену. Мозаика изображала зелёные волны и плывущих по ним тупоносых рыб вперемешку с кораблями. Сложно было понять, кто за кем гоняется: не то отважная команда рыболовецких шхун пытается изловить себе на завтрак эту плавучую громадину, не то рыба надеется поживиться командой...

Ничем не закрытые трубы всегда блестяли конденсатом. Этот конденсат успокаивал меня; такой мог появляться где-то глубоко под землёй, на стенах пещер, в которых никогда не ступала нога человека.

Я был на кухне, смотрел в окно, наблюдая, как гаснут и зажигаются окна в доме напротив, когда раздался он – мерзкий звук, что чуть не отбросил меня от подоконника. «Трубы? – подумал я. – Как же, скажите на милость, я вызову сантехника?»

Шучу, я подумал об этом только сейчас, чтобы хоть немного вывести себя из предобморочного состояния.

Я знаю, что многие неодушевлённые предметы могут издавать удивительно «живые» звуки (когда-то в детстве газовая плита в доме у родителей едва не сводила меня с ума), но этот явно подразумевал наличие диафрагмы и способность страдать.

«Кто там?» – закричал я, скрючившись под дверью. Открыть её? Да вы что, с ума сошли?

Звуки не прекращались. Я щёлкнул выключателем. Всё равно не прекращались. Потом в голову пришла идея. Я лёг на живот и приблизил лицо к щели под дверью. Если бы внутри кто-то был, свет не был бы таким ярким. Немного успокоился. Постучал, послушал, ещё раз постучал, не для того, кто может там находиться – я уже видел, что там никого нет – а больше для себя, чтобы вернуть способность рассуждать здраво.

Несколько раз глубоко вдохнул и вошёл.

Это сливное отверстие в раковине! Мать его, сливное отверстие вопило как узник концлагеря на электрическом стуле. Пожелтевший от времени фарфор обрёл форму губ, которые спазмически сжимались вокруг железной решётки слива. Звук был негромкий, но чёткий. От него у меня на несколько секунд замерло сердце и потемнело перед глазами.

Я захлопнул дверь, не зная что предпринять. Возможно, я схожу с... нет, не стоит допускать даже такой мысли! Это мир вокруг меня чокнулся, квартира решила, что она вполне способна не считаться со своим хозяином и делать вид, что ничего не происходит, дальше просто нельзя. В кладовой есть кувалда...

Потом дала о себе знать та моя сущность, которая не любит громких звуков и не любит ворочать тяжёлыми предметами. Может, взять подушку и попробовать придушить то, во что превратилась моя раковина?

Не придумав ничего лучше, я пошёл за подушкой. И осел, как горе-кочевник, чья кобыла сломала ногу, здесь, за компьютером. Обнимаю подушку.

Звуки не стихают...

2.

Когда стрелка часов на приборной панели перевалила за три, Юра сел за руль. Алёна была против, но он настоял, апеллируя к тому, что ей тоже необходим отдых.

– Всё нормально, – попробовала протестовать Алёна, но в конце концов подчинилась. Пересев на пассажирское сиденье, она словно перестала чувствовать пальцами минорно-мажорную ноту всех песен о путешествиях. Хотя музыка, которую она слышала, музыка шуршания шин, кочек, рёва проезжающих мимо грузовиков и жужжания шмелей ей импонировала. Что-то важное пропало. Казалось, только её интуиция, вынуждающая подчиниться тому или иному повороту, приведёт их к Кунгелъву. Только семя, давшее в её разуме первый робкий побег, способно отделить настоящее шоссе, быть может, ведущее в никуда, от потустороннего, сумеречного шоссе, словно сошедшего со страниц романов Стивена Кинга или сценариев Дэвида Линча.

Но она не знала что муж способен ехать по этой дороге, пусть и не подозревая о её существовании, на любом транспорте, и даже идти пешком.

Юра, едва сев за руль, начал думать о километрах. Девяносто два их оставалось до последнего крупного населённого пункта, семьдесят пять – до Зеленогорска, но туда им не нужно. Приблизительно пять километров до залива, ветер преодолевает это расстояние за десять минут, принося просоленный свежий запах, и ещё – почему-то – запах мокрого бетона.

Двести четыре километра до границы с Финляндией. А где-то чуть раньше – старинное поселение, мелькающее за окнами настоящих путешественников, которые отправляются смотреть Европу или, напротив, дикую, позабытую Христом Русь, лишь бликом в окне автомобиля. Юрий не знал точных цифр, что могли бы привести его к Кунгелъву, и это по-настоящему его

зливо. Он перестроился из второго ряда в первый и ловил глазами каждый указатель, каждый информационный щит, надеясь увидеть там заветное сочетание букв и рассуждая про себя: «Что, если всё это окажется одним большим мифом?»

Он сидел за рулём мрачный, нахохлившийся, как ворон под дождём. Ожил телефон – староста одного из классов звонила узнать, не уволился ли он (кто-то из ребят оказался вчера поблизости и подслушал их разговор с Василиной Васильевной). Но то, что подопечные помнят о нём и волнуются, не принесло в его сердце радости.

Казалось, что Алёнка спит мертвецким сном, как сошедший на берег матрос после двух лет в плавания, но, повернув голову, Хорь каждый раз видел, что это не так. Она смотрела в окно, жевала кофейные таблетки или читала, включив лампу у двери и бесшумно переворачивая страницы; от неё не исходило тепла – совсем как от камня. Хотелось протянуть руку и потрогать лоб, но отчего-то Юра не решался это сделать. Лицо её чернело и съеживалось к вечеру, словно кто-то подносил зажигалку всё ближе к плотной бумаге.

Они перекусывали в придорожных забегаловках в совершенном молчании или обмениваясь ничем не значащими фразами. Цыганки, бродящие между грузовиками, бросали на них подозрительные взгляды и не торопились приближаться; Юрий нервничал, Алёна же их вовсе не замечала. Когда наконец срывались в путь – по обоюдному согласию они решили, что будут двигаться без остановки на ночлег, – Юра вспоминал Алёнку, которая танцевала с ним ночью медленный танец, и раз за разом находил рядом с собой совершенно другую женщину.

– Не хочешь немного поспать? – почти враждебно спросил он.

– Кажется, мы с ним окончательно рассорились, – отвечала она. – Со сном. Странно. Он усвистал и больше не появляется. Значит ли это, что кто-то теперь спит в два раза больше?

Вдоль дороги зажглись огни. Они терялись на изнанке простыни, в которую так хотелось зарыться лицом и перестать беспокоиться и гадать, чем окончится их поездка. Безымянные срубовые домики казались кусочками тростникового сахара, раскиданными чьей-то неловкой рукой по поверхности стола. В жилищах горел свет, и Юра спрашивал себя: «Как эти люди могут оставаться всю жизнь на одном месте, глотая дорожную пыль из-под колёс тех, кто едет в такую даль? Как они подавляют в себе этот зуд?». Ощущение, будто ты не участвуешь в гонке, к которой готовился всю жизнь, что ты – старик в инвалидном кресле, а воздушный хвост от проносящихся болидов спутывает твои длинные волосы раз за разом всё сильнее, и ворчащей, как обычно, дочери придётся провести добрых полчаса, чтобы их расчесать.

– Слушай, – Хорь тронул жену за локоть. Произнёс это довольно тихо, и дотронулся едва-едва, но она, конечно, не спала. – Помнишь, вчера ночью ты рассказывала про лестницу?

– Помню.

Она смотрела на мелькающие за стеклом огни, словно видя в них текущее в обратную сторону время.

– Расскажи, что было потом. Почему ты никогда об этом со мной не говорила? Как выкарабкалась?

Пожатие плечами. Быть может, не говорила, будучи уверена, что ты не в состоянии понять? Потому что у нас нет того, что романтики называют родством душ? Потому что пытаться передать такие вещи словами – всё равно, что пытаться пересказать мимолётную грусть, пронзившую сердце, когда проходишь мимо высохшей берёзы, которая была совсем юной и зелёной, когда ты ребёнком носился по двору и клеил на заборах фантики от жвачки?

Юрий почувствовал этот возможный внутренний монолог: он с равными шансами мог происходить и не происходить в Алёнкином сознании. Он сказал, нарочно копируя нагло-задорную интонацию, которой девчонка с чуть-чуть азиатской внешностью, студентка, только-только поступившая в архитектурный (в то время как он заканчивал учёбу в педагогическом) когда-то смогла влюбить его в себя:

– Я за рулём, подруга, а для того, кто за рулём во всех цивилизованных странах принято делать всё, чтобы он не заснул. Особенно, если ты не королева Британская. Ты, вроде, не похожа... а это жаль, на самом-то деле. Она же добрая. Она бы обязательно рассказала историю-другую об этих надутых аристократах и их маленьких тайнах.

Алёна смотрела на него добрых десять секунд: она могла ожидать подобной болтливости от себя самой, но никак не от мужа, всегда спокойного как удав. Неуверенно хмыкнула. Юрий был рад и такому звуку. Похоже на первый удар изнутри яйца, из которого может родиться смех.

– Я провалялась в больнице почти неделю. Это оказалось большой удачей, потому что даже если бы я не получила серьёзных ушибов, всё на что я была годна – лежать ничком и рыдать в подушку. Родители думали, что мне больно, и закатывали врачу грандиозные скандалы. Ну, это в первые дни... потом слёзы иссякли, и у меня волей-неволей появилась возможность размышлять. Я не могла больше убегать. У моей фантазии, видно, ножной привод: пока я срезала дорогу через поля, лазала по деревьям и кидалась яблоками, она выдавала очень реалистичные картинки. Но в тот момент, когда я осталась наедине со стенами палаты и давно прочитанными книжками, я вынуждена была сказать себе: да, я здесь живу. Может быть, тайны и чудеса в этом мире тоже существуют, только их нужно очистить от шелухи в виде всякого рода гадалок и балаганных фокусников, от того, что с помпой вещают по телевизору про приведений, инопланетян и загадочные явления, и если так, то я непременно найду их. Кажется, так я себе сказала. Может, не так красиво, но всё же.

Юрий был рад, что ему удалось её разговорить. Чтобы это отпраздновать, он открыл упаковку готовых бутербродов, купленную накануне. Предложил жене, но та покачала головой.

– Когда я встала на ноги, у меня уже был готов план. Это всё школа, которую ты так любишь. Школа, про которую все говорят: если ты не пройдёшь этот ад и не выйдешь оттуда с отметками хотя бы «удовлетворительно», вся твоя жизнь пойдёт наперекосяк, – она откинулась на сиденье и смотрела на потолок, будто ожидая, что он вот-вот станет прозрачным. – Мои воздушные замки растаяли, и я решила, что первой мишенью, в которой я должна выбить «десятку», должна стать школа.

– Попробовать выкрутить руки системе образования? – уважительно присвистнув, спросил Юрий. Он знал, что в голове жены иногда бродят поистине наполеоновские идеи.

– Нет, что ты, – сказала она без улыбки. – Я была всего лишь маленькой девочкой. Но достаточно взрослой для того, чтобы знать, что чтобы посмеяться над горой, нужно сначала забраться на её вершину. Я приложила колоссальные усилия, чтобы стать лучшей ученицей класса, а затем, уже в средней школе, выиграть подряд несколько олимпиад.

Юрий захохотал.

– Что ещё я о тебе не знаю? Нет, на самом деле очень символично, что я выбрал жену, как настоящий учитель, даже не изучая её дневника.

Алёна оторвалась от созерцания потолка и кисло посмотрела на мужа. Потянулась через рычаг переключения скоростей, чтобы стряхнуть крошки с его колен.

– Это не имеет значения. Там, наверно, ничегошеньки не было. Только прекрасный вид на соседские горы, ещё монстроузнее, ещё огромнее. Страх божий. Однажды я подумала, что при рождении угодила немного не в ту вселенную, и эта мысль не даёт мне покоя до сих пор.

3.

Больше за вечер она не произнесла ни слова, да и Юрий не знал что сказать. Они проехали Зеленогорск, затем поворот на Выборг и ещё пару посёлков городского типа, названия которых миновали голову водителя как проходящие поезда. Иногда по стёклам начинал стучал дождь, а у горизонта грохотал гром, освещая всю округу вспышками молний. И тогда деревья были похожи на бегущих людей, в отчаянии хватающихся друг за друга, пытающихся укрыться от

неведомой опасности. Юрий подумал, что неплохо было бы отдохнуть, но не допускал и мысли, чтобы посадить за руль жену. Её лицо затянуло тёмной вуалью. Пытаясь схватить глазами до боли знакомые складки у рта, форму губ, блеск передних зубов в тот момент, когда розовый язык проходится по ним, мужчина понимал, что она больна.

Он отобрал у неё кофейные таблетки и смаковал их, словно мятные леденцы, запивая колой.

Около двух часов ночи «Хёндай» на минуту замедлил свой бег, чтобы посадить двух автостопщиков, парня и девушку, которые дежурили у дороги, мужественно держа над головой один на двоих полиэтиленовый пакет. Хорь никогда бы не назвал себя альтруистом, но ребята не выглядели кем-то, кто может организовать разбойное нападение на дороге – скорее, воробьями, которые совершили побег из воробьиного рая только потому, что там невыразимо скучно, выбрав для этого самый неудачный день. Они ввалились в салон, хохоча и пихая друг друга, обдали сидящих впереди настоящим веером брызг. Каждому не больше двадцати лет, на лицах лихорадочный румянец, будто в ожидании попутной машины эти двое только и занимались тем, что растирали друг другу щёки. Из вещей по рюкзаку да наспех скатанная палатка.

– Спасибо! – вопили они, перебивая друг друга. – Спасибо!

– Куда вам, уважаемые господа? – спросил Юрий тоном потомственного кучера и надавил на клаксон. Ребята взвыли от восторга.

– Нам по этой дороге – прямо, – сказал парень, утирая текущие из носа сопли. – А дальше неважно. Мы знаете, что хотим? Проскочить границу, чтобы никто нас не увидел, и разбить палатку на площади большого города. Что там поблизости? Хельсинки? Таллин? Да плевать! Вас как зовут? Меня – Гоша, а это Молли.

– Молли? – переспросил Юрий.

Ребята одновременно состроили загадочные лица (у них очень хорошо это получилось), и Хорь сдался:

– Очень плохая идея, ловить машину ночью и в такую погоду. Любой встречный может принять вас за порождения своего больного разума или за парочку оленей, переходящих дорогу, но никак не за юных путешественников. Сколько вы стояли?

– Около полутора часов, – ответила девушка. Очень миниатюрная, с выразительным, не слишком красивым, но запоминающимся лицом; мокрые волосы иглами торчали во все стороны. – У нас не раскрылась палатка.

Они переглянулись и прыснули. Юрий улыбнулся и скосил глаза на жену. Она не спала; разглядывала гостей в зеркало заднего вида. В первую очередь, конечно, эти двое здесь для Алёнки. Она обожает таких людей. Ну, то есть обожала совсем недавно. Неделию назад она бы уже болтала с ними как с родными, а Юрию оставалось спокойно вести машину. На этот раз она осталась равнодушной.

Разозлившись на неё и на себя за то, что такая простая приманка не сработала, Юра сказал довольно резко:

– Это не ваша палатка, верно?

Ребята перестали улыбаться. Глядя в их настороженные глаза, Юрий продолжил:

– Иначе вы бы умели ею пользоваться.

Гоша сказал, тщательно подбирая слова:

– Нам просто не положили центрального шеста для каркаса. Знаете, без него палатка превращается в дождевик на толстячка из «Остаться в живых».

Теперь улыбнулся Юра. Видя блеснувшие в зеркале заднего вида зубы, ребята тоже расслабились. Гоша серьёзно сказал:

– Спасибо вам что остановились. Люди путешествующие в одиночку обычно остерегаются таких как мы.

Молли стянула куртку и тщательно вытирала ею свои волосы. Потом прибавила довольно пренебрежительно:

– Они думают, что оставаться людьми можно только в одном случае: если ты каждое утро начинаешь с «новостей на первом» или кулинарной передачи, если ты здороваешься в подъезде с соседями и если выезжаешь из родного города от силы пару раз в год. А все остальные, видимо, медленно деградируют до лесных чудовищ. Таких, знаете, поросших мхом и с длинными когтями.

Она бросила взгляд на свои ногти, ахнула и достала из поясной сумки маникюрный набор.

– Ничего не имею против такого взгляда на жизнь, – сказал Юрий.

– Правда? – парень, хитро прищурившись, разглядывал затылок водителя, – мама учила меня не принимать во внимание всё, что идёт до местоимения «но».

– Междометья. Но. Если ты настаиваешь, я скажу, что сейчас начало учебного года и не лучшее время для таких поездок (кто бы говорил, – тут же прибавил про себя Юра). Вы учитесь?

Ребята одновременно пожали плечами.

– Я, типа, от армии кошу, – сказал Гоша.

– А я на первом курсе юридического, – Молли засмеялась. – Родаки пристроили. Не представляю, для чего мне эта мура. Я планирую побывать на занятиях, наверное, раза четыре. По одному на каждый зимний месяц, и один раз в мае, чтобы сказать...

Они взялись за руки, как герои диснеевского мультфильма, и закончили хором:

– Сайонара!

Юрий подготовил уже нравоучительную тираду по поводу важности знаний в дальнейшей жизни (по здравому размышлению он сказал бы себе, что дети могли бы, глядя на его лицо в зеркало заднего вида, так же хором пересказать её содержание), которая начиналась с фразы «когда я был молодым», когда рука Алёнки преодолела расстояние между сиденьями и коснулась колена мужа.

– У нас осталась вода? – чуть слышно, почти одними губами спросила она.

Хорь покачал головой.

– Закончилась. При первой же возможности остановимся, чтобы обновить запас. – Он не сразу обратил внимание на парочку на заднем сидении. Их лица одновременно побелели. В зеркале заднего вида линия чёлки на лбу девушки показалась Юре ровным, почти хирургическим разрезом.

– Кто это там у вас? – едва слышно спросила Молли.

– Что? – учитель убавил радио. – А, это? Это моя жена, Алёна. Меня, кстати, зовут Юрой.

– Очень приятно, – пробормотал парень. Со своего положения за спиной водителя он мог видеть фигуру на переднем сидении пассажира и задавал себе вопрос, почему до этого её не замечал. Казалось, что на кочках и неровностях дороги она начинает подрагивать и рябить картинкой в телевизоре с неустойчивым сигналом.

Ошибочно отнеся повисшее в воздухе напряжённое молчание на счёт своего брзжания, Юрий сказал миролюбиво:

– Мы едем на север. Городок под названием Кунгельв. Слышали о таком? Можете прокатиться с нами. Ты же не против, дорогая? У меня есть мнение по поводу того, чем должна заниматься в это время года молодёжь, но я ведь могу держать его за зубами, правда? – он кивнул сам себе. – Уверен, что могу. Видите ли, я работаю с детьми, и Алёнка говорит, что я, забываясь, приношу работу с собой в карманах.

Он засмеялся, а потом, обескураженный тем, что Алёна всё глубже уходит в себя, как хозяйка старого викторианского дома, чопорная леди, что вышла к гостям в исподнем и начала

декламировать Евангелие, замолчал. Молли и Гоша взялись за руки; девушка при этом до онемения сжимала ручку двери.

Позже, на рассвете, когда молодые люди выберутся из машины в какой-то сырой деревушке о пяти домах, где Юрий остановится чтобы набрать в колонке воды (среди облаков робко показалось солнце, на редкость цыплячьего цвета, будто успело за ночь помереть и народиться заново), Молли скажет своему другу:

– Этот тип что, вёз тело своей жены?

– Ну почему тело, – промямлил Гоша. Он всё ещё смотрел вперёд, надеясь заглянуть за поворот дороги и увидеть там стелящийся по асфальту дым из выхлопной трубы «Хёндая», мешающийся по краям дороги с утренней дымкой. – Ты же видела, она двигалась.

– «Ты же видела, она двигалась», – передразнила девчонка, обняв себя за плечи. Убеждённо сказала: – Это были верёвки, вот что. Верёвки, за которые дёргал он. На случай если они въедут в город или им встретятся мусора. Он прекрасно знал, что я его раскусила. Смеялся надо мной, когда заставил её коснуться своего колена, понял?

Парень с сомнением сложил трубочкой губы. Молли, конечно, наблюдалась у психиатра и сбежала от чокнутого отчима, который хотел её изнасиловать, но всё же частенько подмечала вещи, которые обычные люди пропускали сквозь себя, как сито пропускает воду. Она всегда заранее могла сказать, стоит садиться в ту или иную машину, или нет. Что ж, если то, что она говорит, правда, похоже, эта её сверхъестественная наблюдательность дала сбой.

Но он в это не верил.

– Конечно, с той женщиной всё в порядке, – сказал он, прихлопнув на шее комара и подумав при этом: «Придётся привыкать, они теперь в глуши, стоит пройти сотню шагов в любую сторону, углубиться в лес, и обнаружишь себя по уши в тайге; кусачие насекомые здесь – обычное явление; так же как и заблудившиеся, пропащие души».

– Может, она чем-то болеет, но живая.

Он огляделся, потянулся с удовольствием, думая, что они сделали правильно, что не поехали с этими людьми дальше. Отошёл в сторону, чтобы помочиться. Бессонная ночь давала о себе знать крошечным метрономом, стучащим где-то в лобной доле. Срубовые дома стояли мокрые и нахохлившиеся, как куры, сложно было сказать, обитаемы они или давно заброшены. Сосны скребли небо, пытаясь очистить его от копоти и грязи ночной грозы.

Гоша обернулся, услышав странные звуки. Молли сидела на обочине дороги, вытянув ноги и явив взору облепленные грязью подошвы кед. Она держалась за горло и кашляла. Когда он подбежал, на ходу сам не зная для чего засучив рукава куртки, девушка подняла на него страдальческий взгляд и сказала:

– Этот подонок... он накинул мне на шею удавку.

Она оттянула двумя пальцами воротник, но Гоша не увидел ничего, кроме нескольких родимых пятен, знакомых ему, как собственные пальцы. Они с Молли были вместе уже почти шесть лет.

– Боже, как тянет, – прошептала она. – Он говорил: Кунгельв. Это страшное слово, противное место. Он хочет утянуть меня за собой туда, как лошадь. Он...

Или она? Или, возможно, сам город, с непривычным для уха русского человека названием?

Молли откинулась навзничь, ударившись головой. Ей казалось, что кто-то тащит её, как упирающуюся собачонку, что голова то и дело попадает в ухабы, а волосы намокают и тяжелеют, всё больше напоминая канат корабля, борющегося со штормом. Гоша завопил: «Помогите!», и этот крик эхом отозвался в пустых деревянных коробках, вибрируя в пружинах кроватей, ставших последним пристанищем для стариков, доживших здесь свой век почти десятилетие назад.

Блог на livejournal.com. 16 апреля, 04:50. Светает.

...Я наконец-то нашёл в себе силы взять под мышку подушку и отправиться в долгое путешествие обратно к ванной комнате. Вопли прекратились, теперь это было хныканье и невразумительное чавканье. Приближаясь к двери, я подумал, что, возможно, увижу свою раковину на потолке, цепляющуюся паучьими лапами за лампу.

Это совершенно другой мир, – помню, подумал я, берясь за дверную ручку, неожиданно тёплую, – и мне нужно здесь как-то выживать.

Всё на своих местах. Сливное отверстие ещё шевелится, хотя теперь движение едва заметно: можно подумать, что это подрагивает какая-то жилка у меня в глазу. Не похоже, что она готова была меня съесть. Подушку я держал над головой, точно большой белый камень.

«Эй, – прошептал я, – Что ты такое? Ты меня понимаешь?».

Уста сливного отверстия сомкнулись и разомкнулись, как у человека, который мучается от жажды. Во влажной темноте я увидел движение чего-то красного, будто там, дразня мой и без того почти сумасшедший взгляд, пробежала вереница рыжих тараканов.

Я опустил подушку и плотно прижал её к отверстию, с облегчением услышав, что звуки захлебнулись. Фаянс был тёплый и противный на ощупь. Зеркало запотело, словно в ванну кто-то набрал горячей воды. Я смутно мог наблюдать свой силуэт – почему-то я был рад, что не вижу, во что превратился за эти несколько дней. Да, я всё ещё могу внятно излагать мысли, но, как говорил один философ, исповедуя внутреннее, забудь обо всём внешнем. Ванна, слава богу, выглядела как обычно – если бы она ломанулась на своих звериных ногах от меня по коридору, я бы, наверное, шлёпнулся в обморок.

Я прижимал подушку к отверстию ещё три или четыре минуты – достаточно, чтобы человек перестал подавать признаки жизни. Раковина их не подавала. Впору почувствовать себя идиотом. Тем не менее я не терял бдительности. Оставив подушку на месте, я попытлся к выходу, а выскочив за дверь, захлопнул её и подпёр снаружи стулом. Ванная комната теперь ИХ территория.

Кем бы они ни были...

4.

В двенадцать часов этого же дня Юра заглушил мотор. Со вздохом склонившись к рулю, забарабанил по нему пальцами. Всё тело ныло, боль – заблудившаяся в лесу девчонка – бродила по нему от икр ног к мышцам шеи, и обратно; её шаги гулко отдавались в животе.

За всё время после того, как высадили Гошу и Молли, они останавливались всего несколько раз – и только один на довольно продолжительное время: Хорь не смог вспомнить, во сколько это случилось, хоть точно помнил, как смотрел на часы.

Передышку сделали у одноэтажной замызанной гостиницы, возле которой своеобразным рекламным щитом и напоминанием о бренности бытия громоздилась покорёженная кабина от КаМАЗа. По парковке катались скомканые бумажки, полиэтиленовые пакеты и пластиковые бутылки, от надписи над дверью «Душ, постель» веяло какой-то заплесневелой безысходностью.

– Переночуем здесь, – сказал Юрий жене, хотя ночь уже давно миновала. – Не знаю как тебе, а мне нужно хотя бы два часа поспать.

– Я могу сесть за руль, – невозмутимо сказала Алёна.

– Ты не смыкала глаз ни на минуту, – Юра показал пальцами на свои глаза, потом на её. – Уж я-то видел! Скажи, милая, неужели ты думала, что я увезу тебя в другую сторону? Куда-нибудь *за край мира*?

На её лице промелькнуло смущение.

– Конечно, нет. Мы едем в отпуск, правда? А отпуск мы проведем в маленьком уютном городке, как на тех старых брошюрах. Кстати, хотела бы я подержать хоть одну в руках. В детстве я обожала запах старых газет и особенно советских рекламных проспектов.

– Ты в порядке? – спросил Юра, приблизив своё лицо к её. За сеточкой набрякших морщинок в глазах пульсировала темнота.

– Конечно, я в порядке. Просто бессонница. Мы же в дороге! Какой тут спать? Мне кажется, я свалюсь, как мёртвая, когда мы приедем. Но не раньше.

Юрий пообещал себе после короткого отдыха наверстать упущенное время, увеличив скорость. Впервые за всю поездку ему пришла в голову мысль, что, возможно, по возвращении стоит и отвести жену к врачу. Возможно, подумай он об этом раньше, он бы так и поступил, но не теперь. Разворачиваться и ехать назад?.. Юра боялся, что Алёна сойдёт с ума, что она выскочит из машины, когда он замедлит ход, и исчезнет. Здесь, в глуши, из специалистов можно рассчитывать только на всякого рода шаманов да бабок-повитух.

Алёна вдруг положила свою ладонь ему на затылок и прижалась к его лбу своим. Юра почувствовал запах... чтобы расшифровать его, понадобилось время, но то, что он в конце концов понял, серьёзно напугало его. Это запах, что появляется, когда молодое дерево, которое пытается укорениться в болотистой почве, теряет весь свой задор и начинает гнить заживо. Запах, тень которого чувствуешь в самом конце осени, в тот момент, когда от неба отделяется и начинает падать снег, что останется лежать до весны.

Алёнка тем временем говорила:

– Мой принц, тебе, конечно, нужно отдохнуть. Я буду рядом. Я дочитала эту книгу, но может, у них найдётся какое-нибудь чтиво.

Хозяйка отеля оказалась женщиной с тусклым взглядом человека, который точно знает, что весь мир ограничивается пяталчком перед его домом. Полная, с тяжёлыми бровями, она долго не открывала, украдкой разглядывая их через немытое стекло слева от входа (Юра прекрасно видел шевеление занавески, но не подавал вида).

Комнатушка, куда их поселили, была грязной, с мёртвыми мошками на подоконнике и огромным бестолковым комаром, что вился вокруг лампы без абажура. Мужчина отбросил надежду найти в продаже что-нибудь приятное желудку, доел половину последнего бутерброда, чуть не силой заставив жену проглотить другую, и прямо в одежде улёгся спать. Почти неосознанно он оставил ключи от машины при себе, крепко сжав их в кулаке и убрав его в сейф подушки. Но все два часа ему снилось, как Алёна уходит от по разбитому асфальту, как грузовики обгоняют её, отчаянно сигналиа, а учитель, силясь открыть рот и закричать, не может этого сделать, скованный ватной усталостью. Когда он проснулся, Алёна была рядом – как и обещала.

– Мы правильно едем в Кунгельв? – спросил Юра хозяйку, расплачиваясь за гостиницу.

– Понятия не имею где это.

Они останавливались ещё несколько раз, чтобы спросить дорогу и перекусить в придорожных кафе, пока наконец не проехали под облезлым щитом, который обещал двадцать пять километров до границы и таможни, а также информировал о возможности посетить краеведческий музей в городе Маркс. Супруги одновременно с облегчением вздохнули. Юрий даже закашлялся: воздух здесь, вдали от цивилизации, был свежим, влажным и каким-то убаюкивающим, будто кто-то большой и пахнувший сосновыми иголками выдыхает его тебе прямо в лёгкие, ошибочно приняв серую, задавленную буднями тушку за умирающего.

– Маркс, это же... – сказала Алёнка.

Юра кивнул. Как следовало из электронного дневника, именем великого идеолога коммунизма Кунгельв нарекали при советской власти.

Хорь дотронулся до запястья супруги, радуясь, что она немного ожила.

Через два часа езды по разбитым дорогам путешественники наконец увидели ржавые исполинские буквы – (кажется, когда-то они были выкрашены в цвет благородного металла). «Маркс» – было написано здесь. И ниже, гораздо более мелким шрифтом – «Кунгельв, 1694». Над всем этим – огромный щит с изображением ели, простирающей ветви над водной гладью, установленный, видно, значительно позднее. Проехав этот монумент времён советской власти и остановившись, чтобы сделать на валявшуюся в бардачке «мыльницу» пару фотографий, Хорь увидел, что за щитом скрываются рыжие, под стать буквам, серп и молот.

Время будто приостановило здесь свой бег. Оно со спокойным превосходством взидало на новое название – как на ругательное слово, составленное из кубиков ребёнком.

– Смотри, Юра, – прошептала Алёнка после того, как они одолели ещё полкилометра. Она припала к окну, как маленькая девочка. – Озеро! Это же то самое озеро.

Водная гладь походила на столовую ложку, полную ртути.

Водоём обладал удивительно правильными очертаниями, разве что дальний берег, подёрнутый туманом, не торопился предстать взгляду целиком, но Юрий отчего-то был уверен, что он такой же ровный, как и этот. Ему пришло в голову, что, возможно, когда-то здесь образовалась карстовая воронка, которая потом заполнилась водой из подземных источников. Но... воронка таких размеров! Удивительно вдвойне, если учесть, что местность здесь совсем не гористая и не подвержена движению земных пластов.

– Надо будет заглянуть в местный краеведческий музей, если, конечно, он здесь есть, – сказал себе Юрий, продолжая изучать местность и поглядывая на дорогу, пустынную, словно все, кто имел в своём распоряжении четыре или два колеса, уехали отсюда на поиски лучшей жизни.

Вдоль берега ютились деревянные постройки – они цеплялись за твёрдую землю тонкими ногами, как пауки, при этом дальние сваи были погружены в воду. Мошкара облачками вилась над рыбацкими лодками. Берега были отмечены полосой иссиня-черного леса; Алёна вдруг очень ясно представила, как к вечеру оттуда срываются одна за другой стаи ворон и кружат над водой, издавая призывные крики. Ни намёка на набережную, бетонные кандалы, в которые так любят заковывать естественные водоёмы провинциальные градоначальники. Воды были настолько спокойны, что, казалось, любое усилие способно пустить по ним трещину.

Юра остановился на обочине, чувствуя, что выжат как лимон. В голове шумело. Пахло водорослями, размокшей древесиной, болотом и солёной рыбой: её кто-то продавал, установив в двадцати метрах дальше по дороге каркас из веток. Самого продавца не было видно; его заменял большой ценник (окуни шли очень дёшево по городским меркам, а сомы – и того дешевле) и пластиковый таз, в который полагалось складывать деньги, прижимая их от ветра камнем. Владелец бизнеса, похоже, целыми днями торчал посреди озера и появлялся только по вечерам, чтобы забрать деньги и обновить ассортимент.

Юра увидел босого мальчишку, который, неся в руке сандалии, шёл по другой стороне дороги. Махнув рукой, он вылез из машины.

– Эй, привет!

– Здравсьте, – беззаботно ответил парнишка.

На вид ему около десяти лет. В обрезанных до колен, несмотря на прохладную погоду, джинсах, в растянутой кофте с длинным рукавом. Нестриженные светлые вихры свободно падали на переносицу. В одной руке он сжимал сразу два велосипедных колеса, с которых капала вода.

– Не подскажешь, как отсюда в город проехать?

Мальчишка разглядывал их, приложив ко лбу козырьком ладонь, хотя солнце пряталось за облаками. Во рту у него ходила ходуном травинка. На той стороне улицы тоже были какие-то деревянные строения, больше похожие на склады или бараки, одна их сторона неизменно тонула в колючем кустарнике. Ягоды шиповника краснели среди ярко-коричневой листвы, а

где-то нет-нет, да и проглядывала гроздь красной смородины. Дальше – метрах в восьмистах, насколько позволял оценить глаз, – чернели городские строения.

– Вы ведь только приехали, да?

– Точно! Меня зовут Юрой, а это моя жена, Алёна.

– Есть короткая дорога в центр. По основной трассе надо было проехать между двумя зелёными столбами, а вы свернули на грунтовку. Ну и кругалая же вы дали, дядь Юра!

Юрий помнил эти столбы; дорога меж ними выглядела старой и заброшенной.

– Что поделать, – он улыбнулся, чувствуя, как дёсны, которые он расцарапал сосательными конфетами «для водителей», начинают кровоточить. – Так отсюда можно проехать в город? Нам нужна гостиница... или, может, домик у озера? Так будет даже лучше.

Мальчишка оглянулся. Откуда-то с мяуканьем прибежали две кошки, и он, опустившись на корточки, потрепал их по головам. Алёнку что-то заинтересовало, она любопытно выставила лицо из окна машины, но по-прежнему не произносила ни слова. Выглядела она неважно, но всё же лучше, чем несколько часов назад.

– Нет, дом – без вариантов, – сказал мальчик. – Здесь кто живёт? Рыбаки да старухи, которые сети чинят. Смотрите, как меня вчера комары покусали!

Засучив рукава, он показал локти, и даже на расстоянии Юрий смог заценить красную сыпь на коже.

– У меня отец рыбак, – с удовольствием сказал мальчик. – А вы, городские, так не сможете. Езжайте вот по этой дороге, а на первом повороте свернёте направо. Въедете в город. Там вам любой подскажет, гостиница у нас всего одна, – он улыбнулся. – Я бы проводил, да по мне видно, что я не городской. Поколотят ещё. Только у местных мальчишек не спрашивайте. Они все злющие, как бешеные лисы.

Он отпихнул от себя морду наглой рыжей кошки, закинул на плечо колёса (они уже успели запылиться) и, махнув рукой, зашагал дальше. Потом вдруг остановился – Юрий как раз садился в машину. Повернулся и рысцой подбежал к ним. Стукнул кулаком по багажнику, привлекая к себе внимание, и громким, свистящим шёпотом сказал:

– Эй, дядь! Слышите меня? Вы это, ухо остро держите.

– Из-за городских мальчишек? – спросил Юрий.

– К чёрту мальчишек... хотя они тоже не сахар. Ваша жена, тётя Алёна, она... – он помолчал, переминаясь с ноги на ногу, а потом выпалил: – Глаз с неё не спускайте! Хорошо? Здесь, бывает, пропадают люди. Приезжие. Или случается что-то страшное, но все держат языки за зубами. И я буду. Потому что иначе...

Он оборвал себя, характерным жестом застегнув на замок рот, повернулся и побежал прочь. Юрий хотел его окликнуть, но глядя, как мелькают икры ног, как бьются в бок надоедливые покрывки, промолчал.

– Ты слышала? – спросил он, не глядя на жену. – Мне велено глаз с тебя не спускать.

– Да нет, я уже в порядке, – сказала Алёнка, рассеянно дёргая себя за мочку уха – один из «фирменных» её жестов, как бы говорящих: «Я тебя не слышу – я целиком на своей волне». – Я и правда была сама не своя. Но знаешь, что-то начало происходить. Словно кто-то рисовал всё это время мой портрет, и сейчас только поставил заключительные штрихи.

Блог на livejournal.com. 17 апреля, 00:09. Путешествие в ванную, и разные мысли.

...Сижу, смотрю в окно. Раньше я не знал, что такое меланхолия, теперь же могу по праву считаться доктором меланхолических наук. Когда хочется посмотреть на людей, крадусь к дверному глазку и, затаив дыхание, караюлю соседей (только потом понимаю что это глупо; меня ведь всё равно никто не слышит). Больше не колочусь о дверь, как пойманный в капкан зверёк; но когда кто-то проходит, неосознанно хватаюсь за ручку.

Хоть бы одним глазком взглянуть, что там, в ванной. Пытался спать, но пять или шесть раз пробуждался от видения: что-то багровое мелькает там, под решёткой слива. Вроде языка, или...

Свои естественные надобности я справляю теперь в раковину на кухне – по крайней мере, те, что поменьше, – а большие, кажется, с некоторых пор просто разлагаются до полного исчезновения в моём организме.

«Как тебе это нравится?» – спрашиваю я Чипсу, сам не понимая, что всё-таки имею ввиду.

Пока я бродил по квартире, кое-что из знакомых вещей пропало. Например, стул с резной спинкой. С круглого книжного столика исчез будильник, несколько книг валяется под ногами, словно подстреленные дробью птицы. Может быть, это я их скинул. Не помню. Зато точно помню, что я не курил уже много дней. Так откуда же берутся эти кучки пепла, словно кто-то неслышно крадётся за мной, смоля одну сигарету за другой, и, издевательски ухмыляясь, стряхивает пепел себе под ноги?

Таскаю с собой за пазухой длинный кухонный нож, обёрнутый для безопасности шарфом, и хватаюсь за оружие при любом, самом маленьком шуме.

Только теперь заметил, как оглушительна тишина без тиканья часов. Где же этот чёртов будильник?

...

О чём это я? Почему меня вдруг начала заботить такая ерунда? Единственное, что я по-настоящему хочу – выбраться отсюда, уехать прочь из этого дома, с этой улицы, из города, где всё равно меня ничего не держит. Да уж, самое время задать себе вопрос, для чего я жил здесь всё это время? Какие цели преследовал?

Ответов нет. Среди стен городских строений, облицованных пыльным камнем, мне становилось легче, все тревоги и бремя прошлой жизни уплывали вместе с грязной водой по стокам. Смешно! Я обсасываю эти мысли, как виноградные косточки, в то время как задуматься об этом надо было хотя бы несколькими неделями раньше.

Когда исчез последний звук, прочно связывающий меня с реальностью, стали возникать другие. Услышав в повседневной суе, их легко списать на ветерок, кота, соседей или возраст перекрытий. Например, где-то раздавались тихие, но явственные шлепки, будто кто-то лопает во рту ягоды крыжовника. Хотел бы я сказать, что это всё проказы Чипсы. Последнее время попугай почти перестал вылезать из своего логова. Часто я видел её спящей, с головой под крылом, и огромная тень, которую полуденное солнце рисовало на стене за клеткой, казалась безголовой.

После ломаной-переломанной полуденной дрёмы (по-настоящему уснуть так и не удалось) я заметил, что вторая и теперь единственная оставшаяся у меня подушка испачкана чем-то чёрным. Не кровь, как я сначала подумал – раньше у меня иногда кровил без видимой причины нос, – а как каменноугольная смола. От неё несло болотом и стоялой водой.

«Пойдём со мной, – попросил я своего попугая. – Страшно одному».

Чипса смотрела на меня сонными глазами. На дне клетки я нашёл несколько серых перьев, и одно красное, из хвоста. Период линьки у этих попугаев приходится на осень, сейчас ещё слишком рано. Похоже, Чипса сама вырвала себе перья. Я читал о подобных случаях: на сленге попугаеведов это называлось самоощипыванием.

«Тоже волнуешься? – спросил я. – Думаю, нам не помешала бы хоть одна победа. Знаешь, ожидание чего-то ужасного может оказывать на твоё сознание гораздо большее разрушительное воздействие, чем взаимодействие с пугающим объектом. Прочитал это в работах одного психиатра. Так что мы сейчас попробуем вернуть себе ванную».

Аккуратно посадил птицу на запястье, и мы отправились в странствие по коридору с вечно мигающей лампочкой. Каждую секунду я ожидал, что дверь тихо распахнётся, без труда

справившись с подпирающим ручку стулом, и то, что за ней прячется, ухмыльнётся мне в лицо беззубым чёрным ртом. Пустые страхи. Чипса повернулась на моей руке и раскрыла клюв, приготовившись зашипеть, а потом потянулась к контурному перу на левом крыле и сильно дёрнула его. Мне пришлось остановиться, чтобы положить конец самоистязаниям. Чипса ткнула меня за палец. Пошла кровь.

«Ты не заставишь меня разозлиться, – сказал я. – Ты, да я, да мы с тобой – вот и всё, что осталось. Какой смысл ругаться?»

Чипса нахохлилась, но прекратила попытки устроить аутодафе своим перьям. Я очень осторожно отодвинул стул и открыл дверь. Как и во сне, не зажигая света, зашёл внутрь. Подушка мирно лежала в раковине. Будто огромное паучье яйцо, вызревающее, ожидающее часа, чтобы выпустить на свет...

Так, хватит этих фантазий!

Я пересадил Чипсу на плечо. Взял подушку обеими руками – она казалась влажной, – аккуратно положил её на стиральную машинку. Чипса завертела головой, словно хотела мне сказать: «Ты ведь почти наверняка об этом пожалеешь».

Я просто хочу вернуть себе свою крепость, – ответил я про себя.

Сливное отверстие больше не сжималось, оно почернело и напоминало залитый кровью зрачок. Керамика покрылась сетью трещин, которые выглядели, точь-в-точь как морщины. Там, в трубе, что-то было, и оно привлекло внимание жако. Я выкрутил оба крана, но оно не исчезало. Раковина быстро наполнялась водой. «Чёрт-те-чё», – буркнул я, выключил воду и вышел из ванной.

И снова сейчас я бы вряд ли смог объяснить свой поступок. Не было ничего сложного в том, чтобы посмотреть. Всю жизнь я был достаточно любознательным. Всю жизнь... но не в эту минуту. Сейчас, размышляя об этом, я не понимаю, что на меня нашло. Но стоит только подумать о том, чтобы всё-таки включить в ванной свет, взять для верности фонарик и изучить нечто, застрявшее (или лучше сказать – угнездившееся?) в сливной трубе, как все мои члены деревенели и отказывались двигаться. Даже запах наводил на тревожные мысли. Он был скользким и каким-то... неземным. Ни на что не похожим. Единственное ощущение, которое он вызывал – ощущение горькой слюны на языке.

Чипса сидит на бортике цветочного горшка с алоэ и смотрит на меня как на человека, что, заснув на остановке, пропустил последний на сегодня автобус. И впереди только долгая, безлунная ночь...

5.

Спустя двадцать минут, немного поплутав, супруги добрались до гостиницы. Юра вытащил ключ из замка зажигания и сказал с удовлетворением: «Сегодня ты мне больше не понадобишься». Это было самое длинное путешествие, что молодому учителю приходилось проделать на автомобиле. Возможно, водители-дальнобойщики и ребята, которых он подвёз по пути, посмеялись бы и повертели перед его лицом своими квадратными задницами – Хорю было всё равно.

У города были большие ладони в латексных чёрных перчатках, которые он клал на плечи гостям, говоря обволакивающим грудным голосом: «Я рад вас здесь приветствовать». А если кто-то заикался о том, что он проездом и вообще ненадолго, мягко возражал: «Ну как же... я посылал вам открытки. И вот – вы здесь».

Ни у кого не находилось больше возражений. «Действительно, мы здесь, – думала Алёнка, пытаясь справиться с головокружением. – Просто чудо!»

У города была шляпа-цилиндр, слегка примятая от неосторожного обращения, но носимая с шармом. Поля этого цилиндра были застроены в классицизме, с карнизов второго и третьего этажей, и ещё выше – крыш – сверху вниз смотрели голуби. Кустарник за низкими,

часто деформированными оградами, казался неуёмно разросшимся и запущенным, но и в нём была какая-то завершённость: стоит раздвинуть ветви любого из них, и увидишь живое, бьющееся сердце. Как будто таинственные садовники, сами как тени, выходили по ночам на работы и, вплетая щёлканье садовых ножниц в чуткий сон горожан, приводили в порядок растительность, предавая положению ветвей лёгкую неряшливость. Эту растительность населяли воробы и коты. «Хрущёвки», которые раньше попадались по дороге, здесь не встречались совсем – они были бы не к месту. Хотя вряд ли Юрий мог назвать какое другое место, где они соответствовали бы людским чаяниям и надеждам.

Город состоял из десятка улиц и улочек, которые сближались под прямым углом друг к другу, а потом в какой-то момент (может быть, когда наблюдатель смаргивал случайную слезу или тёр покрасневшие от усталости и дорожной пыли глаза) начинали непредсказуемо переплетаться.

– Неплохо было бы взглянуть на его план, – сказал Юрий и купил в небольшой букинистической лавке путеводитель.

– Только прибыли? – спросил их продавец, представительный мужчина в старом, потрёпанном жилете. Воротник рубашки у него был замят, зато выражение лица, обрамлённое седыми бакенбардами, преисполнено такого благородства, что хотелось если не поклясться ему в верности, то по крайней мере спросить, далеко ли до его фамильного замка.

– Уже почти полчаса как, – сверившись с часами, ответил Юрий. – Не считая времени, проведённого у озера. Очень мило пообщались там с местным мальчонкой. Я ополоснул руки в воде.

Мужчина подмигнул; серые губы, обрамлённые неряшливой бородкой, растянулись в улыбке, открыв пожелтевшие от никотина зубы.

– Будьте начеку, всегда. Я не буду спрашивать, что привело вас в Кунгельв, без сомнения, это стоит дальней дороги и потраченного времени, но...

Он ткнул пальцем в раскрытый на городской карте путеводитель, лежащий на прилавке:

– Улицы здесь имеют свойство менять свои названия. Более того, они запросто могут поменяться друг с другом домами. Для нас, местных, такие фокусы составляют привычный ход вещей, но неподготовленного новичка могут напугать. Я тут не шутки шучу, я серьёзен, как сам господь бог. Всегда держите голову на плечах. Считайте, это дружеское напутствие.

Он засмеялся.

– Спасибо, – пробормотал Юрий. – У вас здесь что, что-то вроде Хогвартса?

Продавец нахмурил брови.

– Не представляю, о чём вы. У нас здесь тихий провинциальный городок с хорошей экологией и лечебными комарами, каждый приезжий в котором – крошечное, но всё же событие. Поэтому отдыхайте. Зачем бы вы не пожаловали, желаю приятного времяпрепровождения. И кстати, – палец его заскользил по карте к почти идеальному круглому синему пятну, – озеро испокон веков считалось частью города, пусть и кажется что это другой мир. Оно – наша гордость. Обязательно его осмотрите внимательней.

Поблагодарив продавца и выспросив дорогу к гостинице, Юрий поплёлся обратно. Усталость давала о себе знать.

– Там должен быть указан дом Валентина, – сказала Алёна, глядя на свёрнутый трубочкой журнал в руках мужа. Она выбралась из машины и, держась за дверь, оглядывалась по сторонам, втягивая носом воздух – ну точно хорёк, готовый при малейшей опасности юркнуть в нору (по крайней мере, кому-то фамилия Хорь подошла на все сто, – с удовлетворением подумал Юра). – Улица Заходящего Солнца, семнадцать, квартира девять. В домофон не звонить, он не работает.

– Мужчина в лавке хотел за этот прекрасный путеводитель две сотни, но мы сторговались на полторы, при условии, что сразу последуем советам из него и поедем отдыхать, – сказал

Юрий. – Я говорил ему, что нам очень важно найти парня из интернета, автора полоумного дневника, но он был непреклонен.

Алёна слабо улыбнулась. Что-то похожее на большую чёрную пиявку отлепилось от неё и вернуло возможность спокойно дышать. Юра почувствовал облегчение.

Расстояние до гостиницы на карте можно было закрыть подушечкой одного пальца. Они ехали медленно и глазели по сторонам. Людей немного, машин, едущих или стоящих во дворах – ещё меньше. Мальчишки, совсем не похожие на тех, кого описал их первый в этом городе знакомый, сидели возле парадных и играли в какую-то мудрёную игру с пластиковыми фишками. Люди в пыльных пальто останавливались на охраняющих пустые улицы светофорах, чтобы перекинуться парой слов. Бабульки, словно толстые ленивые наездки, выползали из дворов, сжимая под мышками раскладные столы и стулья, и рассаживались вдоль дороги, раскладывая семечки, жареный арахис и потрёпанные томики бульварных романов. Семечки! Юрий не видел такого с начала двухтысячных. Толстые коты отдыхали на перилах, ступенях и декоративных элементах домов. Жидкое небо было подёрнуто низкой облачностью. Воздух влажен и тяжёл, но местные жители, кажется, точно знали, что сегодня дождя можно не ждать: они вольготно расхаживали без зонтов.

Отель представлял собой большое здание в три этажа с почти готическим фасадом. Он располагался на углу двух улиц и напоминал по форме букву «Г». Во внутреннем дворе был небольшой сад с укромными, увитыми плющом беседками и с каналом со стоячей водой шириной всего в несколько шагов. Выгнувшие спины мосты напоминали разбитых ревматизмом, сгорбленных стариков; когда по ним кто-то проходил, от краёв отваливались и с гулким всплеском падали в воду мелкие камешки. Массивные двустворчатые двери со стороны улицы Витых Оград, там, где была парковка, открывались только при значительном усилии. Над ними висела почерневшая от времени вывеска, должно быть, когда-то она отливала медью, но сейчас буквы были зелёно-коричневого цвета. «ДИЛИЖАНС» – гласила вывеска. И ниже: «Нумера и еда».

На парковке – и это в некотором роде Юрия даже не удивило – было пусто. Только канализационные люки бахвалились затейливым литьём.

– Приветствую, – церемонно сказал метрдотель. По-другому этого импозантного, хоть и низенького седоусого пожилого мужчину называть не хотелось. Есть в местных жителях, не важно как высоко по карьерной лестнице они забрались, какая-то белая кость, – отметил для себя Юра. Он легко мог представить, как эти двое – метрдотель, который сейчас смотрел на них с терпеливым ожиданием, смешанным с чувством собственного превосходства, и продавец из букинистической лавки – могли запросто проводить вечера за приятной беседой, раскуривая трубки в гостиной одного из этих джентльменов.

– И вам здрасте, – сказал Юрий. – Надеюсь, у вас найдётся комната на двоих? Прошу прощения, что не позвонил и не забронировал номер, но я не догадывался, сколько у вас гостей.

Пересекая пустую парковку, он надеялся произнести эту фразу с сарказмом, но гостей действительно хватало. В фойе пили чай, где-то катали шары в бильярде. Хлопали окна, стукали половицы в коридорах. Они что, на автобусе все сюда приехали? – спрашивал себя Юра.

Чуть ожившая жена пихала его под бок, мол, «что ты лебезишь?» В обычное время она бы коршуном набросилась на портье, требуя комнату и еду, много еды. И доставить в номер багаж немедленно и осторожно, чтобы не разбились многочисленные, ненужные в путешествии, но приятные мелочи, вроде хрустальной фляжки, прикупленной за углом, или любимой солонки в виде поросёнка, которые непоседливые девушки берут с собой в путешествие.

– Ничего страшного, – оглядев гостей поверх позолоченных очков внимательными вороньими глазами, метрдотель раскрыл массивную книгу. На нём была безупречно отглаженная форма цвета свежей, брызжущей крови (Юру так и тянуло назвать её церемониальной) и красная крошечная шапочка без козырька, которая мистическим образом держалась на блестящей залысине. – Как вы, наверное, заметили, гостиница большая. Мы открыты с одна тысяча

девятьсот десятого года. Когда-то это была городская больница, построенная великим человеком, Ларсом Йохансеном в тысяча девятисотом году, но потом переехала в более современное здание. Нашему доходному дому достался настоящий замок, который за всю историю своего существования ни разу не заполнялся больше чем наполовину.

Он позволил себе улыбку, сверкнув золотым зубом.

– Так что я, если позволите, не буду предлагать вам номер с привидениями, а предложу один из восемнадцати других свободных.

Алёнка тихо засмеялась и захлопала в ладоши. Мужчина взял массивную затёртую ручку: с неё давно уже слезла вся позолота, осевшая на мозолистых, на вид неуклюжих, но удивительно ловких пальцах метрдотеля.

– Меня зовут Пётр. Почти как Пётр-первый, только я, конечно же, не он. Пётр Петрович. Я старший портье. Пожалуйста, ваши документы. У нас свободен прекрасный номер на втором этаже с видом во внутренний двор. Утром там включают фонтан, так что, если вас не раздражает звук плещущей воды, я запишу вас туда. По ночам и иногда днём меня замещает Лев – мальчонка старается, но если что не так, пожалуйста, сделайте скидку на его молодость. И уж конечно, говорите мне. Так... уверен, вы не сможете назвать дату выезда, поэтому оставляю в этой графе пустое место.

– Всего на пару дней, – вставил Юрий. Сначала он хотел сказать «на сутки», но, почувствовав внезапную слабость в ногах, решил смягчить условия. В школе вряд ли будут ждать его раньше следующей недели.

– Как пожелаете, – пожал плечами Пётр, тем не менее оставив строчку, в которой значилась дата выезда, пустой. Пока муж разглядывал лепнину на стене, Алёна, вытянув шею, заглянула за стойку и заметила, что из-за незаполненных строк раскрытая книга посетителей походит на шкуру тигра. Метрдотель встал с намерением проводить гостей до номера, но Юрий вежливо отказался, у него ключи.

– Мы не держим большого штата, – извиняясь, сказал Пётр Петрович. – Последний наш коридорный мальчишка, к несчастью, давно уже вырос и сейчас священник в храме святой Елены. Ему уже за сорок, подумать только!

Супруги оставили качающего головой старика возле стойки; в профиль его голова напоминала голову грифа, а стоячий воротничок словно состоял из перьев с острыми, как бритва, краями.

– Он говорит так, будто сам, лично был здесь сто пять лет назад и заполнял первые строки той огромной книги, – сказала Алёнка. Она поднималась по широкой лестнице, держась за перила. Юрий подумал, что нужно было бы вернуться за багажом в машину, но потом вспомнил, что болтающаяся у него на плече дорожная сумка и есть весь их багаж.

Коридор прямой, как полёт стрелы, свет из большого обзорного окна в конце его, там, где была небольшая гостиная с несколькими диванами и круглыми деревянными столиками, проникал в каждую щель; он заиграл на пряжке Юриного ремня уже когда они достигли верхней ступеньки.

В гостиной сидели люди, они помахали руками вновь прибывшим. Алёнка махнула в ответ. Их комната была за номером двадцать четыре, приблизительно в середине коридора, прямо под большой хрустальной люстрой на изгибающемся дугой потолке. Рядом с каждой дверью висели карандашные рисунки, изображающие природу или городские окрестности. Дверь открывалась наружу, краска на стене в том месте, которого касалась дверная ручка, обилась и осыпалась. По полу стелилась красная ковровая дорожка, считавшаяся в старых, особенно советского типа гостиницах пискom моды, в здешних интерьерах она смотрелась весьма органично.

Бегло оглядев номер, они вышли. Ноги сами понесли супругов в конец коридора. Юрий и Алёна были хорошим уловом для рыбаков, что сидели здесь; Хорю мерещилось, что он слышит, как жужжит, накручиваясь на барабан, леска.

– Доброго дня, – церемонно поздоровался он. Казалось, старинное здание вынимает из головы простые, всем понятные жаргонные словечки (вроде «хай», «трям» или «йо», которыми перебрасываются ученики старших классов; Юра был совсем не против от них избавиться), взамен складывая туда слова и выражения, от которых несёт едкой пылью. Не пылью пирамид, но всё же.

– Приятно видеть новые лица, – обнажив редкие зубы, сказала женщина в мешковатом костюме для бега. Рукава закатаны, открывая коричневые локти, а на груди белыми нитками вышита милая овечка в окружении крупных синих горошин. Она выглядела так, будто вышла сюда в восемь утра перекинуться парой слов с другими ранними пташками, да так и осталась, не в силах преодолеть притяжение мягкого кресла. Пятьдесят лет было для неё красным возрастом, но пышная кудрявая причёска, похожая на облако взбитых сливок, делала её старше. – Как там, в большом мире?

Юрий пожал плечами.

– Путин всё ещё президент.

Женщина подняла глаза к потолку.

– Этот милый мальчик казался таким робким по телевизору. Откуда вы?

– Из Питера.

Другая женщина, молодая и печальная, размешивающая ложкой эспрессо, вдруг встрепенулась:

– «Ладога!» Прогулочный кораблик. Ходит по Невскому, от речпорта до Васильевского. В девяносто восьмом там работал мой отец, – она говорила так, будто это было полтора года назад. – Не обращали внимания, возит ли он ещё туристов?

Алёна смущённо пожала плечами.

– Простите. Питер – огромный город.

– Но... – кажется, какая-то безумная мысль глодала женщину изнутри. Пустые глаза распахнулись, однако стоило кудрявой приветливой соседке положить ей руку на плечо, любительница кофе расслабилась и смущённо пробормотала: – Ну конечно. Мегаполис, да? Простите.

– Жаль, что не смогли помочь, – сказала Алёна.

Отвечая на вопросы, Юрий оглядывался, останавливая взгляд на каждом лице и вежливо кивая. Алёнка улыбалась, взяв мужа под локоть. Он видел двух мужчин, играющих в шахматы за одним из круглых столов, причём ладья в руке одного из них приближалась к вражеской королеве, но застыла на полдороге, когда они вошли. Его оппонент, тощий казах с тонкими губами – на вид ему могло быть как тридцать пять, так и глубоко за сорок, – глядя одним глазом на гостей, другим лихорадочно шарил по доске, гадая, как ему спасти положение. Чёрных на доске оставалось мало. Белыми играл толстый лысый мужчина, одетый с иголки в белую рубашку и пиджак, который явно был ему мал. Он был похож на посла какой-то далёкой, солнечной и доброй страны. Несколько человек, сидя на диванах напротив телевизора, повернули лица к Юрию и Алёне так, словно они были их любимыми артистами из сериала, продолжившегося после долгой рекламы. Было над всеми этими людьми что-то, что так же трудно описать, как объяснить родившемуся без ног человеку, как мы умудряемся не падать с этих долговязых, кривых костылей, ненадёжной точки опоры. Лица подёрнуты лёгкой дымкой. «Просто тень от дерева за окном», – сказал себе Юра, но тревожащее ощущение не отпускаяло.

Все они смотрели на супругов Хорей, будто ожидая какой-то безумной выходки. Или откровений, вроде тех, что, случись они две тысячи лет назад, достойны были занесения в одно из Евангелий.

– Вы, наверное, хотите знать, зачем мы сюда приехали? – спросил Юра, и тут же получил чувствительный тычок под рёбра от жены. Он и в самом деле не знал, зачем задал этот вопрос: его мучила почти физическая боль в затылке, хотелось сделать саму эту ситуацию, как-то неумовимо абсурдную, более естественной. Они спрашивали о чём угодно, но не о главном. О вещах, вопросы о которых молодой учитель сам себе ежечасно задавал.

Собравшиеся совершенно одинаковыми движениями покачали головами. У кого-то в глазах мелькнул страх. Юра не видел у кого. Лишь краем глаза уловил, как эта сильная эмоция, возникнув на одном из обращённых к ним лиц, метнулась через всю комнату и исчезла в тенях на потолке. Кончики пальцев покалывало, хотелось сунуть их, все сразу, в рот.

– Конечно, нет, – искренне возмутился казах. Юрий заметил, что к подбородку у него прилипла кожа семечки.

– Даже за деньги...

– ...нам весело и без ваших нудных рассказов...

– А давайте лучше поиграем в «Эрудита»! – голос, сказавший это, балансировал на грани истерики.

Мужчина, стоявший под логотипом телеканала «Культура» на телевизоре (а что ещё могли смотреть эти почтенные люди?), прокашлялся в кулак, утёр пот с лысины и, кажется, тоже сказал что-то нелицеприятное.

– Молодой человек, – прибавила женщина в спортивном костюме (Алёна назвала её про себя председательницей общества синих горошин), – неужели мы выглядим в ваших глазах настолько невоспитанными, что могли бы позволить себе совать носы в чужие дела?

Остальные закивали. Бледная девушка с короткой стрижкой и наушниками в ушах, кажется, вовсе не слушала свой плеер. Она утопила лицо в ладонях, искренне чему-то расстраиваясь.

Не было ни переглядываний, ни обмена мнениями, но у Юрия сложилось впечатление, что все они каким-то образом общаются. Как дети, которые хранят одну большую на всех тайну, и каждый, засыпая, точно знает, о чём думают все остальные.

– Простите моего мужа, – сказала Алёна. Её голос был таким, каким нужно: испуганным голоском маленькой девочки, пёс которой чуть не угодил в медвежий капкан. Он попал точно в нужные пазы, возвращал сбившуюся было с ритма машину сознания этих людей к нормальной работе. – Он никого не хотел обидеть. Это всё, знаете, свежий воздух и близость по-настоящему чистого водоёма. Он сегодня в нём умывался. Смотрите, вот и результат!

Все сочувственно закивали. Женщина с вышитой овечкой на груди потянулась и дотронулась до локтя Хоря.

– Не расстраивайтесь так. Вы просто устали с дороги. Слушайте, вам нужно обязательно попробовать местную рыбалку! Или побродить по лесу в поисках грибов: сейчас самое время для опят, последний дождь был неделю назад. Если надумаете порыбачить, попросите Ильяса (щуплый казах, не придумавший ничего лучше, чем втихомолку убрать королеву с линии огня, застенчиво улыбнулся), а по грибным местам вас с удовольствием проведёт Софья. Конечно, если это будет не вторник и не четверг – в эти дни наша Соня занята в кружке по вышиванию в центре социализации молодёжи. Нет, она не просто балуется, она его ведёт!

Женщина окинула долгим взглядом сначала Юру, потом Алёну.

– Меня зовут Александра. Для вас – просто Саша. Я с удовольствием покажу вам гостиницу и окрестности. Поверьте, её история насыщенней, чем у Вестминстерского дворца, и здесь есть на что посмотреть.

– Мы будем очень благодарны, если вы устроите для нас экскурсию, – сложив руки на животе, как воспитанная девочка, сказала Алёна.

Саша покачала головой.

– Если только позже. Ты же с ног валишься, милочка. Единственное, что вам сейчас нужно – это лечь в постель и поспать десять-двенадцать часов. И проснуться ближе к ленчу совершенно другими людьми. Коренными обитателями Маркса, которых никто никогда не спросит, зачем они приехали и как много времени здесь провели. Это всё здешний воздух, ты права – и за ночь он напичкает вас как следует.

Супруги ушли к себе в номер и, даже не переодевшись с дороги, устроились на широкой кровати.

– Странные люди, – сказал Юра.

– Да.

– Откуда ты знала, что говорить?

Алёна пожалала плечами. Белые округлости её груди под тонкой тканью майки казались удивительно заманчивыми, но Юрий, памятуя, что пережила жена за время поездки, не мог заставить себя к ним прикоснуться. Да что там – он не был уверен, что способен поднять руку. Всё тело болело, икры ног свело судорогой.

– Я и не знала. Просто извинилась и всё. Знаешь, мне кажется, у них здесь какой-то тайный кружок. Они меня приняли туда сразу, как увидели. Наверное, запрет на такие вопросы – одно из правил этого клуба.

Алёнка улыбнулась и прильнула к нему всем телом, обхватив за шею руками.

– Не засыпай, – сказала она. – Мы пойдём на улицу Заходящего Солнца и всё выясним. Сумел ли Валентин выбраться? Почему его дневник оборвался так внезапно? Наверное, Мария ему помогла. Я с самого начала чувствовала, что она добрая...

Не прошло и половины минуты, как она уже спала, и этот сон был самым глубоким, что Юрий видел в своей жизни. Словно со скалы – и в пропасть.

Несколько минут спустя уснул и он, уснул как совсем маленький ребёнок, которого в семь вечера уложили в постель, уснул, закусив краешек одеяла и безнадежно пытаясь удержать утлое судёнышко своего сознания на плаву. Он видел там, за бортом, бездну, а потом, начав клевать носом, увидел её прямо перед собой.

Блог на livejournal.com. 17 апреля, 12:23. Кое-что здесь имеет разумное объяснение. Но не всё.

...Нашёл источник странных звуков! Войдя сейчас на кухню, я познакомился с моими (оказывается, многочисленными) сожителями – к сожалению, не теми, к которым можно обратиться за помощью.

И тут же с ними попрощался.

Добрый десяток рыжих тараканьих трупов устилал столешницу под вытяжкой, ещё больше их было в правом углу, возле холодильника, там, где плинтус и корка обоев вспучились от пролитой туда в незапамятные времена неизвестной едкой жидкости. Так вот где вы прятались, МАЛЕНЬКИЕ ЗАСРАНЦЫ! Я счастливо потёр руки... и только потом испугался.

Насекомые лежали лапками кверху. Что это? Отравляющий газ? Значит ли это, что я тоже скоро почувствую его воздействие? Безотчётным для себя движением я зажал ноздри. Воздух был совершенно обычный. Включи мозги! – сказал я себе. Если бы это действительно был газ, я бы склеил ласты куда быстрее тараканов. Чем сложнее организм, тем он хрупче.

И всё же... что их убило? Верить в метафизический тапок не очень-то хотелось. Я приблизил лицо к насекомому, лежащему ровно посреди стола, в блюде с кусковым сахаром. Никогда не видел таких огромных тараканов! Может, они погибли в какой-нибудь гражданской войне за обладание вентиляцией?

Мой попугай снова сидит в клетке, несмотря на то, что я совсем недавно посадил его на любимое место, на окно, на ветку домашнего декоративного клёна, закрепив между его ветвей

кусочек сушёного яблока. Яблоко, однако, исчезло. Я проверил дно клетки на наличие перьев и обнаружил ещё два...

Глава 5. Карнавал всегда с тобой.

1.

Думаю, каждому знаком такого рода сон – тот, что разговаривает с тобой на одном из древних языков, эхом пещерных сводов и скрипом мелового камня, которым художник выводит свои первобытные рисунки. Чаще всего он приходит во время болезни. Этот сон не желает зла, так же как не обещает ничего хорошего – просто даёт понять, что важные в твоём понимании вещи стоят против вечности столько же, сколько капля воды против Аравийской пустыни. Ненавязчиво намекает, что обжитый мир – лишь крупинка зерна среди мириад таких же зёрен, заключённых в сушильном отделении элеватора.

Юра и Алёна проспали до середины следующего дня. Когда они открыли глаза, одновременно, будто и в самом деле были теми, про кого говорят: «Они даже умрут в один день, точно тебе говорю», солнце уже откочевало на другую часть небосвода, чтобы радовать коротающих время в гостиную людей. Подумав о них, Хорь почти сразу услышал смех и голоса, приглушённые дверью. Ему вспомнилось далёкое детство в мягких сине-золотых тонах, когда он, шестилетний, смотрел, как в маленькое, круглое *волшебное* оконце проникает стеклянный луч света, и слушал, как внизу семья собирается завтракать. Скоро по скрипучей лестнице поднимется дед, стукнет кулаком по двери и возвестит начало нового дня, а пока – можно дремать, покачиваясь на поверхности своих снов. Голоса звучали так, что казалось там, в коридоре, они были и будут всегда. Как хорошая, пусть и слегка затасканная пластинка, которую можно слушать снова и снова.

– Спала как убитая, – сказала Алёнка. Она уже сидела на краю кровати и распутывала сбившиеся в клубок волосы. На левой щеке громадный алый пролежень от подушки. Юрий ощупал своё лицо и обнаружил у себя такой же. Чувствовал он и ещё один пролежень, под черепной коробкой, так глубоко, что до него не доберёшься самыми длинными пальцами. Что-то большое и тёмное, похожее на слепое пятно на солнце. И тяжёлое. Юрий пришёл к мысли, что без него голова была бы раза в два легче.

Должно быть, последствия трудной дороги.

– Доброе утро, – сказал он. Язык еле ворочался. – Не удивительно, потому что...

– Слушай! – перебила она. Повернулась, опёрлась на руки и приблизила своё лицо к нему. – Я хочу есть. Жутко хочу! А потом мы пойдём искать дом, в котором жил Валентин. Ты уже нашёл его на карте?

Не дождавшись ответа она встала с постели принялась рыться в дорожной сумке, выбирая себе свежую одежду.

– Думаю, члены кружка загадочных рож подскажут нам, где здесь подают омлеты.

– Будь к ним снисходительнее, – попросила Алёна. Она уже влезла в юбку и застёгивала на груди рубашку.

– Разве они не показались тебе вчера странными?

– Показались. Каждый имеет право быть странным. Посмотри на нас. Мы проехали почти четверть страны, чтобы найти человека, у которого, возможно, просто разыгралась фантазия.

Она упорхнула в туалет. Водружая на нос очки, Юрий улыбался во все тридцать два зуба. В этом вся она: Алёна из тех женщин, что, запев весёлую легкомысленную мелодию и пустившись в пляс, рушат печальную конструкцию, которую ты возводил у себя на лице.

О резких сменах настроения, жуткой дороге и тому, что ей предшествовало, Юра предпочитал не думать.

Портье сегодня был другой – мальчишка уставился на Алёнку с немим восторгом.

– Наверное, ты и есть Лев, – утвердительно сказал Юра.

Паренёк смущённо покивал.

На вопрос, где в столь поздний час можно позавтракать, он очень трогательно взял Юру и Алёну за локти и отвёл в кафе, прячущееся за пурпурной занавеской. Здесь царила атмосфера узбекской чайханы – было удивительно найти её в таком здании, более того, в этом городе. Длинные деревянные столы, похожие на суровых вояк столового фронта, чьи спины покрыты глубокими шрамами; обилие ковров на стенах; аромат чая, кофе и специй; лампы, пухлые, как воспарившие от обуявшего их чувства собственной восхитительности коты; большой приёмник, из которого доносилась инструментальная музыка. Портило картину только наличие барной стойки (хотя в глазах Юрия это вряд ли можно было назвать минусом). Он с удовольствием разглядывал бутылки, пытаясь угадать их содержимое.

Они уселись за угловой столик, заказали у Льва (который так и крутился рядом) омлет и кофе. Кроме них в кафе никого не было. На стойке поблёскивала ваза с орешками в сахаре.

Они ели, не глядя друг на друга, думая об одном и том же, постепенно настраиваясь на недобрый лад, как соперники-боксёры перед боем. Подбирая хлебом остатки лакомства, Юра безрезультатно пробовал переключить себя на что-то другое, но мрачные мысли носились по кругу, как лошадки в карусели. Лев никак не мог сообразить, что с ними случилось за время его короткого отсутствия – он ошивался поблизости, убегая на свой пост и возвращаясь, набравшись храбрости, подходил, чтобы спросить, не принести ли им добавки. Или, может, дама желает салат?

– Послушай-ка приятель, – сказал Юра, которому при всей мягкости его характера мальчишка уже начал надоедать. – Ты слышал что-нибудь о человеке, что провёл взаперти в собственной квартире почти (он сверился с лицом Алёны)... почти два месяца?

Парень затрясся, как кролик, и уронил бы с их стола салфетницу, если бы Алёнка предусмотрительно не взяла её в руки. Должно быть, он решил, что Юрий собрался сотворить с ним что-нибудь страшное. Например, заточить в чулане, подперев дверь шваброй.

– Н-не знаю... – сказал он.

– Точно? Он ведь живёт в твоём городе. Быть может, говорили в новостях? А? Пару лет назад?

Лев пискнул «нет» и испарился.

Супруги переглянулись и расхохотались, пиная друг друга под столом. На этом завершился их не то поздний завтрак, не то ранний обед – один из последних их в этом городе приёмов пищи, когда дурные предчувствия и смутные страхи оставались всего лишь дурными предчувствиями и смутными страхами.

2.

Выйдя из гостиницы, они, не сговариваясь, пошли пешком. Сосны, растущие на газонах, качали над головами тёмно-зелёными шапками, их тени на асфальте, узорчатых каменных урнах и фасадах домов, несмотря на облачную погоду и рассеянный свет, были необычно чёткими. Приходилось высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться о корень, нет-нет да поднимающий плитку тротуара.

Ветра не было, но откуда-то тянуло холодком – некто словно приподнял крышку на двухлитровой банке, в которой бушевала гроза. Это была самая странная прогулка в их жизни. Алёнка тряслась как лист на ветру, но когда Юра спрашивал: «Тебе холодно?», качала головой. Это не холод, нет. Словно что-то, что сначала робко просилось внутрь, теперь кричит и бьёт посуду, срывает со стен, комкает и бросает на пол плакаты с Майклом Джексонем и Уильямом Дефо, переворачивает в уютной комнате, в которой Алёнка обитала до замужества (кажется, полвека назад) мебель. Бумажные птички падают под ноги с кровоточащими дырами в шеях, люстра раскачивается и осыпает всё вокруг смертоносными ледяными копьями, кокон

из одеял, в котором девочка пытается укрыться, рвётся, и на свет божий выползает незрелое, неуклюжее насекомое. Сидит, пытаясь расправить несуществующие крылья, и не понимает, что через несколько минут ему суждено погибнуть.

Хрустальное, почти прозрачное лицо поворачивалось из стороны в сторону.

– Этот город... – сказала она. – Можешь не верить, но я именно так себе его и представляла. Как только прочитала первые страницы дневника, я уже знала, как он выглядит. Мне кажется, я знала даже о том, что у черепицы здесь именно такой оттенок. Видишь, вон там листья набились под крышу? Всё это ужасно знакомо.

Юру волновали более насущные вопросы.

– Интересно, как получилось, что здесь так мало туристов? С этим озером – очень необычным с точки зрения геологического происхождения – Кунгелль мог бы стать для них магнитом. Не первой величины, конечно, но всё же. Взять тот же Выборг. Да, в Выборге есть замок, но те, кто устал от замков, найдут здесь много чего интересного. Соседство города и густого леса – как тебе? Готов спорить, там уже через десять шагов начинается самая что ни на есть непролазная тайга.

Он заметил, что жена не слушает, и замолчал. Её глаза вращались в орбитах, ни на чём не останавливаясь, и Юрий, повинаясь порыву, взял её за руку. Держаться за руки – это так до дрожи приятно! Несколько странно для людей, которые уже семь лет живут вместе, но иногда этот простой детский жест позволяет вырвать с корнем самую застарелую, заскорузлую ссору, свести на нет разницу потенциалов и вновь почувствовать напряжение и чистоту тех давно утерянных времён.

Карта оставалась зажатой под мышкой – Юра запомнил названия улиц, на которые следует повернуть. Он хотел прикинуть расстояние, что им предстояло пройти, но в голову лезла всякая ерунда. Мужчина принялся бесцельно разглядывать местных жителей: сложно отказать от искушения попятить глаза в незнакомом городе. Кто-то увлекается архитектурой и сравнивает декор ампира с декором классицизма, другие читают вывески и разглядывают ассортимент в магазинах, третьи скрупулёзно записывают на мятый листочек или в блокнот цены, чтобы перед отъездом прикупить по дешёвке купальный костюм или хотя бы набрать кулёк мятных конфет по рублю. А Юрий увлекался людьми. Часто ли жизнь даёт тебе возможность почувствовать себя инопланетянином? Мурлыкая под нос песенку из мультика о Винни Пухе – ту самую, о тучке – гадать, раскусили ли эти ребята его *внеземное* происхождение...

Он знал, что Алёнку тоже больше прочего интересуют аборигены, но она везде выглядит как экзотическая бабочка, наблюдая других людей как насекомых не менее экзотических – где бы она их не встретила. Пусть даже это собственный подъезд. Она из тех, кто подчас очень удивляется наличию границ, языковых барьеров, необходимости иметь загранпаспорт и оформлять визу.

Сейчас она почти не смотрела по сторонам. Заглядывая в её глаза, супруг видел, что дома и люди там растворяются под сенью деревьев, которые, сдвигаясь, переплетаются корнями и помещают девочку с коричневыми волосами в самую сердцевину, шепча: «Иди, маленькая, иди в любую сторону, в какую пожелаешь, ведь ты *уже* в лесной чаще. Но есть одно место, где, возможно, твоё путешествие окончится. Подумать только – не придётся больше испытывать жажду, есть повядшие ягоды и страдать от укусов насекомых, которые здесь размером с доброго пони! Эта дыра в земле выглядит непривлекательной, из неё разит тухлым мясом, но, поверь, *завершиться* всё может только там». И вот маленькая девочка бродит вокруг, забыв про изорванные в локуты сандалии и исцарапанное лицо, никак не может решиться опуститься на коленки и скользнуть внутрь...

– Эй вы! Да, вы двое!

Из пучины странных фантазий Юрия выдернул этот окрик, возмутительный в своей прямоте. Он оглянулся и, увидев двух приближающихся людей, растерял слова, уже готовые для язвительного ответа.

Потому что никто в здравом уме не станет ругаться с клоунами. Клоунам простительно многое, ведь обращаясь к взрослому, они обращаются в первую очередь к той его четверти, которая возникла прежде всего. Удивительная парочка хохотала и одаривала друг друга тычками, выглядящими довольно болезненно; они шагали наискосок через улицу, не глядя по сторонам и игнорируя пешеходный переход, находящийся в десяти метрах. Впрочем, вокруг всё равно не было ни одной машины.

– Привет! – шагавший первым наклонился, обхватив ладонями колени, словно усталый бегун за финишной чертой. В нём не без труда удалось признать женщину, чьё некрасивое, но очень подвижное лицо было вымазано густой белой пудрой. Она была очень низкого роста – возможно, самой настоящей карлицей. Бесформенный балахон с огромными красными пуговицами, похожими на пятна крови, опускался почти до пят; спереди из-под него выглядывали носки белых туфель, такие длинные, что было непонятно, как в них вообще можно было передвигаться. Волосы, разделённые ровно посередине пробором, блестели от жирного лака и закручивались в бараньи рога, причём правый рог был значительно меньше левого.

– Вы нас напугали, – попробовал улыбнуться Юрий.

– Ну конечно, а как же иначе? – другой клоун едва не лопался от восторга. – В таком мрачном городишке как вы могли ожидать увидеть людей, чьё ремесло – веселье!

Глядя на него снизу вверх, Хорь подумал о ходулях. Однако двигался он с кошачьей грацией, безмятежно нависая над мужчиной и женщиной и крутя головой. Одет в шутовской картуз и брюки, сильно оттопыренные на животе, будто не далее, чем полчаса назад этот парень сожрал шар для боулинга. Лицо скорее грустное, чем забавное; судя по тому, с какой силой товарка по ремеслу колотила его локтём по голени (потому как выше просто не доставала), он успел ей изрядно надоесть. Алые щёки, опущенные вниз краешки подкрашенных губ – кстати, отчаянно-синих – и оттопыренные уши вызывали у Юрия не вполне ясное ощущение стыда – словно это он ответственен за то, что на детских утренниках и уличных представлениях этому клоуну доставалось больше всего щипков и ударов игрушечной кувалдой по спине.

Алёнка, которая всё это время простояла за спиной мужа, выглянула, чтобы ткнуть пальчиком в живот здоровяку.

– Он настоящий?

Клоун схватился за живот и заохал, отчаянно переигрывая.

– Ай, госпожа! Ай! У вас, наверное, в рукаве спрятан стилет! Ох, я же истекаю кровью!

Он покачнулся, но каким-то непостижимым образом прервал падение, вернув себя в вертикальное положение. На другой стороне улицы собралась кучка мальчишек-оборванцев, которые свистели и улюлюкали в спины клоунам, но те не обращали на них никакого внимания.

– Как повезло, что мы вас нашли! – сказала женщина-клоун.

– Вы нас с кем-то спутали, – сказал Юрий. Очки запотели, но он не стал их снимать, боясь спровоцировать здоровяка на очередную глупую шутку. – Мы всего сутки в городе и большую часть из них проспали.

– Конечно, мы ищем вас! – карлица протянула руку и без стеснения дёрнула Юру за подол пальто.

– Откроем вам секрет, – торжественно произнёс здоровяк; звуки перекатывались у него в горле, словно обладали всеми свойствами жидкости, а он – жирафьей шеей.

– Нужно по порядку, иначе они ничего не поймут.

Карлица бросила взгляд вверх и, увидев, что её напарник не повёл и бровью, сказала Юре и Алёне:

– Он плохо слышит.

– Здесь был карнавал, – продолжил рокотать здоровяк.

– Неделю назад, – вставила карлица. – Вы пропустили его, потому что приехали только вчера.

– Что? Я плохо слышу, – сказал высокий клоун.

– Я же говорила, – лицо карлицы смяла самая уродливая улыбка из всех, что Юре довелось видеть. «Генетика», – подумал он, не слишком отдавая себе отчёт в связи с чем вспомнил это слово.

– Так что это за секрет? – носик Алёны дрожал от любопытства. На свете не было большей охотницы до всяческих тайн.

– Подожди-ка, птишка, до секрета ещё дойдём, – карлица подтолкнула локтем своего компаньона. – Продолжай, Брадобрей.

Тот, кого называли Брадобреем, не нуждался в инструкциях. Его низкий голос звучал словно гром с небес:

– Такого карнавала как здесь, вы не видели нигде. Проходит раз в год, в конце августа, как только земля просохнет после летних дождей и печаль захватит сердца наших дорогих горожан – а это сплошь хорошие люди, они достойны лучшей доли. Мы стараемся как можем, – он потёр свой огромный живот, будто наедал его, думая обо всех этих «хороших людях». – И мы делаем так, чтобы дети и взрослые запоминали его надолго.

Юрий вообще в своей жизни не видел ни единого карнавала. Он вспомнил гуляния на Марсовом поле, где они с Алёнкой, ещё молодые и отчаянно-счастливые, не вполне оправившиеся от переезда, танцевали до упаду, вспомнил весёлый, пропитой гундёж рынка его родного городка. Но это, конечно, мало похоже на настоящий карнавал, когда весёлое праздничное шествие идёт по городу и бьёт в барабаны. Он не думал что в России такое возможно, исключая военные парады да крёстные ходы. В голове возникло воспоминание о флагах и шатрах странствующего цирка, но потом он признал один из рассказов Брэдли. Эти двое, кстати, вполне могли оттуда сбежать.

Брадобрей, похоже, собирался говорить ещё долго, но его спутница положила этому конец:

– Этот пузан имеет ввиду что не всем удаётся попасть на шествие. Малыши болеют, – она закатила глаза так, что блестящие как камушки белки заполнили почти всё доступное пространство. – Сезон дождей – сложное время, и не каждому удаётся удержать свой нос в чистоте.

Очередной тычок, словно активировав какую-то кнопку в его многострадальном боку, заставил жердя чихнуть.

– В этом году народу было много, – продолжила она. – Но есть один мальчонка...

– Один-одинёшинец – завыл Брадобрей. – Он подхватил простуду, и...

– Теперь мы идём его навестить! – женщина звонко хлопнула в ладоши, её рот кривился от не совсем ясного, почти экстатического чувства. – Мы – последние оставшиеся в городе курьеры счастья, в то время как остальные, кикиморы и водолеи, кентавры и иллюзионисты, которые принимали участие в шествии, разбрелись по своим тайным мирам и тонким планам.

– Но нам нужна подмога, – горестно вздохнув, сказал великан.

– Как есть, нужна. Сами мы не сможем *качественно* развеселить малыша, поэтому без вас, – она протянула руки и взяла в одну ладонь запястье Юры, а другой цепко сжала кисть его жены, – нам не обойтись.

– Мы, мягко говоря, далеки от развлекательной индустрии, – стесняясь, сказал учитель. – Вот если бы взять образовательную...

Он почувствовал, как вздрогнула земля. Что это, землетрясение? Да нет, ерунда. Он прислушался, но ничего не услышал. Клоуны не выказывали ни малейших признаков беспокойства, Алёна, похоже, тоже ничего не заметила.

– Ну-ка улыбнись, – сказала карлица и, не ожидая пока он среагирует, протянула ладони (выпустив при этом их руки, чему Алёна была только рада: хватка у неё была будь здоров), чтобы двумя указательными пальцами растянуть уголки губ Юрия. – То, что надо! Послушай, ковбой, веселье заразительно. Если ты умеешь так улыбаться, значит, ты именно то, что нам нужно!

Они переглянулись. У Алёнки в глазах был испуг, Юру, напротив, неожиданные гости изрядно развлекли, несмотря даже на вторжение в личное пространство и оставшийся после него привкус гуталина во рту. Местные жители не отличались гостеприимством – хотя судить об этом по тому, что дети не бегали за тобой табунами, а взрослые не пялили глаза, а, сунув в рот сигарету или нахлобучив поглубже кепку, просто исчезали с твоего пути, было довольно странно. Эти же двое им нравились. Знакомство с ними сулило по крайней мере одно яркое воспоминание. Есть, правда, одно «но»... и с этим «но» приходится считаться. Нервы жены сейчас представляли собой оголённые провода.

– Мы торопимся, – сказал Хорь, стараясь скрыть сожаление, которое мгновенно нашло отражение на клоунских лицах, – извините.

Он пристально посмотрел на жену. Она была бледна.

– Да ведь?

Настойчивый вопрос пустил по её лицу трещины. Девушка несмело улыбнулась, ему и клоунам одновременно.

– Простите меня. Это всё свежий воздух. На меня он действует как шоколад на толстуху. А знаешь, наверное, ты был прав, когда говорил, что нам некуда торопиться. Мы вполне можем немного погулять.

– Уверена? – спросил Юра, а клоуны разразились аплодисментами. Жердей оттянул и отпустил лямки, что удерживали его штаны.

Она боится! Это знание лежало перед Юрием как на ладони. Быть может, они найдут пустую квартиру, но куда вероятнее – посторонних людей, которые знать не знают ни о каком Валентине. Или шутника, что будет приятно поражён тем, что ружьё, которое он давным-давно повесил на стену, вдруг выстрелило. Так или иначе, Алёна хотела узнать правду и в то же время смертельно боялась её.

Она не выдержала его взгляда, опустив глаза.

– Если я сейчас начну копать в себе, тебе снова придётся взять меня за руку. И отвести куда нужно, потому что я-то ещё долго не в состоянии буду принять какое-то решение. Так что лучше сделай это сразу.

Юра исполнил эту просьбу с превеликим удовольствием.

Блог на livejournal.com. 17 апреля, 16:14. Тягости жизни тропической птицы на севере России.

...Чаще всего источником шума в доме была Чипса. Без неё я бы, наверное, свихнулся, слушая собственное дыхание и далёкие, как с другой стороны земли, голоса соседей. Это старый дом, и в нём, в отличие от картонных многоэтажных коробок, в том числе и той, в которой прошли моё детство и юность, отличная шумоизоляция.

Я никогда не запираю клетку, позволяя попугаю носиться по квартире. Чипса – умница. Она не собиралась бросаться грудью на стёкла, чего я втайне боялся. Зато любила ходить по подоконнику взад и вперёд и стучать клювом в окно, привлекая внимание голубей, прикорнувших на карнизах, и пролетающих мимо воробьёв, которые при виде столь необычной большой птицы сбивались с темпа, переставали махать крыльями и уходили в крутое пике.

Чипса – единственная птица, за которой я убирал с удовольствием, и, следовательно, единственная птица, которую я любил.

Когда я возвращался со смены, Чипса устраивалась у меня на правом плече и выбирала из волос мелкие листики, а зимой – склёвывала снежинки, вопя, словно корсар, который продырявил себе ступню, случайно выстрелив из пистолета. Когда я устраивался подремать после рабочей смены или же присаживался за кухонный стол с книгой, Чипса была тут как тут. Она то сидела у меня на голове, то, цокая коготками, ходила по холодильнику, сбрасывая на пол магнетики с цветными пластиковыми буквами (как и всё здесь, оставшиеся от прошлых жильцов), то игралась с каким-нибудь шнурком. Всяческие верёвки были страстью Чипсы. С ней я научился завязывать шнурки хитрым тройным узлом – такому позавидовал бы любой моряк.

Она обожала греметь на кухне грязной посудой и кататься на выдвижных ящиках. Иногда я закрывал глаза и представлял что не один. Мне чудились голоса взрослых и звонкий топот трёх девочек, что играли у себя в комнате в какую-то подвижную игру. Будто жизнь не умирала здесь. Будто я стал частью большого семейства.

Я предложил моей попугайчихе пойти немного пошуметь, но она сидела в клетке, нахохлившись, как мокрый голубь. Пластиковое колесо, которым она не пользовалась с тех пор, как получила возможность летать где вздумается, медленно поворачивалось вокруг своей оси. «У нас горе», – доложила она мне.

«Кто-то умер?» – спросил я. Это было нашим кодовым обменом словами, на который предполагался ответ: «Моя кормушка умерла. Там пусто!»

Но на этот раз она ответила по-другому.

«Чипса умер».

«Чипса не может умереть, – сказал я, просунув руку в дверцу и погладив попугая по голове. – Кроме того, ты же девочка и, судя по тому, как любишь всё блестящее и звонкое, еврейка! Ты должна говорить: «Ой, таки Чипса умирает с этого анекдота!»

Но Чипса ничего не ответила...

3.

Гулять в компании двух клоунов было по меньшей мере необычно. Они выглядели среди строгих домов и печального вида людей словно две рыжих лисы в курятнике. Они рассыпали направо и налево приманки: «Как дела?», «Как проходит ваш день?», «А что это за малютка? Хочешь шарик, детка?». Карлица с боевым кличем гонялась за котами и стреляла присосками из игрушечного пистолета по голубям; пыталась отдавить ноги особенно серьёзным господам, хотя с её весом это не особенно получалось. Она стремилась причинить неудобство всем и каждому. Брадобрей всё время шагал рядом и посмеивался, но Юрия не покидало ощущение, что он *смотрит*. Что глаза его не смеются, что они подмечают каждую, самую незначительную деталь, запоминают лицо каждого человека, что свернул с дороги чтобы избежать встречи с ними – а так делали многие. Очень многие.

Должно быть, от карнавала и его участников были сплошные проблемы, – думал он, потирая виски.

Потратив около двадцати минут на дорогу, они оказались в западной части городка (Юра скрупулезно отслеживал перемещения по карте), там, где озером пахло меньше всего. Это был тихий спальный квартал с неподвижными, потемневшими от смены сезонов берёзами и частными одно и двухэтажными домами, которые касались друг друга крышами. Вымощенная красным кирпичом с обитыми углами дорожка выглядела неважно: на днях на неё свалилось старое дерево, перегородив проезд, да так и осталось здесь лежать. Листья свернулись и осыпались, словно дохлые личинки. И ещё более неважно выглядела пустая песочница посреди одного для всех двора. Брошенный автомобиль с болтающейся на одной петле дверцей стоял на белых кирпичах. На крыше Хорь увидел солидную вмятину и сразу подумал о диких зверях,

что, должно быть, частенько шатались по ночам здесь, на окраине, потроша мусорные баки на предмет лакомства. Возможно, какой-нибудь медведь принял «жигули» за банку консервов.

– Вот этот дом, – шёпотом сказал Брадобрей. Его лицо опустилось на один уровень с лицами супругов, а рот изогнулся. Было что-то плотоядное в этой ухмылке и в этом голосе.

Дом, на который показывал клоун, отличался от других разве что обшарпанным видом: отколотая тут и там штукатурка, грязные стёкла. Старики, сидящие на скамейках возле домов, и алкашня, торчащая возле пивного ларька, походили на деревянных истуканов, вырезанных мастером (в случае стариков), или же пациентами сумасшедшего дома (в случае алкоголиков).

При виде клоунов, улыбающихся и корчащих рожи, все они начали расползаться по домам. «Ничего себе, кварталчик», – пробормотал Юрий, вспоминая Купчино. Алёнка просто молча пялила глаза.

Они присели на лавку напротив нужного дома. Карлица, назвавшаяся Крапивой, достала пакетик семечек и предложила всем желающим.

– Взрослые должны были укатить на работу, – продолжал Брадобрей. Он смотрел на гараж на первом этаже дома. Есть внутри машина или нет, понять было нельзя. – А мальчишку не взяли. Его никогда никуда не берут. Маленький засранец наказан за то, что устраивал истерики на пустом месте.

Последнюю фразу он произнёс чужим голосом – наверное, голосом отца мальчугана, – а потом добродушно засмеялся, сглатывая с живота шелуху от семечек.

– Самое время для веселья, – сказала Крапива, высыпав в рот остатки семечек из кулька. Она повернулась и посмотрела на Алёну. – Идите вперёд. Нам нужно подготовить большой СЮРПРИЗ для маленького непослушного мальчика. Постучитесь в дверь и скажите что вы... ну, например, опросы проводите.

– А вы? – спросила Алёна, придвигаясь ближе к мужу.

– Нам он не откроет. Но мы будем тут как тут!

Её глаза фанатично блеснули.

– Идите! Не будем терять времени. Есть ещё множество малышей, которые недополучают радости и счастья.

Как во сне Юра встал и пошёл к двери. Как только он вышел из-под тени дуба, что нависал над скамейкой, солнце на миг ослепило его, а потом снова скрылось, на этот раз за крышей. Сзади послышались торопливые шаги – Алёна догнала его и пошла рядом. По её лицу ничего нельзя было прочесть.

Он поднялся на крыльцо и постучал. Потом позвонил в звонок, звук которого напомнил ему сигнал к началу урока в родной школе. С минуту было тихо, потом детский голос спросил: «Кто там?»

Мужчина хотел было повторить то, что сказала ему карлица, но вместо этого спросил, понизив голос:

– Как тебя зовут, мальчик?

– Фёдор.

– Привет, Фёдор. Здесь два клоуна. Можешь посмотреть в окно. Скажи, ты их знаешь?

Молчание. Потом голос сказал так тихо, что Юра едва расслышал:

– Не знаю никаких клоунов.

– Родители дома?

– Нет...

– Юр, – Алёна дотронулась до его шеи сзади, как часто бывало, когда она хотела привлечь его внимание. – Я не вижу их. Где они?

И в самом деле. Клоуны исчезли. Хорь сделал несколько шагов влево, чтобы заглянуть за угол; проходя, он увидел в окне испуганное лицо пацанёнка лет девяти. Он тоже разглядывал двор, и, кажется, тоже без особого успеха.

А потом над головой оконная рама стукнулась о кирпичную кладку. Стекло зазвенело, едва не вылетев. Подняв голову, мужчина увидел торчащие из окна ноги Бradoбрея в остроносых ботинках. С подошв комками отваливалась грязь.

– Как они... – сказал Юрий, но не закончил фразу. Ноги исчезли. Занавеска выпросталась наружу, словно изнутри дул сильный ветер. Она походила на огромную прозрачную руку.

– Пожарная лестница, – сказала Алёна. – Вон там.

Теперь он увидел. С пожарной лестницы можно перебраться на карниз шириной в пол метра (там стояли горшки и кадки с цветами), откуда до окон второго этажа было подать рукой. Лицо мальчика исказилось ужасом, когда он, склонив голову к плечу, слушал, что происходит наверху. Потом он пропал из виду.

– Быстрей, – Алёна положила руку на запястье Юрия и сильно сжала. Её голос дрожал. – За ними.

Хорь отогнал непрощенные мысли – в основном они касались наказания за незаконное проникновение – и полез следом за Алёнкой. Запутавшись в занавеске и сбив с подоконника цветок, они ввалились внутрь.

Комната, в которую они попали, видимо, принадлежала родителям. Большая двуспальная кровать декорирована комками одеял, не расправленных после сна. Древний кинескопный телевизор, видеокассеты в беспорядке разбросаны по выцветшему, почти чёрно-белому ковру. Немытая тарелка на журнальном столике, перегоревшие лампочки и множество всякой безрадостной всячины – половину этого Юрий расшвырял ногами, пока шёл к маршевой лестнице, виднеющейся за открытой дверью. Голоса раздавались снизу. Спустившись по лестнице на несколько ступенек (он впереди, Алёнка сзади), они увидели широкую спину Бradoбрея.

– Почему ты не пришёл на карнавал? – голос карлицы окрашивался визгливыми оттенками. Она локтем пихнула Бradoбрея в бок. – Мы с этим большим мальчиком так тебя ждали!

– Что? – спина здоровяка ходила ходуном, будто там, под кожей, ползали змеи. Под воротником расплзлось пятно пота. – Ах, да! Отменное было шествие. Каждая дворовая собака присоединилась к нам! И одноногие люди там были, и цыгане, и всякие уродцы, и шоу-шатёр электричества и света, который ехал сам по себе. Всё, как любят мальчики. Я везде смотрел, но нигде не видел этих любопытных чёрных глаз, что у тебя на лице. Где они были?

– Я... болел... простите, я не знал...

Мальчишка не плакал, но икал, не закрывая рот, так что звуки получались громкими и раскатистыми. Неожиданно для всех он нашёл в себе крохи храбрости. Голова опустилась, словно он собирался забодать незваных гостей.

– Кто вы такие? Я вас не знаю. Я вас в первый раз вижу!

– Зато мы тебя очень хорошо знаем, – заискивающим голосом сказала карлица. Она ущипнула своего компаньона, и тот надул огромный пузырь из жевательной резинки. – Однажды мы с моим другом услышали, что один маленький мальчик никогда не ходит на ежегодные карнавалы. Что он не любит веселье, предпочитая долгими пасмурными днями сидеть дома. Разве это жизнь?

– Я не люблю карнавалы. – Фёдор едва сдерживался, чтобы не разрыдаться. Руки больше не были сжаты в кулаки; правая загибала левую так, будто хотела её сломать. – Я вообще не хотел сюда переезжать.

– Что он говорит? – спросил здоровяк. Он наклонился вперёд под каким-то неестественным углом. Казалось, брюхо вот-вот перевесит, оно колыхалось под одеждой, как наполненный водой пузырь.

Карлица забралась по лестнице на две ступеньки, обхватив руками перила, потянулась ртом к его уху.

– Говорит, что его мамочка и папочка привезли его сюда потому, что у мальчика нервное расстройство! Представь себе! У такого молодого! Он не переносит задымлённость и суету

большого города, этот шум включает у него в голове трещотку, которая пугает его до воплей. А здесь тишь да благодать! Поэтому он не ходит на наши выступления. Как тебе это нравится? И после этого он смеет говорить, что ему здесь плохо! В нашем прекрасном городе! Вот его папаша точно не оценил бы такого заявления. Ему пришлось бросить работу, доходную работу в Москве. Он нашёл себе *соответствующую навыкам должность*, но за неё почти ничего не платят. Он теперь ругается со всеми подряд. Может, (она понизила голос) даже пьёт?

– Я такого не говорил! – закричал мальчишка. Юрия привлекло движение наверху: между люстрой и потолком от крика заколыхалась паутина.

– Но ты знаешь, что это так.

– Нет!

Клоуны не обратили на его возглас никакого внимания.

– Тогда ему необходима частичка веселья, – пророкотал Брадобрей.

– Абсолютно, совершенно необходима, – сказала карлица, противно хихикая. По видимой Юре и его жене щеке стекала пепельно-серая тушь. Женщина была похожа на огромную, вставшую на задние конечности блоху.

– А ну-ка хватит, – слабым голосом сказала Алёна, тут же зажав себе рот. Никто не удостоил её и взглядом.

– У нас есть для тебя подарок, – сказал здоровяк. – Возможно, он поможет тебе вылечиться и стать меньшей обузой. Ведь ты сейчас у родителей как камень на шее.

– Сделай что-нибудь, – причитала Алёна. Она теребила пуговицы на рубашке мужа. – Пожалуйста!

Но Юрий не мог заставить себя пошевелиться. Мышцы одеревенели, кто-то выдавливал изнутри глаза. Он смотрел себе под ноги и видел рыжую кирпичную пыль на носках туфель. Будто здание рухнуло, и ты не можешь вдохнуть. Ведь это страшное ощущение – лежать без движения, ловя лишь отдельные импульсы боли, не зная, спасут ли. И даже если спасут – сможешь ли ты когда-нибудь пошевелить хотя бы пальцем?

Здоровяк тем временем засунул руку за отворот своего сюртука и достал небольшую картонную коробку, перевязанную яркой жёлтой тесьмой. Юре показалось, что она появилась из ниши в его животе, словно кенгурёнок из кармана матери-кенгуру.

– Это вещь из моей личной коллекции, только для тебя, – сказал он, буквально впихивая коробку в руки малышку. – Штука, о которой мечтают все мальчишки твоего возраста.

– Конечно, она ценнее, – перебила его карлица.

– Ценнее, – поправился великан, обозначив глубокий кивок. – О ней мечтают ребята даже старше тебя. О ней мечтают старшеклассники. Она даёт им власть. С ней любой шум для тебя будет не страшнее сердитого кудахтанья. И даже отец, который зовёт тебя *маленьким трусливым ублиодком*, трижды подумает, прежде чем раскрыть рот.

Он улыбнулся, сверкнув несколькими золотыми зубами. Дёсны были красные, словно у вампира.

– Не забудь про особые привилегии! – закричала ему в ухо карлица.

– Я когда-нибудь что-нибудь забывал, мой маленький чёртик из табакерки? Слух у меня не ахти, но с памятью всё в порядке.

– Ну так скажи ему!

– Ты счастливчик, маленький Фёдор, вытянул короткую соломинку. Мы останемся в городе ради тебя, будем наблюдать и подбадривать, когда ты загрустишь. А в следующий раз, когда ты останешься один, мы придём, чтобы устроить для тебя представление – только для тебя одного!

Он раскинул руки, и из широких рукавов с громким треском выскочили два пучка разноцветных лент. Карлица достала дуделку в виде маленького красного снегиря и дула в неё, извлекая совсем немзыкальные звуки.

Мальчик, держа на вытянутых руках коробку, отступал назад, вглубь коридора, пока не упёрся спиной в стену. Его лицо было белым как мел. Резко запахло мочой.

– Я не люблю карнавалы, потому что они всегда громкие, – тихо сказал он; в идеально круглых глазах отражались ленты, свивающиеся в кольца и медленно опускающиеся на пол. – Две недели назад мы закрыли все окна, но всё равно было немножечко слышно, а в воскресенье даже уехали из города. Я не люблю музыкантов и очень... очень боюсь клоунов.

– Что же, это ещё не преступление, – по-прежнему улыбаясь, ответил Брадобрей. Его слух возвращался и исчезал благодаря какому-то хитрому фокусу. – У тебя теперь есть нечто *особенное*. С этой вещью твои страхи исчезнут, как кролик в шляпе – кролик, который уже развлёк зрителей и которому пора домой.

Схватившись за бока, карлица захохотала.

– Ой, умора! – ревела она. – Кролик, которому пора домой! Только не говори, что ты не знаешь, куда деваются все эти зверушки из шляпы.

– Я просто берёг детскую веру в чудеса, – возмутился Брадобрей. – Если она исчезнет, что хорошего останется в этом мире и кому будут нужны наши трюки? Мы станем просто старыми псами, спящими на солнышке и вспоминающими, как им бросали палку.

Он покачал головой. Карлица внезапно прекратила смеяться; она остро взглянула на великана и сказала:

– Чудеса никогда никуда не исчезают, – сказала она. – Даже если пропадает вера. Без веры они чернеют и у них выпадают зубы... но и только.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом одновременно подняли глаза на двоих людей, жмущихся к стене на лестнице. Брадобрей не просто повернул голову – она словно повернулась на сто восемьдесят градусов.

– Мы уходим прямо сейчас, – сказал здоровяк.

– Отправимся по своим шляпам, – хихикнув, сказала карлица.

– И вам лучше тоже не задерживаться. У нашего общего друга ужасные соседи. Очень хмурые и очень глазастые. Не доверяют настоящему веселью.

Он надул ещё один розовый пузырь, и дальше по коридору, в прихожей, вдруг распахнулась входная дверь. Люстра закачалась, заставив тени брызнуть во все стороны. Дневной свет заиграл в выставленных у порога бутылках, отразился в зеркале на стене с ободранными фиолетовыми обоями, белый орнамент на которых давно уже перестал быть различим из-за отпечатков грязных ладоней, словно кто-то привык ходить по коридору, держась за стеночку.

Пока Юрий щурил глаза, клоуны исчезли. Мальчик тоже – его рыдание доносилось из одной из комнат на первом этаже. Коробка со смятыми углами валялась на полу. Он почувствовал, что снова может двигаться. Ступени побежали вверх со скоростью взбесившегося эскалатора.

Алёна была уже внизу, она крутилась волчком, пытаясь понять из-за какой двери доносится плачь.

– Мы должны уходить, – хрипло сказал Юра.

– Эти твари... эти изверги довели мальчишку до нервного срыва. Я должна с ним поговорить!

– Всё ведь началось с нас, – Юрий показал на заляпанное окно. – Мы успешно исполнили свою роль. Роль разведки и отвлекающего манёвра. Вряд ли он захочет нас видеть. Оставь его в покое.

Лицо Алёны приобрело выражение «я лучше тебя знаю что делать», так хорошо знакомое Хорю. Она больше не искала, где спрятался мальчик – пока не искала, – теперь её внимание привлекла картонная коробка со сбитыми углами, всё так же валявшаяся на полу. Девушка наклонилась, чтобы поднять её, и Юра не сделал ни единого движения, чтобы ей помешать.

Это был фокус, в тайну которого ему хотелось проникнуть не меньше, чем убратся отсюда подобру-поздорову.

Но вмешался случай. Звук мотора мужчина слышал уже давно, однако обратил на него внимание, только когда шум крышек затих на подъездной дорожке дома, в котором они находились. Хлопнула дверь.

– Бежим! – сказал он. – Наверх, как пришли.

Пожарная лестница спускалась с южного торца дома, окно выходило туда же. Подъездная дорожка и фасад дома были с западной стороны.

Алёна уронила коробку (внутри что-то мягко стукнулось о стенки), и они понеслись наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Бросились в объятья занавесок и, по пожарной лестнице выбравшись на крышу, притаились в ворохе листьев на плоском её участке. Машина, стоявшая на подъездной дорожке, совсем не походила на легковой автомобиль. Это был «ГАЗик» с оранжевой линией вдоль борта, из которого, лениво покачиваясь и покуривая сигареты, вылезли двое мужчин. Уперев руки в бока, они разглядывали перегородившее дорогу дерево. Юре было прекрасно видно содержимое кузова: там валялись каски, бензопилы, топоры, какие-то пустые канистры да майка одного из мужчин, который светил отвисшим брюшком и загорелыми плечами (было решительно непонятно, как он мог получить хоть какой-то загар при такой погоде).

Ложная тревога.

Клоунов нигде не наблюдалось. Они словно растворились в воздухе... или, набрав в лёгкие воздуха, уплыли по канализации – почему нет?

Супруги спустились по пожарной лестнице, отряхнулись за углом, выбрали друг у друга из волос листья и, обогнув рабочих, которые уже вовсю пилили ветки, пошли прочь. Хорь поддерживал Алёну за локоть. Она была явно не в себе. Алкоголики снова выползли под залежавшиеся, словно перина на дачной раскладушке, небеса; в центре двора дородная женщина с накрученными на бигуди волосами развешивала на верёвках бельё. Сначала Юрий подумал, что все они смотрят как работают сотрудники коммунальной службы, но потом понял: глаза не отрываются от них двоих. Они всё слышали и, может, даже видели что-то через окна, – холодея, подумал он, – но не торопились помочь. Словно знали что-то... что-то, что не давало им двинуться с места.

4.

– Всё это просто дико, – сказала Алёна, когда тесный тупик выпустил их на относительный простор улиц, где на газонах росли розовые кусты с сочными, остро благоухающими жёлтыми цветами; их запах сам по себе обладал шипами и карябал горло. Дома тесно смыкались друг с другом и походили на стенки картонной коробки, по дну которой бродили предоставленные сами себе игрушки.

– Да, – сказал Юрий. Что ему сейчас по-настоящему хотелось, так это опрокинуть в себя стопку чего-нибудь горячительного. И ещё одну. И ещё. До тех пор, пока сознание не превратится из геометрической фигуры с острыми углами в кляксу, а вопросы, которые разум непрерывно задаёт сознанию, не потеряют свою насущность, превратившись в ненавязчивое бормотание.

Алёна высвободилась из рук мужа и потёрла белые виски, будто там, изнутри, пытается проклюнуться птенец.

– Знаешь, я всегда, с самого детства могла видеть сквозь маски. И с самого детства знала, что клоуны и бродячие артисты – несчастные, потерянные души, что веселя других, вряд ли когда-нибудь сами испытывали радость. Помню, как ходила с мамой и с папой в цирк. Мне было тогда лет семь или около того.

Юра усадил её за стол крошечного уличного кафе – под навесом кроме них никого не было. После такого потрясения не мешало бы выпить хотя бы горячего кофе. За стойкой высился холодильник с пивом – выглядел он очень заманчиво, но учитель сделал над собой усилие, подумав, что, возможно, подъехавшая полиция проявит к ним снисхождение, если они оба будут трезвыми, с большей лёгкостью поверив в рассказ о чокнутых клоунах.

Куда большее, чем гипотетические проблемы с законом, его волновала жена, которая продолжала говорить, глядя в одну точку.

– Мы сидели аж на самом первом ряду. Проносившиеся по кругу пони обдавали нас потом, и я много смеялась... сначала. А потом, когда первая тройка артистов подошла ближе чтобы поклониться, я увидела их лица, и ни на что не могла больше смотреть до самого конца представления. Они были закованы в невидимые кандалы. Они улыбались, но эта улыбка словно вырезана из бумаги. Слышишь меня? Ты замечал когда-нибудь что-нибудь подобное? Я видела, что они занимаются совсем не тем, о чём мечтали. У них были разбитые сердца, у всех до единого. Мама сказала, что зверюшки живут в тесных вольерах и клетках, оттого они с таким удовольствием бегают по арене, и я решила, что артистов тоже держат за решёткой... До сих пор думаю, что в каком-то смысле так и есть. От них осталась только оболочка, душа же спрятана где-то в напёрстке на полке у толстого цыгана с руками, униженными перстнями.

Она слабо улыбнулась.

– Мама сказала, что цирком – как и любыми цирками в мире – руководят цыгане, и нам с папой стоило немалых усилий уговорить её сесть на первый ряд. Она боялась, что где-нибудь ближе к концу программы кто-нибудь покажет фокус, и я исчезну со своего места навсегда.

Она помолчала, размешивая в кружке густую чёрную жидкость из автомата (ни обслуживающего персонала, ни хозяина заведения нигде не было видно), и потом спросила:

– Так почему же мы с ними пошли?

Она задавала этот вопрос в первую очередь себе, слегка переиначив его с «как я не разглядела *этого* в карлице и Брадобрее?»

Юра решил ответить сразу на второй. Он погладил её по руке и сказал:

– Ты не виновата. Может, они на самом деле *не* *соображали* что делали?

– Нет, прекрасно соображали, – сказала Алёна. – Злых людей на свете встречается куда меньше, чем мы думаем. Мы слышим о них каждый день, быть может, даже видим в трамваях и на экранах телевизоров, но ведь маленькая куча дерьма в огромном саду может вонять как настоящая выгребная яма, правда?

Юрий кашлянул в кулак. Одно единственное крепкое словцо из уст его жены могло заткнуть за пояс целый класс острых, молодых умов. Это напрягло бы Василину Васильевну, но не его. Если господь Бог, в которого он не больно-то верил, действительно придумал весь белый свет, то и ругаться он умел лучше всех на свете – что бы там не думали бабушки в платочках, продающие в храмах свечи.

По лицу Алёны было видно, что как ни желала она, чтобы слова мужа были правдой, она не могла отрицать того что видела. Эти двое и в самом деле запугивали мальчишку. Он говорил, что видел их впервые, но они явно знали что делали. Их фишкой было то, что у маркетологов ценится очень высоко и зовётся *индивидуальным подходом*.

– Знаешь, что я думаю? – спросила Алёна. – Если бы мы забыли карту в номере и заблудились, пойдя по другой дороге, нас бы всё равно выследили. Всё случилось будто бы случайно, да? Но мы *должны были* присутствовать в этом доме. Кто-то заранее всё спланировал. Может, за нами до сих пор наблюдают.

Было видно, что она, сидя спиной к дороге и тротуару, отчаянно борется с собой, чтобы не оглянуться. Юра никого не видел. В пыльных стёклах первого этажа зелёного дома через дорогу отражался светофор, который посылал свои сигналы в пустоту.

– Слушай, – мягко сказал Юра. Сохраняя внешнее спокойствие, он едва держал себя в руках. – Если тараканы в твоей голове почувствовали себя здесь как дома, я намереваюсь сейчас же завести нашу ласточку, погрузить тебя на заднее сиденье, пристегнуть двумя ремнями и отбыть отсюда восвояси. Если бы ты сейчас записала себя на диктофон и отправила на телеканал «ТНТ», то обязательно услышала бы потом эту реплику в одном из их тупых сериалов.

Алёна подняла глаза – в них читалось испуганное недоумение. Словно у затворника, которого разбудили, трясая за плечо. Хорь вовсе не хотел быть человеком, нарушившим душевный покой супруги. Он с недоумением разглядывал своё отражение в витрине, так же, как, наверное, грабитель разглядывает свои руки, не понимая, с чего вдруг полез будить хозяина дома.

Боже, как хочется приложиться к бутылке! Даже ссаное пиво подойдёт.

– Хорошо, прости, – она встала, оставив недопитый кофе. – Мы найдём дом Валентина. Потом решим что делать. Быть может, уедем прямо сегодня вечером.

«Но пожалуйста, не делай мои предчувствия напрасными», – звенело за ширмой её голоса.

Всё ещё потрясённый, Юрий пообещал себе что постарается.

Блог на livejournal.com. 18 апреля, 05:22. Почти не сплю, ем только сырую пищу. Возможно, скоро мой черёд.

...Не только тараканы. Растения тоже умирают. Все эти годы они как-то держались, несмотря на всю сомнительность моего за ними ухода. Когда зелёно-коричневые рты раскрывались и становились похожи на лица на средневековых гравюрах, я давал им воду. Когда тарелка под горшком переполнялась, выливал в раковину. Когда через щели в рамках совала свой любопытный нос зима и мои растения застывали в ужасе, я переставлял их на шкафы и свободные книжные полки, где наблюдался дефицит света, но хотя бы было тепло. Я никогда и ничего не подрезал, позволяя им расти как вздумается, рисовать стволами и орнаментом листьев витиеватые сообщения, которые я с переменным успехом расшифровывал.

Теперь же сообщение было однозначным. «Всё кончено». Голые тонкие стволы и стебли – клянусь! – похожи на костлявые руки, что торчат из-под земли в надежде, что кот-то ухватится за них и вытащит...

5.

Через сорок минут ощущение, что клоуны окажутся едва ли не самыми приветливыми людьми, встреченными ими за время их недолгой прогулки, только окрепло. У каждого, к кому супруги обращались, чтоб спросить дорогу, находились неотложные дела. Лица превращались по цвету и фактуре в наждачную бумагу.

– Возможно, северный менталитет, – вслух думал Юра. – Говорят, в Норвегии предания о троллях имеют под собой вполне приземлённую основу. Это, мол, моряки дальнего плавания, вынужденные жить под мостами, потому что жёны их не узнали.

В одном он был уверен: пусть перспектива наглотаться ледяного воздуха, стоит тебе открыть рот, и сделала некоторые народности молчунами, но шкала на градуснике злости, засунутого между ягодицами этого спокойного и миролюбивого с виду городка, явно заполнялась сверх всякой меры.

Он хотел узнать, что думает Алёна – вот уж кто умеет читать людские души как раскрытую книгу, – но она всё ещё дулась. От них старались держаться в стороне, отворачивали лица, и на многих Юрий успевал заметить что-то, напоминающее... жалость. Серьёзно? Их жалеют эти хмурые, уродливые дети чёрных подъездов и канализационных решёток, сквозь которые пробивалась рахитичная зелень? Адепты гудящих труб и дрессировщики голубей?

Юра качал головой, не веря самому себе, но раз за разом убеждался, что в этих рассуждениях есть зерно истины: за время их короткой прогулки он то и дело слышал звон стекла в окне, которое захлопывала чья-нибудь рука.

Они брели среди мрачных, почти античных построек. Небо быстро темнело, затягиваясь тёмными тучами, но ни у кого не было зонтика – словно жителей Кунгельва когда-то лишили привилегии носить с собой этот символ победы над природой. Казалось, этим хмурым людям точно известен момент, когда упадут первые капли дождя – если они упадут вообще. Спонтанно, повинаясь какому-то внутреннему порыву, супруги Хорь заходили во дворы и видели там пристройки из ветхой гниющей древесины. Иногда в глубине двора можно было заметить открытый гараж или сарай, в котором кто-то ковырялся – не покидало ощущение, что он сам себя переделывает и перестраивает, надеясь пережить грядущую зиму (такую, с наступлением которой «весь город превращается в подобие кокона из одеял»). И ни одной собаки, ни домашней, ни бродячей. Растрёпанные, грязные воробьи сидели на заборе. Дома нумеровались как попало, и обязательно где-то да находилась стена с табличкой, название улицы на коей противоречило тому, что говорил указатель несколькими десятками метров ранее. Но, как правило, название улицы совпадало с картой.

– Это улица Туве Янсон, – говорил Юрий, тыча в карту. Потом смотрел по сторонам и закусывал палец. – Или нет?

Слишком уж слабы были ассоциации с Муми Долом, страной, где живут муми-тролли.

– Это не та улица, которая нам нужна, – обоснованно утверждала Алёна.

Что-то большое прячется от взгляда, будто здесь столько потайных ходов и ниш, сколько семечек в старой высохшей тыкве. В кошачьих мисках, задвинутых под лестницы, в дождевой воде, подёрнутой ряской или белесой плёнкой, плавали мухи и остатки пищи.

Они остановились возле неработающего зеленоватого фонтана, три лошади в центре которого показались Юрию на редкость уродливыми, словно скульптор, что их изваял, никогда не видел лошадей, используя расплывчатые свидетельства деревенских мужиков. Женщина, выуживающая из мусорного бака пустые бутылки – наткнувшись на золотую жилу, она не готова была бросить всё, чтобы спастись бегством, – прижала к себе куль с посудой и пробурчала:

– Вы найдёте то, что суждено найти, в какую сторону ни пойдёте. Вы не найдёте то, чего не суждено, как бы ни хотели.

Она шмыгнула носом, увидев в руках Юрия путеводитель, который уже начал приобретать первые признаки потрёпанности.

– Это вам не поможет. Тех, кто их продаёт, нужно вешать вдоль западных дорог.

– Какая-то чокнутая, – сказал спустя несколько минут Юра.

– Ты видел, какой у неё берет на голове? – отозвалась Алёна. – Кроваво-красный! Такой выдают только городским сумасшедшим.

– Я бы сказал, что каждый второй здесь бежал из жёлтого дома... если бы это был не каждый первый.

На этот раз она промолчала. А через несколько шагов молодой учитель заметил, что Алёны больше нет рядом, и вновь, как в то кошмарное утро в Санкт-Петербурге, рухнул в бездны паники. Впрочем, пламя её быстро угасло: обернувшись, он увидел её смотрящей вверх и медленно поворачивающейся вокруг своей оси – движение это своей плавностью и необратимостью напоминало вращение планеты.

– Что такое? – спросил он. – Дождь?

Вместо ответа Алёна вытянула руку.

– Это здесь или там. Тот дом или этот. Ты что, не узнал двор?

Юра пожал плечами.

– Двор как двор...

Он осёкся, увидев выражение лица жены. Она никогда здесь не была, но узнала. По каким-то одной ей (да ещё, наверное, этому Валентину) ведомым признакам, по закорючкам текста, в которых притаилось сочетание, идеально совпадающее с рисунком балконов и выбоинам на асфальте – только здесь, и нигде больше. Как травмированный сустав, что в один момент со щелчком встаёт на место.

– Мы нашли его, – прошептала Алёна.

Блог на livejournal.com. 18 апреля, 23:49. Что, если я всё-таки съехал с катушек?

...Я только что кого-то видел! Я сидел в зале и в очередной раз перебирал оставшиеся от прошлых жильцов бумаги – есть нечто интересное, но об этом в следующий раз, – как вдруг заметил движение! Оно проскользнуло по коридору из комнаты девочек и исчезло... наверное, сейчас на кухне или в уборной. Не хочу думать, что это галлюцинации. Не хочу идти проверять. Будто кто-то решил удрать от самого себя. Будто кто-то пытался наступить в свои же собственные следы, которые он оставил десятки лет назад. Жуткое зрелище. Раз – и нету! Осознание пришло секунды через четыре.

«Чипса, ты видела? – спросил я. – Клянусь, я сейчас возьму что-нибудь тяжёлое...»

Но я, конечно, никуда не пошёл. До сих пор сижу и прислушиваюсь.

Что-то мне подсказывает, что полночь не принесёт облегчения. Час ночи, половина второго – время, когда считаешь каждую бессонную минуту. До сих пор я старался уснуть до трёх ночи, чтобы самые странные часы перед рассветом прошли мимо. Теперь же мне этого точно не удастся.

Этой ночью буду подавать сигналы каждые два часа...

Глава 6. Старый город, люди прошлых эпох.

1.

Хорошо бы убраться отсюда до зимы – ни с того ни с сего подумал Юра.

Вокруг не было ни единой таблички с названием улицы или номером дома. Карта была похожа на вулкан, извергающийся бесполезными сведениями. Повернув голову, он смотрел как из торчащего из стены пожарного гидранта, широкого, тупорылого и похожего на гигантского червя, сочится зеленоватая вода.

– Неужели это место существует? – спросил он.

– Да. Оно само нас нашло, – в голосе жены слышалось возбуждение. – Вон те окна. Первые слева. Угловые. Там, под крышей. У тебя зрение острее, видишь там что-нибудь?

Это была неправда. Алёна могла пересчитать листья на вершине любого дерева. Могла, выглянув из окна их квартиры, увидеть, кастрирован ли гуляющий во дворе кот. Сейчас она отступала назад, запрокинув голову, и упала бы навзничь, споткнувшись о грудку кирпичей, лежащую у тротуара, если бы Юра не придержал её за плечи.

В окне ничего не было. Просто чёрный прямоугольник; там отражались гонявшиеся за котом стрижи.

– Пойдём, закончим с этим, – услышал Юрий свой голос. – Пожмём ему руку, дадим посмеяться нам в лицо и посоветуем выпустить этот бред отдельной книгой. Потому что, что ни говори, а вышло довольно занимательно. Атмосферно, я бы даже сказал!

Особенно если принимать во внимание мрачный, почти картонный городок, о котором этот парень упоминал мельком. Возможно, всё дело во времени года – октябрь накладывает на людей определённый отпечаток, а некоторых и вовсе выворачивает наизнанку, и они ходят все такие странные, и никто их не узнаёт. Да... обычное ли дело – всего лишь время года, а

имеет такие длинные пальцы, что, минуя простуженное горло и заложенный нос, игнорируя все законы анатомии, запросто копается в умах и душах.

Дверь в парадную оказалась открыта. В подъезде сыро, на стенах надписи, вроде «всех учили любить и верить, а я с тех пор лишь курю и всё...», лепнина отваливается кусками. Гуляют сквозняки, почтовые ящики на втором этаже гудят, словно пустые бочки. Где-то громко работал телевизор, но голуби на карнизах шумели ещё громче. Между вторым и третьим этажом на полу лежал горшок с засохшим растением. Добравшись до последнего этажа, Юра увидел, что жена стоит перед дверью, безошибочно определив нужную, словно кошка, вернувшаяся домой после долгого путешествия, стоит, занеся руку над кнопкой звонка. На лице почти животное выражение.

Он остался стоять на лестничном пролёте, расстегнув верхнюю пуговицу на горле. Она позвонила, потом ещё и ещё, потом постучала и приложила ухо к двери, довольно хлипкой на вид и обшитой вагонкой.

– Ничего?

– Как в могиле.

Оба поёжились. Юрий тайком ущипнул себя за бедро. Что это со мной? Начал верить в сказочки?

Он съехал. Просто съехал. Или на работе. Или никогда здесь не жил. Да мало ли?

В квартире номер восемь, возле гнутой лестницы на чердак, кто-то подслушивал. Они слышали шаркающие шаги и дыхание. Юра думал, что услышит ещё и стук старческого сердца: «Жух-жух... Жух-жух...», но он переоценивал здешнюю акустику. Алёна постучалась и туда. Дверь железная; судя по всему, громоподобный звук заставил хозяина спастись бегством. На минуту или около того наступила тишина. Алёна бросила взгляд назад, на мужа, после чего постучала ещё раз.

– Кто там? – скрипучий, старческий голос. Пол определить невозможно.

– Простите, я ищу вашего соседа, – Алёна показала рукой, уверенная, что за ней наблюдают через глазок. – Из девятой квартиры.

Она заправила за уши волосы и улыбнулась. Скрипучий голос напоминал пение цикад.

– Вы одна?

– С мужем. Вон он стоит. Юра, покажись.

Юрий поднялся, уселся, как мог, на перила. К штанинам снизу пристала пыль.

Когда они решили, что человека по ту сторону двери не удовлетворило зрелище их блестящих от пота лбов, загремел дверной замок. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы установить зрительный контакт. Юрий видел тусклые глаза на морщинистом лице старухи – ей, наверное, лет восемьдесят. Маленький рот непрерывно двигался, возможно, пережёвывая крошки с обеда, в глубоких морщинах на подбородке ледниками залегла слюна. Похожа на индианку, выглядывающую из своего вигвама.

– Зачем он вам понадобился? – достаточно бодро спросила она. Старуха, наверное, как и многие в этом городе предпочла бы с ними не говорить, но... но молодость души вечна, а любопытство есть одна из главных её составляющих.

– Он? – Алёна проглотила крючок, словно самая голодная рыба на свете. Она подалась вперёд, так, что старуха едва не захлопнула дверь перед её носом. – Вы знаете его?

Кажется, женщина решила, что её пытаются запугать или в чём-то обвинить. Выражение лица изменилось: теперь это была ассиметричная уродливая маска.

– Я здесь живу уже семьдесят восемь лет, моя милая. Знаю всех, и многих уже пережила.

Девушка сложила руки на груди, пытаясь от чего-то защититься.

– Вы видели, как менялся город...

– Он не менялся, – перебила старуха. Голые доски пола у неё под ногами вспучились, не то от влаги, не то от старости. Веяло холодом, как из склепа.

Алёне требовалось время, чтобы прийти в себя. Юрий хотел было поднять оброненную ею эстафетную палочку переговорщика, но заметил что-то, что заставило его окаменеть: старуха была не одна. За её спиной кто-то стоял.

– Так значит, знаете? – спросила Алёна, не поднимая глаз. – Как его зовут?

– Стучитесь вы хоть головой, никто бы не открыл, – старуха прочистила горло, издав сухой смешок. – Там уже никто не живёт.

– Как давно? Умоляю вас, мне нужно знать.

– Если вспомнить... да, то был ношный год. Очень тёмный, очень страшный. Около двух лет назад. Суховей и страшная жара, а к осени как хляби небесные разверзлись. Тогда многие уехали, кто на запад, а кто на восток, а кто вообще неведомо куда.

– И он?

Старуха натянула губы на выступающие вперёд зубы (удивительно, что человек в её возрасте способен сохранить их все), сделав рукой знак: «Не скажу больше ни слова». Алёна сдалась. Чтобы соврать, ей не потребовалось делать над собой усилие.

– Это... один мой родственник. Он не выходит на связь уже давно. Мне важно знать, что с ним случилось.

Лоб старухи разбила новая трещина, глубже и извилистее остальных.

– И ты даже не знаешь, как его зовут, милочка?

Алёна моргнула и сказала:

– Валентин. Его зовут Валентином.

И наткнулась на непонимающий, совиный взгляд. Старуха оттянула воротник домашнего халата, облепляющего тощую фигуру, словно болотная трава – будто ей было жарко. Юра подался вперёд, пытаясь разглядеть тень за спиной, но та отодвинулась вглубь коридора, набросив на себя саван темноты. Может, просто мерещится... Алёна и вовсе, похоже, ничего не видела.

– Неужели там жил кто-то другой? – спросила она голосом, в котором чувствовалось движение земных пластов.

– Да не знаю я, как звали-то его, – призналась старуха. Она вытянула шею и вперила недобрый взгляд в Юру. – Парень как парень. Смурной такой, еле ходит – я его на лестнице обгоняла. Такие они сейчас. А один раз видела, как он гонял голубей и счищал ихнее дерьмо с карнизов и лепнины. А с нашего дома никто вот не счищал, – она поджала губы. – Что это за работа для молодого человека? Что это за молодой человек без ответственности? Почти сапожник без сапог.

Она помолчала, улыбаясь своей зубастой улыбкой и раскачиваясь из стороны в сторону.

– Валентин, значит... Так или иначе, он уехал.

– А вы не видели, как он уезжал? – вмешался Юра. – Много у него было с собой вещей? Не сказал, куда подался?

– Ничего не видела.

– И вы не пробовали стучать? Звонить?

Старуха безразлично пожала плечами.

– Зачем мне это? Чай, мне и сыну моему за это копеечки бы не перепало. Люди появляются, люди пропадают... обычное дело. Я такого много повидала.

Алёна произнесла одними губами: «Значит, он не вернулся». Она тёрла запястья, это было задумчивое, почти медитативное движение.

Конечно, старуха больше ничего не скажет. Мужчина собрался обнять жену за талию и увести, аккуратно, как большую хрупкую вазу, спустить вниз по лестнице, но умирающий, иссыхающий на глазах мир старухи вдруг разверзся перед ними, как жерло вулкана: она подалась вперёд, блеклые глаза метались от одного человека к другому. Кожа на щеках опасно натянулась, казалось, ещё секунда, и раздастся громкий треск, босые ноги, иссечённые многочис-

ленными, давно зажившими ранками и царапинами, перекрученные артритом, одна за другой, как рыбацкие лодки, исчезающие у горизонта, переступили порог.

– Я уже стара, – сказала она, словно сообщая большую новость. – Но до сих пор не знаю, что бояться-то надо... Этот мальчик, Валентин, просто один из многих. Один из тех, с кем мы никогда не говорили. Один из тех, кого мы не пускали на порог. Дурная примета. Иди прочь, не поднимая глаз. Не выходи из дома в дождь. Не надрывай свою глотку ради беспокойных бродяг, что скитаются по городу в поисках жилья и средств к существованию – уже через несколько лет ты вряд ли... вряд ли их увидишь. Пропадут, как сор. Но что поделаешь, если они живут рядом, через стеночку?

Не поворачиваясь, старуха указала рукой на дверь девятой квартиры, в точности как это делала Алёна. Девушка, которую от старухи отделяло каких-то полметра, раскачивалась на месте, как загипнотизированная; Юра же почти не слышал старческих речей. Он заглядывал в сырую дыру за спиной хозяйки, мальчишка, приподнявший крышку заброшенного колодца в чаще леса и увидевший там бывшего узника. Коридор с открытыми нараспашку дверьми. Нигде не горел свет, но того, что сочился из окон в комнатах, хватало, чтобы разглядеть среди дрожащих, как жилы, бельевых верёвок голову мужчины на костлявых голых плечах, его выступающие височные гребни, отвисающую нижнюю челюсть с резиново поблёскивающими зубами, безвольные, лягушачьи губы и абсолютно лысый череп. По подбородку и отвисающей нижней губе его ползали мухи... или показалось?

– Поневоле начинаешь вслушиваться, – старческий голос упал до хриплого шёпота. – И слышишь... всякое. Такое, что нельзя просто оставить на земле и уйти. Что, когда однажды услышишь, милая, будешь носить с собой до конца жизни.

– Вы слышали, как он пытается выбраться, но не захотели помочь? – прошептала Алёна.

Но старуха имела ввиду другое. Валентин пропал из её головы, как его и не было.

– Девочки так кричали... и музыка ещё играла – страх какая музыка! То ли Бах, то ли тарарах, то ли ещё кто... Я не слышала из-за неё ни звука, но прикладываешь к стене ладонь – и стены вибрируют. От криков вибрируют. Эти дети были заперты там всё время... не по-христиански это. Не по-божески... да есть ли здесь бог? Ночами я слышала, как в вентиляции кто-то ходит, и выдумывала укрытие, если в моей кухне окажется одна из этих бедняжек. Так ведь укрытие нужно подыскать такое, чтобы не нашёл мой собственный сын. Вы знаете, он ведь тоже из этих был...

Где-то внизу вдруг раздался громкий звук – грохот, словно целая секция стены отвалилась и, рухнув всей своей массой, проломила перекрытия между этажами. Секундой спустя другой шум: чердак массово покидали голуби, шум крыльев и их испуганное курлыканье, похожее на голоса с того света, заставили людей испуганно оглядываться. В глаза старухи вернулась осмысленность, кости сердито затрещали, когда она подняла над головой руки, защищаясь от чего-то.

– Они наказали меня за то, что я слушала, и за то, что пыталась помочь, – сказала она, отступая назад и затворяя дверь – Юра до последнего вытягивал шею, пытаясь разглядеть другого обитателя квартиры. Позже он спросит у жены: «Ты заметила?», на что она ответит: «Бедняга просто душевнобольной. Разве ты не видел людей с отклонениями? Таких, будто они только что вернулись с прогулки по луне?»

Но тот парень не был похож на беспечного лунонавта. Он был похож на самого дьявола.

Клацнул замок. Голос повис в воздухе облачком пыли:

– Идите восвояси. Ничего для себя вы здесь не найдёте.

2.

Спустились вниз и вышли на улицу прежде, чем Алёна вновь смогла выдавить из себя хоть слово:

– Она... говорила про семейство Соломатиных. Это она колотила в стену, когда включали проигрыватель с «Божественной поэмой». Всё сходится, слышишь? Картинка сложилась.

Юрий ничего не говорил; он думал, что, возможно, увидит клубящуюся возле мусоропровода пыль или рухнувшую у кого-нибудь из жильцов дверь, ставшую причиной громкого звука, но всё было спокойно. В дырах, кое-как замаскированных лепниной, шныряли мыши. На листах фанеры, которые кто-то давным-давно прислонил на площадке второго этажа, кто-то крупно, размашисто написал ругательство. Хорь подумал, что когда они шли наверх, его не было, но он, конечно, не был в этом уверен. Пахло краской и жареными кабачками. Никто из жильцов не выглянул, чтобы узнать причину шума.

– Мы должны отсюда уехать, – сказал он.

– Зачем? – дрожащие пальцы вытащили из сумочки полупустую пачку вишнёвых сигарет. Юра даже не знал, что она их с собой брала. – Есть зажигалка?

– Чёрт возьми, женщина, мы должны отсюда уехать!

Он видел как зубы за тонкими, аккуратными подкрашенными губами стиснули фильтр. Казалось, двор вышит на восточном ковре, и руки продавца прямо сейчас споро сворачивают его, чтобы передать покупателю. Целое распадается на отдельные, ничего не значащие детали, каждая из которых вызывала отвращение. Груда крышек с тухлой водой. Раздавленный машиной уж. Ботинок, застрявший между стволом и нижней веткой вяза у дома. Огромные чёрные муравьи, копошащиеся на газоне – будто не знают, что приближается зима. Кто-то идёт, шатаясь, в пятидесяти метрах справа и заворачивает за угол. Может, парень, который вёл этот дневник?

– Всё совпадает, разве ты не видишь? – голос Алёны, внешне спокойный, не мог обмануть мужчину.

– Пока совпадает, – безжалостно сказал он. – Этот засранец собрал манатки и был таков, не оставив и весточки. Мы уезжаем – прямо сегодня. С меня хватит.

Если бы Алёна могла взять метафизическую лопату и немного разбросать землю вокруг его сердца, она бы увидела, что оно стучит так, что, кажется, вот-вот даст сбой. Он был ошеломлён количеством смутных ощущений и дурных предчувствий, которые бродили вокруг с самого их приезда. Вдруг вспомнился тот несчастный мальчишка, Пашка, что не захотел ехать к бабушке. Под его песочного цвета волосами, неряшливо лежащими на лбу, была распахнутая форточка, и теперь Юра чувствовал, что такая же точно открылась и у него в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.